

ИСААК МАККА

103/302

ИНОСТРАННЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ
О РОССИИ

И СААК МАССА

КРАТКОЕ ИЗВЕСТИЕ О МОСКОВИИ

В НАЧАЛЕ XVIII В.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

1937

Записки Исаака Массы, голландского купца, проживавшего в Москве в начале XVII в., являются одним из важнейших иностранных источников по истории крестьянской войны и интервенции в Московском государстве. Записки, изданные в свое время Археографической комиссией («Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени»), печатаются в новом переводе с голландского языка. В примечаниях к тексту даны для сопоставления параллельные места из русских источников и записок других иностранцев.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Исаак Масса родился в Гаарлеме по всей вероятности в 1587 г.; дата его рождения точно не установлена. Первому издателю его сочинения о Московии в начале XVII в., А. ван дер Линде, не удалось найти никаких известий о его рождении или крещении в архивах гаарлемской общины и церкви. Это дало повод к различным домыслам о его происхождении.

Линде предполагает, что Масса принадлежал к благородной итальянской семье, отступившей от католичества в самом начале Реформации и бежавшей из Италии в Нидерланды. В своем послании к Генеральным штатам из Архангельска от 2 августа 1614 г.* Масса утверждает, что его предки «проливали кровь за отечество во Франции и в брабантских войнах», а отец его, «скромный и благочестивый человек, богобоязненно скончался в Гаарлеме, где он торговал сукнами». В послании к Морицу, принцу Оранскому, которому Масса посвящает свое сочинение, он упоминает «о всех великих жестокостях испанцев», которые он частью «видел сам, а частью слышал от родителей, кои — упаси бог! — слишком много претерпели их», видимо намекая на осаду и разрушение Гаарлема испанцами в 1572—1573 гг. В латинском издании книги «Beschryvinghe van der Samoyeden Landt», вышедшем в 1613 г., Масса подписался: Jsaac Massa Haerlem., — т. е. Haerlemensis**.

В детстве его готовили к торговле шелком. Для изучения торгового дела родители отправили его в Московию, куда он прибыл

* «Вестник Европы», 1868 г., январь, стр. 238.

** В. А. Кордт, Очерк сношений Московского государства с республикой Соединенных Нидерландов, Сб. Русск. ист. общ., т. 116, стр. CXII, примеч. 4.

в 1601 г. и где пробыл целых восемь лет, став свидетелем и очевидцем многих примечательных событий. Живя в Москве, Масса выучился русскому языку и, по его словам, даже переводил с голландского языка на русский описания побед Морица Нассауского. В 1609 г., морем через Архангельск, Масса вернулся на родину, оставив Московию «полную войн и бедствий».

Повидимому, еще в 1608 г. нидерландский торговец Исаак Ле Мэр предлагал Массе принять участие в экспедиции, снаряжаемой для отыскания северо-восточного морского пути*. Масса от этого предложения отказался. Возвратившись на родину, он приступил к составлению своего «Краткого известия о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года». Приложив к своему сочинению исполненный пером чертеж Москвы, полученный им от одного москвиты**, Масса поднес свой труд принцу Морицу Оранскому, в надежде, что его усердие не будет оставлено без внимания. Подчеркивая свою преданность и рвение «оказать службу отечеству», Масса с наивным простодушием намекает принцу, что «подобает вспомоществовать таким усердным людям, — не тем, что имеют достаток, богаты и изнежены, а тем, которые еще молоды, ничего не имеют и стремятся приобрести вечную славу своему отечеству». Он даже надеется получить аудиенцию и передать «устно» все, что ему известно о «Московии, о ее берегах, о путешествиях, предпринятых по повелению Московских князей в Китай», и т. п. Никаких известий о том, как принц Мориц принял эту книгу, не сохранилось***.

Книга Массы так и не увидела свет при жизни автора. Однако ему удалось издать две статьи о Сибири, которые вошли в вышедший

---

* В. А. Кордт, Очерк сношений... стр. CXIV. Н. Тыжнов утверждал, что Ле Мэр вел с Массой переговоры в 1612 г. (Сибирский сборник Н. Ядринцева, Спб., 1887 г., Н. Тыжнов, Обзор иностранных известий о Сибири второй половины XVI века, стр. 103). Экспедиция Ле Мэра вышла из Нидерландов 5 мая 1608 г.

** Помимо этого изображения, воспроизведенного в приложении к русскому переводу сказания Массы (1874), известен также и другой план Москвы (размером 16,3 × 14 см) в «Album Amicorum» Исаака Массы, хранящемся в Королевской библиотеке в Гааге (о нем см. П. Н. Миллер, Новый план Исаака Массы, Труды Общества изучения Московской области, выпуск 5, Старая Москва, сборник 1, М., 1929 г., стр. 147—151 и В. А. Кордт, Отчет о занятиях в голландских архивах, «Известия Академии наук», 1896 г., сентябрь).

*** О том, что эта книга была представлена им принцу Морицу, Масса упоминает также в письме к Генеральным штатам от 2 августа.

в 1612 г. в Амстердаме сборник нидерландского географа Гесселя Герритса, Описание земли самоедов в Татарии. К статьям Массы была приложена карта*.

В 1612 г. Исаак Масса возвратился в Московию. В резолюции Генеральных штатов от 23 мая 1614 г. его уже звали «молодым человеком, жительствующим в Московии». А в статейном списке пребывания Массы в Москве под 4 января 1615 г. отмечено: «И голландский посланник Исаак Абрамов — говорит, что в Голландской земле он не бывал уже долгое время»**.

Генеральные штаты неоднократно поручали ему вести переговоры с Московским государством о свободной торговле***. Умер он в 1635 г.

Записки Массы «о войнах и смутах в Московии» впервые изданы были только в 1866 г. А. фан дер Линде и М. Оболенским: «Histoire des Guerres de la Moscovie (1601 — 1610) par Isaac Massa de Haarlem», Bruxelles, 1866, 2 vol. Это издание содержит в себе голландский текст и французский перевод. Повидимому, значительное число экземпляров второго тома, содержащего французский перевод книги Массы, поступило в Россию, так как к нему были допечатаны новый титульный лист и обложка русским книгопродавцем Я. А. Исаковым. Таким образом появилась книга: Demetrius L'imposteur (1601 — 1610) par Isaac Masse, St-Petersburg, chez Jacques Isaakoff, M. D. CCCLXVIII.

Голландский текст был также напечатан Археографической комиссией в 1868 г. в издании «Rerum Rossicarum Scriptores Exteri», t. II, а первый русский перевод — в книге «Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени в России», издание Археографической

---

* Подробное описание различных изданий анонимных перепечаток и переводов см. в книге: М. П. Алексеев, Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей, т. 1, Иркутск, 1932 г., стр. 238—248. Там же напечатаны два отрывка из этих статей Массы (стр. 249—261).

** ГАФКЭ, Архив М. И. Д., Дела голландские, 1615 г., № 1. См. Кордт, стр. CXVI.

*** Дипломатическая и торговая деятельность Исаака Массы в Московском государстве с исключительной обстоятельностью изложена В. А. Кордтом в его «Очерке сношений Московского государства с республикой Нидерландов по 1631 год», Сб. Русск. Ист. Общ., т. 116, Спб., 1902 г., стр. CXII—CCV. См. также «Записки о России XVII и XVIII веков по донесениям голландских резидентов», «Вестник Европы», 1868 г., январь, стр. 233—245 (Инструкция Генеральных штатов Исааку Массе и три письма Массы из Архангельска Генеральным штатам о положении дел в Московии от 2, 4 и 29 августа 1614 г.) и август, стр. 797—814 (Три послания Массы Генеральным штатам из Архангельска от 25 июня 1616 г., 4 сентября 1616 г. и 2 марта 1620 г.).

комиссии, с приложением портрета Массы, плана Москвы (1606 г.) и дворца Лжедмитрия I, Спб., 1874 г.*

Повествование Массы принадлежит едва ли не к самым важным иностранным источникам о крестьянской войне и интервенции, которую дворянско-буржуазная историография обозначала термином Смутное время. Ученый иезуит, известный историк «смутного времени», П. Пирлинг с неоспоримым пристрастием собрал довольно значительное число улик против яростного кальвиниста и врага католичества Массы. Но все упреки в недостоверности, в неточности, поверхностности суждений и ошибочности показаний Массы сводятся у него лишь к недостаточному знакомству Массы с дипломатическими делами и к некоторому легковерию, с каким Масса рассказывал о чудесных знамениях, был готов объяснить всю историю самозванца властью нечистой силы и допускал действие самого дьявола с помощью, конечно, иезуитов**.

Можно сомневаться, посещал ли Масса двор и пользовался ли расположением даредворцев и дьяков, как это он уверяет в своем посвящении Морицу Оранскому. Возможно, что он не пропик дальше сеней и прихожих и преимущественно общался с боярской и приказной челядью, по своей природе весьма общительной, осведомленной и жадной до известий, и пытался слухами и рассказами, циркулировавшими в голландской колонии. Так или иначе, но, повидимому, у него был обширный круг лиц, поставивших ему всяческую информацию о московских делах. Масса приводит иногда несколько версий об одном и том же событии (например, о Болотникове) и сообщает довольно точные сведения о событиях, на которых присутствовал заведомо узкий круг лиц (например, приемы герцога Иоанна, послов Ганзы); его описания этих приемов в деталях близки к отчетам и донесениям самих посольств.

Повидимому, в нем весьма рано развилась способность «весьма ловко узнавать секреты других лиц», как отозвался о Массе в 1639 г. граф Яков Делагарди, и ни недостаток образования, ни весьма юный возраст, ни скромное положение торгового приказчика не помешали ему получить вполне достоверные сведения о многих исторических событиях. Пирлинг также указывает на недостоверность описания появления

---

* Более подробно об этих изданиях и характеристику перевода см. ниже.

** П. Пирлинг, Из Смутного времени, Спб., изд. А. С. Суворина, 1902 г., стр. 153.

Лжедмитрия * в Польше, его первых шагов и на некоторые неточности в изложении истории московского похода. «О тайных бумагах, о побегах в Россию, об участии в посольстве Сапеги в лучших источниках никаких следов нет. Литовский канцлер восставал против Лжедмитрия на сеймах и в записках, представленных королю, и никто из современников не упрекнул его в потворствовании самозванцу, а возить с собою такую личность в Москву было бы верх потворства» **.

Масса, несомненно, упростил и довольно превратно изложил историю сношений Лжедмитрия с папским престолом. По поводу известия Массы о приезде в 1605 г. папского легата для возобновления союза, заключенного в Польше, Пирлинг пишет: «Этот безымянный легат был не кто иной, как секретарь краковского нунция, Аллоизий Пратиссоли, приехавший в Москву с подарками и поздравлениями, но без всяких поручений, как видно из современной переписки. Гораздо важнее было посольство Александра Рангони в начале 1606 г. Он явился от имени папы, его принимали в Кремле с некоторым блеском, и он действительно вел переговоры, хотя никакого союза не возобновлял. Странным образом «слона-то» Масса и не заметил, а если заметил, то об нем не обмолвился. То же молчание соблюдается и о посылке в Рим Андрея Ловицкого, снабженного немаловажной инструкцией Димитрия» ***. Конечно, Масса не мог проявить столь исчерпывающей осведомленности о сношениях Лжедмитрия с папским престолом, как историк иезуит, много лет посвятивший ученым занятиям в архивах Европы и в частности Ватикана ****. Но от него не ускользнуло энергичное вмешательство католических кругов в русские дела. Он дал ей свою оценку, понятную в устах протестанта.

Но даже Пирлинг, чья статья являлась до сих пор единственной попыткой подробного критического разбора сочинения Массы, при всей своей неприязни к Массе, чувствуя себя обязанным проявить некоторое историческое беспристрастие, признает, что личные наблюдения Массы большей частью выдерживают проверку и только некоторые из них должны быть отброшены. Он верно передает имена

---

* В тексте Массы Лжедмитрий или Дмитрий Самозванец называется просто Дмитрием.

** Пирлинг, стр. 155.

*** Там же, стр. 159—160.

**** Именно в результате этих занятий Пирлингом опубликованы весьма важные материалы, в незнании которых он считает возможным упрекать Массу; см. P. Pierling, La Russie et le Saint-Siège, vol. I—III, Paris; P. Pierling, Rome et Demetrius и др.

немецких купцов, прибывших в Москву по приглашению Бучинского, верно указывает на учреждение штата телохранителей из иностранцев. Наконец, очень замечательны записанные Массою обвинения против Лжедмитрия или, как он выражается, «статьи, в которых были изложены причины убийства венчанного царя»*.

Весьма примечательно, что большинство даже не вполне достоверных известий Массы находит себе параллель в русских источниках, летописях и хронографах и, следовательно, имеет за собой какую-то общую устную традицию. Таким образом, неверные и ошибочные суждения Массы находят себе объяснения не в его недобросовестности, а в стоустой московской народной молве, в дошедших до него тревожных слухах и взволнованных рассказах**.

Укажем еще на большое значение работы Массы по русской картографии*** и некоторое историко-литературное значение его книги, в частности стихов, явившихся первым иностранным поэтическим откликом на события крестьянской войны и интервенции в Московии XVII в.

Книга Массы не безразлична и для историка русской литературы: А. К. Толстой пользовался ею, когда писал последнюю часть своей трилогии «Борис Годунов». В письме к М. М. Стасюлевичу от 28 ноября 1849 г. он писал: «Наконец трилогия готова, и, кажется, отдельные части *fügen sich recht sauber zusammen*. Только, если дело дойдет до издания всех трех трагедий вместе, надо будет в См[ерти] Иоан[на] переделать борисову жену, которую я в последней трагедии представил не по летописям, а по сказанию голландца Массы. Этак она выходит оригинальнее и рельефнее, как достойная дочь Малюты. Я думаю, Костомаров будет ею доволен» (М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, под ред. М. К. Лемке, т. II, Спб., 1912 г. стр. 341).

* * *

Настоящий перевод сделан с голландского текста, напечатанного в издании Археографической комиссии «Сказания иностранных писателей о России», т. II, Спб., 1868. Это издание, начатое в 1864 г., было предварено изданием А. фан дер Линде и М. Оболенского, вышедшим в Брюсселе в 1866 г. Оба издания сделаны по одной и той же рукописи И. Массы, хранящейся в Гааге, однако в них имеются различия,

* *Пирлинг*, стр. 112—113.

** Параллельные места из русских источников и сказаний других иностранцев о «Смутном времени» частично приведены или указаны в примечаниях.

*** В. А. Кордт, Материалы для истории русской картографии, серия 2, вып. 1, Киев, 1906 г.

что объясняется трудностью прочтения самого текста и своеобразием правописания Массы. Первый и единственный до нашего времени перевод на русский язык был предпринят одновременно с подготовкой к печати голландского текста и поручен сначала К. Н. Бестужеву-Рюмину, потом, в 1870 г., А. М. Энгелю, но за смертью последнего в 1871 г. долго оставался незаконченным. В 1874 г. он, наконец, появился, на этот раз в переводе Шаховского (далее он обозначается нами как перевод Археографической комиссии). Сличив сочинение Массы по двум изданиям — фан Линде и Археографической комиссии, последняя определила: «слова и выражения, встречающиеся в первом издании и не находящиеся во втором, означать курсивом, те слова и выражения, которые находятся только во втором, печатать в разрядку» (Предисловие, стр. VI). В настоящем издании мы сочли это излишним и остановились на тексте, опубликованном Археографической комиссией, так как наиболее существенные, но все же редкие пропуски приходится как раз на издание фан Линде. В примечаниях же в отдельных случаях приведены разночтения. Вместе с тем было обращено внимание на возможную точность перевода и его адекватность голландскому тексту.

Еще фан Линде, переводивший книгу И. Массы на французский язык, указал на значительные трудности, возникающие при переводе, ввиду «отсутствия логического порядка во фразах, их неясности и неправильности». Фан Линде не гарантировал, что всюду понимал точный смысл подлинника: «во многих местах фраза сомнительна, орфография неправильна». При издании первого русского перевода, этой оговорки, которую мы в известной мере сохраняем и для себя, не сделано. И хотя указанные выше графические приемы придают ему видимость весьма точной публикации, на самом деле это не так. Иногда, даже в тех случаях, когда голландский текст не оставляет сомнений, перевод Археографической комиссии передает смысл неверно.

Переводчик Археографической комиссии широко пользовался французским переводом фан Линде, не слишком близким к подлиннику, по определению автора предисловия ко II т. «Сказаний иностранных писателей о России» (1868 г.). Так, например, в перечне подарков, посланных Лжедмитрием Марине, Масса упоминает «een gans ornament daer op stont een dier met vleugels van helitropio» (стр. 104); в переводе Археографической комиссии: «полный убор, на котором был изображен какой-то зверь с крыльями феникса» (стр. 216); в соответствии с переводом фан Линде «un animal avec les ailes de phénix»

(стр. 193). Тогда как мы полагаем, что речь идет об изображении зверя с крыльями из гелиотропа (драгоценный камень из группы халцедонов), сравни в так называемом «Дневнике Марины»: «крылатый зверь, оправленный золотом и дорогими камнями» («Сказания современников о Дмитрие Самозванце», ч. IV, Спб., 1834 г., стр. 9).

Далее необходимо отметить, что переводчик Археографической комиссии, повидимому, не ставил перед собой никакого стилизового задания. Переводчик то калькировал текст, впадая в дословщину, то произвольно удалялся от него. Стремясь к точности, мы вместе с тем полагаем, что до известной степени обязаны передать особенности языка эпохи и индивидуальные особенности языка Массы. Стиль Массы примитивен, в нем чувствуется пафос наивной книжности недостаточно образованного человека, смешение делового языка с библейским, что столь обычно для торговых протестантских кругов Голландии; для языка Массы характерны: анафористичность, простое сочинение с помощью союза и нанизывание предложений, предложения с многочленным сказуемым, бедность и однообразие лексики. Все это мы стремились передать или, по крайней мере, намечить в переводе. Мы сознательно сохранили и воспроизвели все повторения Массы, например: «столь удивительно было наказание божие; это наказание было столь велико и удивительно, что...», тогда как старый перевод ограничивался фразой: «наказание божие было так необыкновенно и ужасно, что...». Не считая в данном случае необходимым прибегнуть к стилизации, мы однако стремились показать в переводе и историческую отдаленность подлинника. В старом переводе в угоду языковому штампу восьмидесятых годов нарушалась даже точность; например, вместо: «эта женщина научала его всему дурному» переведено: «под дурным влиянием этой женщины» (стр. 72). Эти едва ощутимые в каждом отдельном случае проявления языковой инерции обычно, складываясь, лишают текст выразительности, обедняют и обескровливают его. Передавая однообразие слога И. Массы, мы все же старались не подменять его штампованной речью. Вместе с тем мы сочли возможным ввести в наш перевод также слова и выражения с некоторым архаическим колоритом, но в то же время совершенно понятные современному читателю; например: иноземцы вместо иностранцы, рубеж вместо граница, такие глаголы, как: помышлять, дозволить, страшиться, ожесточиться, взирать, вознамериться и пр. Добавления переводчика, вставленные для сохранения смысла и лучшей связи, заключены в квадратные скобки. В круглых скобках

приведены все голландские обозначения имен собственных (по изданию Археографической комиссии), а также слова и выражения оригинала, как долженствующие удостоверить точность перевода, так и приведенные в случае отступления от дословности или неясности текста.

Необходимо при этом оговорить, что мы, считаясь с наличием перевода Археографической комиссии, пользовались им при новом переводе, отнюдь не полагая обязательным во что бы то ни стало менять текст там, где это не диктовалось указанными выше соображениями. Частично нами использован научный аппарат этого издания.

Стихи переведены для этого издания В. А. Зоргенфреем.

12 мая 1936 г.

Александр Морозов

ISAAK MASSA

EEN CORT VERHAEL

VAN BEGIN EN OORSPRONGK

DESER TEGENWOORDIGE OORLOOGEN

EN TPOEBLEN IN MOSCOVIA,

TOTTEN JARE 1610 INT. CORT

OVERLOPEN ONDERT GOUVERNEMENT

VAN DIVERSE VORSTEN ALDAER

ИСААК МАССА

КРАТКОЕ ИЗВЕСТИЕ

О НАЧАЛЕ И ПРОИСХОЖДЕНИИ

СОВРЕМЕННЫХ ВОЙН И СМУТ

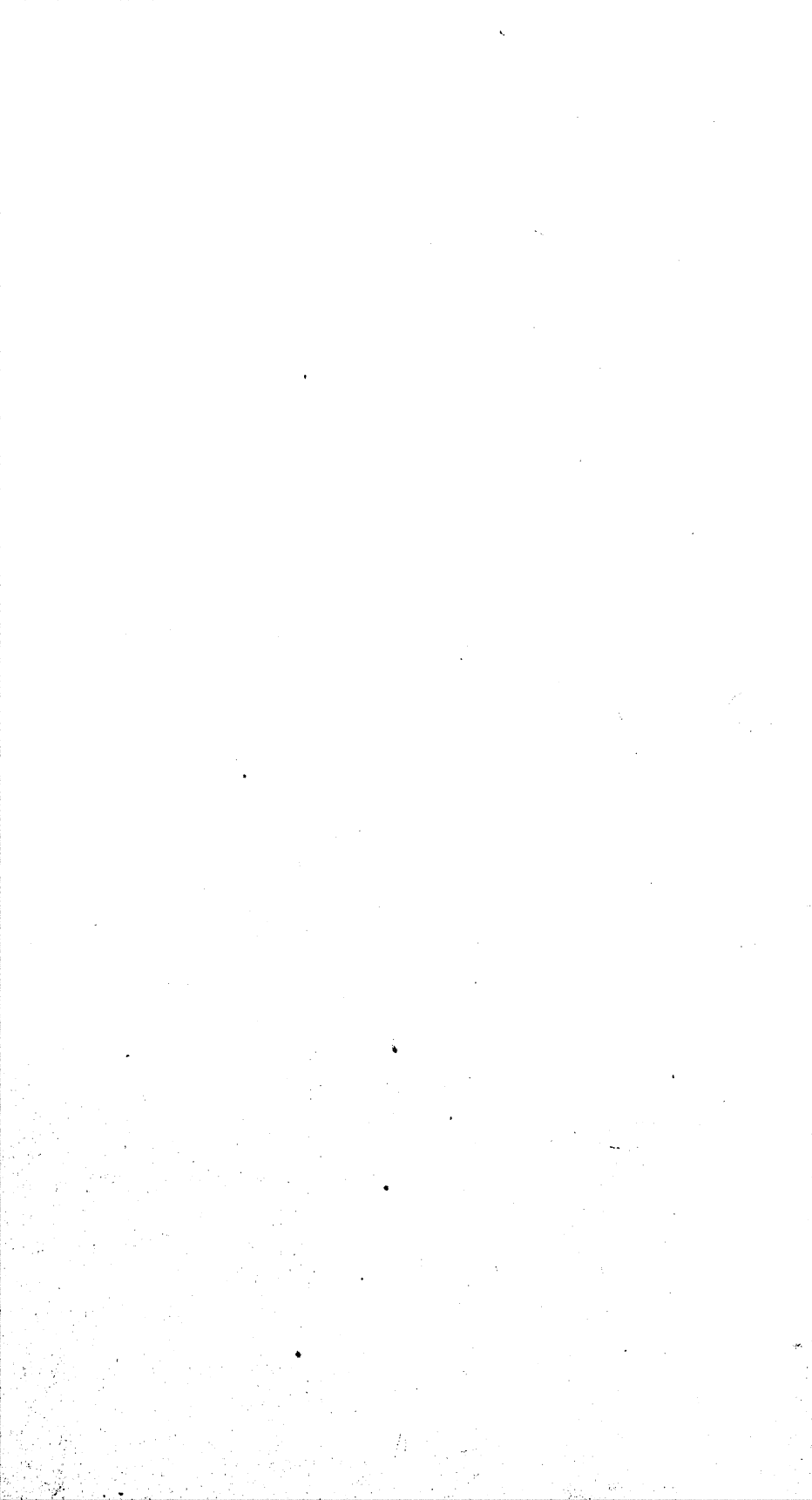
В МОСКОВИИ, СЛУЧИВШИХСЯ

ДО 1610 ГОДА ЗА КОРОТКОЕ

ВРЕМЯ ПРАВЛЕНИЯ

НЕСКОЛЬКИХ ГОСУДАРЕЙ

Письмо к Морицу, принцу Оранскому

МИЛОСТИВЫЙ князь и светлейший принц¹. Все языки, кои по истинной вере и непреложному долгу славословят, чтут и страшатся всемогущего бога, восхваляют и словословят также Вашу досточтимую светлость в разнородных хвалебных песнях, играх, комедиях, превосходных стихах в честь Ваших превосходных и славных деяний, совершенных Вами для блага отечества, и также в честь ваших славных побед, одержанных Вами, светлейший принц, по милости вышнего.

Даже все неверные и язычники, как я сам видел и замечал, не могли довольно надивиться, когда я рассказывал им, от начала до конца, о Ваших славных деяниях, о любви блаженной памяти родителя вашего принца Оранского к отечеству и о всех великих жесто-

костях испанцев, которые частью я видел сам, а частью слышал от родителей, кои — упаси бог! — слишком много претерпели их, так что и посейчас еще чувствуют; итак, — говорю я — даже персияне, москвиты и татары не могли довольно надивиться сему и, растроганные подобными рассказами, падали ниц перед своими богами, творили молитвы за Вашу княжескую особу и совершали богослужение, дабы всемогущий бог даровал такому герою долголетнее здравие на спасение души, ибо, всемилостивейший князь, проживая долгое время в Москве, я посещал двор и нес там службу и каждый год, по своей просьбе получая изображения и описания завоеванных городов и сражений, что были выиграны под начальством вашей высокородной светлости, перекладывал их на московский язык и дарил их княжеским детям в Москве, дабы прославить, о, светлейший герой, Ваше имя также и в этой части света, так что московские принцы и князья дивились тому и не могли довольно восхвалить Ваше княжеское имя. Также и персияне, коим я передал эти изображения и описания (*sulke dingen*) для их государя, шаха Персии, через год, возвратившись по Каспийскому морю с товарами, просили [у меня] дать им еще [новые], ибо их государю было весьма приятно получить ведомость о славных деяниях Ваших, кои его весьма обрадовали, и он желал Вашей светлости долголетнего здравия.

Того ради я часто помышлял: для чего я рожден, когда не могу ничем служить своему государю, и часто желал, чтобы настало для меня время оказать отечеству службу, которая способствовала бы его преуспеянию и послужила [доказательством] моей благодарности.

Того ради я не мог измыслить ничего иного, для того чтобы лицедреть хоть раз Вашу княжескую милость и слышать Ваш голос, — каковую честь, если всемогущий бог дарует мне ее, я почту за счастье, — поднести вашей княжеской светлости эту маленькую книжицу, содержащую в себе известие о происхождении несчастных войн в Московии, ибо мне надлежит иметь о них основательные сведения, так как я прожил восемь лет в этой стране, в ее столице, и, будучи любознателен, мог видеть и подробно и обстоятельно узнавать обо всем при дворах различных благородных людей (*edelen*) и дьяков (*secretarisen*), и я все время искал их расположения; и все это я изложил по порядку, насколько умел, ибо я никогда не обучался письму кроме как сам у себя, а также почти ничему не учился; иначе бы сумел расположить все [это сочинение] в более добром порядке.

Я надеюсь, что это [сочинение] понравится Вашей княжеской милости, хотя оно и не имеет никаких достоинств. Ваша княжеская

милость увидит усердие одного из ничтожнейших ваших подданных, желающего хотя бы малым доставить приятность, как Ризом гранатовым яблоком государю персидскому, или по меньшей мере уподобясь воде, которую крестьянин поднес тому же государю, ибо кроме Вашей светлости, любителя всего прекрасного, я не знаю никого более достойного того, чтобы ему первому подносили все, что на свете излагают в стихах, открывают вновь или узнают, как бы ни было это ничтожно.

Того ради прошу Вашу княжескую светлость благосклонно принять мою смелость и усмотреть в ней более ревностную горячую преданность и доброе усердие, приносимое молодым человеком своему государю, нежели дерзость поднести [Вам свое сочинение].

Меж тем, желая оказать отечеству службу на море или на суше, я с помощью всемогущего бога поистине держал себя не менее отважно, чем кто-либо другой на свете, и так, когда родителями моими я был определен к изучению торгового дела в Московии, помыслы мои с малых лет беспрестанно были заняты тем, чтобы оказать службу отечеству, так же как и Гемскерк² и другие, когда к тому представлялся им случай. Мне кажется, что подобает вспомоществовать таким усердным людям, — не тем, что имеют достаток, богаты и изнежены, а тем, которые еще молоды³, ничего не имеют и стремятся приобрести вечную славу своему отечеству; я пишу это от доброго усердия и благого намерения, кое не оставляет меня ни днем ни ночью и, происходя из достойной семьи (heerlycken huysе), я желал бы сообразно со своим положением с честью свершить свой жизненный путь, меж тем как в настоящее время нельзя вести торговлю в Московии и я не имею другого занятия. Весьма жаль, что такие усердные люди не находят себе употребления, кои покинули всех родственников (vrienden) и лишились всего ради религии, которые показали также, что они верны своему отечеству до самой смерти.

Еще раз молю Вашу княжескую милость принять это незначительное приношение от одного из ничтожнейших Ваших подданных, и я теперь и впредь буду считать себя обязанным молиться о долголетнем здравии Вашей княжеской милости для спасения души, а также о том, чтобы Вы всегда одерживали победы над нашими врагами, умоляя Вашу княжескую милость позволить мне, ничтожнейшему из Ваших подданных, лично прочесть эту книжицу перед Вашим высочеством и княжеской (princelycke) светлостью⁴, тогда Ваша княжеская светлость, получите настоящее понятие о ней, тем более, что ее трудно читать, так как она дурно написана, и я почел бы за величайшее

счастье дожить до того часа, когда бы я мог изустно передать вашей княжеской светлости все, что я знаю [о Московии], о ее берегах, о путешествиях, предпринятых по повелению Московских князей в Китай (Cathaia) и Монголию (Molgomsaia), и о тамошних [московских] войнах. Еще раз молю простить мне мою смелость и еще раз желаю Вашей княжеской светлости здравия и долголетия для спасения души, также побед над всеми Вашими врагами. Аминь.

Вашей княжеской светлости всеподданнейший

Исаак Масса

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ

Казань и Астрахань и прочих царств немало,
могучий, покорил ты силою меча.
Поистине, тебе не мудрость пособляла —
ты был позорищем господнего бича,
был василиском — так молва тебя прозвала,
затем, что мир не знал такого палача.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ, великий князь Московии, прозванный за свою великую жестокость тираном, родился в столице этой страны, Москве, в 1530 году в августе. Отец его по имени Василий Иванович, благочестивый князь, как сообщают историки, вскоре после рождения тирана тяжело занемог, болезнь с каждым

днем усиливалась, и он умер от нее в 1534 году, оставив юного князя, которому тогда было три года и три месяца, и великую княгиню по имени Елена (Олеуна), весьма добродетельную женщину, которая, видя, что сын ее не достиг совершеннолетия и не может управлять государством, правила сама вместе с несколькими самыми мудрыми и способными вельможами, кои, как она полагала, пекутся об общем благе. И так правила она не более 4 лет в добром мире и покое и опочила в бозе в 1538 году, когда упомянутому сыну было только семь лет или около того⁵.

Управление государством некоторое время оставалось в руках знатнейших вельмож, присягнувших народу (gemeunte), что они будут хорошо управлять страной и защищать ее от всех врагов до совершеннолетия принца. Но как многие из вельмож оказались весьма несправедливыми, повсюду притесняли невинных, грабили и разоряли все, до чего могли добраться, и мало заботились об общей пользе, то следовало ожидать дурного конца; сверх того между ними были постоян-

1530

Рождение [царя] Ивана Васильевича

Его отец Василий умирает

Смерть матери [царя Ивана]

Правление московских князей

Раздоры среди
московских
бояр

ные раздоры и смуты, которые нередко едва могли быть прекращаемы, поэтому страшились гибели всего государства. Заметив это, духовенство и некоторые умнейшие и знатнейшие лица стали совещаться о средствах спасти отечество или, как называют его, «пречистой дом и чудотворцев»⁶, полагая за лучшее отнять власть у вельмож, возведя принца на отцовский престол и возложив на него великобняжеский венец, невзирая на то, что он был еще молод. Таким образом они вместе с духовенством передали ему все управление, хотя короновали его не раньше того дня, как выбрали для него супругу, что случилось, когда ему исполнилось 17 с половиною лет.

1548
Венчанье и
свадьба Ивана
Васильевича

В 1548 году он был коронован и возведен на отцовский престол. В то же время он отпраздновал свое бракосочетание с Анастасиею, дочерью одного князя знатного происхождения; отец ее Роман Захарьевич (Roman Zachariovitz) был самым знатным в этой стране после великого князя; коронование и свадьбу совершили по обычаю этой страны с большим торжеством⁷.

Так были прекращены смуты, и многие знатные люди были обвинены и сосланы на великие бедствия, и постигла их жалкая смерть от голода и скорби, таков был их конец.

По воцарении Иван Васильевич несколько лет правил весьма хорошо, но затем, узнав, каковы московиты, начал их жестоко обуздывать и тиранить.

Сыновья
Ивана

Великая княгиня родила ему трех сыновей; первый из них, по имени Димитрий, утонул еще ребенком. В то время крымские татары с великою силою внезапно вторглись в страну, чиня повсюду великое разорение, так что даже жители Москвы обратились в бегство вместе с великим князем, который бежал со всеми своими сокровищами и двором на Белоозеро (Bielaozera) — место защищенное самой природою, посреди большого озера и весьма хорошо укрепленное.

1548
Сын его Димитрий
тонет

Однажды великий князь отправился осматривать лагерь московитов, разбитый вокруг озера, за ним в другой лодке следовала княгиня с ребенком, и, когда лодки поравнялись, он попросил у нее Димитрия, чтобы поиграть с ним, и когда передавали ребенка, то он внезапно выскользнул из ее рук, упал в воду между обеими лодками и тотчас пошел ко дну, как камень, и его не могли даже найти. Так скончался первый их сын, о котором была великая печаль во всем государстве⁸.

Второй сын, что родился у них, был назван по отцу Иваном и по своей натуре и повадкам чрезвычайно походил на него, и можно было предполагать, что он превзойдет своего отца в жестокости, ибо всегда радовался, когда видел, что проливают кровь. Двадцати трех

лет он был убит своим отцом, что случилось во время пребывания великого князя в одном из увеселительных дворов, в слободе Александровской (Slaboda Alexandrina), находящейся в двенадцати милях от Москвы, куда явились к нему даредворцы, которым надлежало выступить в поход против появившихся летом крымских татар, и спросили царя, не соизволит ли он отпустить с ними в поход сына, уже бывшего в то время совершеннолетним, полагая, что наведут большой страх на врагов, когда до них дойдет слух, что сам принц пошел в поле, к чему у него сверх того была великая охота⁹.

Услышав это, великий князь весьма разгневался и посохом, что был у него в руках, так сильно ударил сына по голове, что тот через три дня скончался, и это было в 1581 году.

Жестокая кончина сына [царя] Ивана

1548-1551

Говорят, отец подозревал, что его сын, благородный молодой человек, весьма благоволил к иноземцам, в особенности немецкого происхождения. Часто доводилось слышать, что по вступлении на престол он намеревался приказывать всем женам благородных носить платье на немецкий лад. Эти и подобные им слухи передавали отцу, так что он стал опасаться сына¹⁰.

Третий сын от той же княгини, по имени Федор, был очень добр, набожен и весьма кроток, он-то и наследовал отцу.

1551

Кроме упомянутых трех сыновей, из коих один только остался в живых, имел он от первой жены еще трех дочерей; все они скончались в девичестве.

После смерти первой жены было у него еще много жен, но мало детей, только от седьмой законной жены, которую он взял из рода Нагих, был у него сын, также названный Димитрием, о нем-то больше всего и пойдет речь в этой повести.

Женитьба [царя] Ивана в седьмой раз

Мне надлежало бы немного рассказать об его ужасной тирании, но это не относится к предмету предлагаемого сочинения, и об этом много раз упомянуто во всех историях, и посему здесь неуместно; к тому же говорят о нем столь различно, что писать о сем совершенно правдиво невозможно. Итак я вкратце расскажу о войнах, им веденных, о том, что он приобрел, отчего он принял титул царя (Tsar oft Keyser) или императора, хотя слово царь на славянском языке означает то же, что король; я буду рассказывать об этом коротко, дабы перейти к изложению главной причины нынешних войн.

Димитрий 2-й, князь московский

Прежде всего повелев он обнести Москву еще одним земляным валом, затем на том же месте была выведена крепкая стена, отчего город стал намного обширнее, чем он был во время его отца¹¹. За время царствования он вел много войн с царями казанскими, которые

Измама в Мос-
кве

Великий пожар

Возмущение
Казани

Поляки вос-
станут против
москвитов и
заклучают с
ними мир

Осада Казани

Завоевание ее

вместе с крымскими татарами весьма ему досаждали, в Москве меж тем часто совершались предательства, ибо ее неоднократно поджигали, так что однажды осталось всего 50 деревей. Отсюда можно заключить, сколько должно было остаться домов.

Казань, царство татарское, отпало от Московии, ибо при покойном отце его она платила москвитам дань, как бы признавая их власть. Когда казанцы отпали и подняли великий мятеж, то царь решил покорить их силою и шесть раз посылал против них войско, один раз в год; на седьмой год он сам лично отправился в поход с несметным войском, состоявшим из четырехсот тысяч человек, способных носить оружие.

Поляки, как вечные враги москвитов, замыслили воспользоваться этим временем, так как у них незадолго до того было отнято много городов знатным боярином Михаилом Глинским (Michael Glinski); этот Глинский был жестоко оскорблен в Польше, потому он бежал и вместе со своими людьми отдался под покровительство москвитов, которые, пока он был жив, высоко чтили его; он вел великие войны на стороне москвитов, причинив много вреда полякам, отняв у них много городов, как-то: Смоленск (Smolensko), Полоцк (Polutsko), Стародуб (Staradoeb) и многие другие пограничные. Таким образом у поляков было довольно причин начать войну, и они стали делать большие приготовления, чтобы отвоевать помянутые города. Иван Васильевич, сильно ожесточившись против Казани, заключил мир с поляками на несколько лет, возвратив им Полоцк, Стародуб и некоторые другие города, дабы они не мешали его предприятию¹³.

Итак, в 1551 году он выехал из Москвы¹³, где оставил вместо себя митрополита Макария с великою княгинею и ее сыном, молодым принцем Федором, или Теодором, и, прибыв к войску, стоявшему под Казанью, прибегал к хитростям для того, чтобы взять этот город, сделал несколько приступов и наконец взял ее штурмом (met stormender hant), чему весьма помог подкоп, подведенный к самому городу под рекой Волгой, каковая мина была устроена искусным инженером Эразмом, по происхождению немцем.

Завоевав Казань мечом, захватили живым в плен их дая Сафа-Гирея (Safacirez)¹⁴, который, стоя на ногах, умер от горя; затем также поймали и захватили живыми двух принцев, его сыновей, из которых один умер, другого привезли в Москву, обратили в христианскую веру, назвав его Александром, ибо прежде его звали Утемиш-Гиреем (Neefcires), сверх того женили на москвитке знатного происхождения и дали ему три области с городами Торжком (Тог-

soc), Тверью (Othphir)¹⁵ и Торопцом (Togories), чтобы он мог прилично содержать себя.

В Казани взяли в плен еще одного юношу царского рода, которого также крестили, назвав Симеоном, и женили на дочери князя Ивана Мстиславского (Iohann Mossisloffsci), знатного боярина (een groot heere), и сверх того к этому Симеону великий князь возымел такое доверие, что посадил его на московский престол и, возложив на него корону, поручил ему управление государством на два года, в течение коих он добросовестно управлял москвитями, и великий князь жил все это время, пока не истекли назначенные два года, позади дворца в предместье, словно один из князей или бояр, и после того Симеон был в великом почете и его наградили большими именьями¹⁶.

Завоевав царство Казанское, уничтожив все его привилегии и заселив его множеством москвитов, великий князь Иван Васильевич увеличил свой титул, присвоив себе звание царя и великого князя, тогда как прежде (до взятия Казани) его звали просто Velici Snees, т. е. великим князем. Итак, на короткое время наступили в этой стране мир и тишина, пока не возмутилась Астрахань.

Астрахань, прежде называвшаяся Мотроганью (Motrogan)¹⁷, была независимой татарской провинцией, избирала себе царя по своему желанию и постоянно владела многими землями и странами как по течению реки Волги, так и по берегам Каспийского моря, и всегда была большим и людным торговым городом, куда стекалось для торговли множество купцов из Персии, Аравии, Индии, Армении, Шемахи (Siamachi) и Турции, привозивших из Армении — жемчуг, бирюзу и дорогие кожи, из Шемахи, Персии и Турции — парчу, дорогие ковры, различные шелка и драгоценности, из Аравии — много пряностей, от москвитов в свою очередь они получали кожи, сукна, шерстяные материи, бумагу, другие подобные сырые товары, а также икру (усага), которую помногу скупали турки и отправляли в Константинополь; это икра, добываемая из осетров, которых невероятно много наваливают в Волге, каковая икра весьма нравится туркам, равно как в настоящее время итальянцам. Вообще это был значительный город, который был обязан платить дань Москвиту, как и покойному великому князю Василию Ивановичу, в остальном они были свободны от всех повинностей и могли делать, что хотели.

Московские бояре (bojaren) и вельможи (heeren), правившие землями по течению великой реки Волги, будучи корыстолюбивы и расчётливы, сильно притесняли этот город и налагали на него великие тяготы, о чем хорошо знал их великий князь, так что они

Плен царя Казанского

1553
Описание
Астрахани

Подати, плати-
мые Астрахан-
цами

не могли долгие сносить, ибо издавна были ожесточены против московитов и изыскивали всякого рода средства, чтобы освободиться и свергнуть иго, что они и исполнили; когда посланные прибыли за данью, они с глумлением ответили посланцам и отказались что-либо дать, сказав, что не намерены более давать, и повторили это несколько раз. Они даже говорили: ежели московиты будут нас очень притеснять, мы призовем на помощь турка и будем ему во всем повиноваться. Так продолжалось долгое время: то оказывали повиновение, то вновь восставали, до тех пор, пока Иван Васильевич не завоевал Казань, о чем уже было рассказано.

1553

Астраханцы
просят о поща-
де

Услышав о взятии и покорении Казани и каждодневно замечая, что сила московитов весьма возросла, а также видя жестокое правление великого князя, астраханцы весьма опасались, что за частые смуты когда-нибудь могут вознаградить также и их. Поэтому решились они заблаговременно помириться с великим князем и отправили в Москву великодушное посольство с дорогими подарками дарю и великому князю и просили о милости не вспоминать о том, что они совершили по необдуманности, но предать это забвению, обещая впредь не только не делать ничего неправого и предосудительного, но во всякое время вести себя так, как надлежит верноподданным.

Их царь Абдыл-Рахман (Abdilrogman) от своего имени также отправил посольство Московиту с тем же, о чем было сказано выше. Когда послы вручили прошение и изустно изложили свое пожелание, им оказали милость и дали много подарков, а сверх того роскошно угостили, и они получили дружеские письма к своему помянутому королю и к народу.

Ногайские ца-
ри приезжают
в Москву

В то же время из Ногаи (Nagaia) прибыли в Москву два молодых царя, которые бежали оттуда, так как стремились принять христианскую веру, и их приняли и угощали с великим усердием и радушием, как самого великого князя, и одарили их прекрасными землями (seigneurie); одного звали Едигером (Idigier), а другого — Кайбулой (Caybala), и были они сыновья Акубека (Acsobecsoof), который был одним из могущественных татар в Ногаи; великий князь подарил этому Кайбуле город, который назывался Юрьев-Польский (Iorgewitz Polsci), и выдал за него дочь татарского царя Еналея (Analeia), и она была племянница Шиг-Алея (Sigaley) и при покорении Казани взята в плен; все они были царские дети¹⁸.

Смерть царя
Астраханского

Меж тем царь Абдыл-Рахман скончался в Астрахани, и на его место избрали Ямгурчей (Imgoeretz) из Морзьи, страны, лежащей у Каспийского моря.

Узнав о том, великий князь Иван Васильевич послал туда ученого мужа, по имени Севастяна, родом из Валахии, с подарками Ямгурчей и чтобы утвердить его в царском достоинстве.

С прибывшим туда помянутым послом обошлись весьма дурно, даже хуже, нежели с посланцами царя Давида, отправленными к Аннону¹⁹, дарю аммонитов, а сверх того с насмешками выгнали из Астрахани²⁰.

Услышав о том, Иван Васильевич сильно разгневался и поклялся: прежде, чем наступит зима, до основания уничтожить Астрахань, и никому не хотел больше оказывать милости и поклялся всех истребить мечом; тотчас призвав к себе жестокого героя (tiranige helt) и безжалостного воина, который долгое время был атаманом многих казаков в великой степи и прозывался Дербыш (Derbuys), ему-то и повелел царь приготовить все к нападению на Астрахань, каковое поручение Дербыш выполнил с усердием и, поспешно собрав сильное войско, выступил с ним в поход и отправился вниз по течению Волги; за ним следовали почти все пятигорские (Petigorse) казаки и сверх того несметное множество народу из всех городов, лежащих по Волге.

Когда он подступил к Астрахани, к нему перешло много ис-
гайцев и морзвов, которые были заклятыми врагами астраханцев, ибо постоянно сносили от них много притеснений; и с этим войском он немедленно обложил Астрахань со всех сторон, ничего от них не требуя и не вступая ни в какие переговоры, и хотя Астрахань была весьма укреплена самой природой, многолюдна и снабжена оружием, несколько дней спустя ее взяли приступом, и все мужчины и женщины были истреблены мечом, также и дети, и случилось это завоевание третьего июля по старому стилю, в 1554 году²⁰; и так была она без всякой пощады разрушена до основания.

При взятии Астрахани царь их Ямгурчей бежал с небольшим обозом и направился к Тюмени (Tumen), но за ним тотчас снарядили погоню, однако захватили только часть поклажи и всех его жен и наложниц, ему же самому удалось спастись.

Так поступили с Астраханью спустя три года после взятия Казани, а их [Казань и Астрахань] всегда считали великими царствами. Впрочем Астрахань, благодаря своему положению, весьма скоро вновь великолепно отстроилась (triumphant orgebaut), и, будучи украшена московскими нарядными церквями и башнями, стала гораздо красивее, чем была прежде, и многие москвиты были туда переселены, а также многие поселились добровольно, и в короткое время достигли благо-

Гнев [царя]
Ивана на
Астрахань

Москвиты за-
воевывают
Астрахань

Строения в
Астрахани

денствия (prospereerden) и умножились, так что город теперь расцвел больше, чем когда-либо прежде.

Поражения,
нанесенные
москвитами
крымским та-
тарам

В следующем [1555] году крымские татары с большими силами напали на Московию и разорили все селения, встречавшиеся им на пути; у них было более четырехсот тысяч войска, и они совершили все это по повелению турецкого султана, под властью которого находится Крым; против них было послано москвитами большое войско под предводительством Ивана Шереметьева (Ivan Scremetoff), Льва Солтыкова (Leuf Soltescoof) и Александра Басманова (Basmanof). Двое из них с превеликой храбростью напали на Крым и, расположив войско Шереметьева в засаде, обратили крымцев в бегство и тут перебили, как и во время нападения, до восьмидесяти тысяч крымцев, захватили более десяти тысяч лошадей и пятисот верблюдов и ничего другого, ибо татары ничего, кроме скота, не имеют; и войска с великою радостью и торжеством возвратились в Москву, и великий князь щедро наградил их.

Тирания Ивана

Иван Васильевич, царь и великий князь всех москвитов, стяжал повсюду победы, и все больше и больше земель и народов подпадало к нему под власть, страшась его великого могущества, вследствие чего он чрезвычайно превознес самого себя, возомнив, что во всем свете нет ему равного, и никого не боялся; и к тому же, не доверяя никому из своих вельмож или дворян, жестоко обращался с ними; тех, о ком доходил до него какой-нибудь слух, хотя бы самый невероятный, он предавал позорной смерти, одних сажая на кол (settende op staeckende pinnen), других изводя различными другими нечеловеческими мучениями. Он даже приказывал поджигать свои собственные города и топить своих подданных тысячами (met veele duysenden int water smyten), и, слыша их жалобные стоны и крики, громко смеялся, восклицая: «Вот как вы славно запели».

Его невоздер-
жанность

Он был более невоздержан, чем когда-либо Сарданапал или Гелиогабал, и полон вздорными причудами, по большей части соединенными с жестокостями, и я приведу один случай, хотя он и не подходит к нашей истории, ибо его деяния, которые столь ужасны, что исторические писатели называют его вавилонском, — довольно, даже слишком много описаны²¹.

Жестокие заба-
вы

Однажды летом сидел он наверху в своем дворце, смотря на Потешный двор, находившийся на той стороне реки Москвы, прямо против царского дома, и подозвал слугу (ragie) и повелел ему тотчас призвать к нему всех дьяков и подьячих (cancelieren en secretarisen)²², которых в Москве много, что тотчас было исполнено, и когда все

явились к нему, он приказал раздеть их донага и, призвав 10 или 12 конюхов с кнутами, попотчивать их этим позорным угощением и отпустил их во свояси, а сверх того они должны были бить ему челом и благодарить за великую милость; они еще не успели уйти, как явился еще один, который опоздал, и получил от царя яблоко, и ему было велено уходить, и он, видя царскую милость, весьма благодарил царя и благополучно возвратился бы домой, но не сумел удержать язык и сказал: «О, государь, я и не заслужил того, что получили другие, ибо все предки мои честно служили царскому двору и никого из них никогда не секли, то бишь не били кнутом, и мне было бы чересчур горестно безвинно тому подвергнуться». «Ого, — сказал тиран, — ты никогда еще не отведывал ударов кнута, так ты еще не сделался благородным, да и никто не может назваться придворным, ежели его не били кнутом», и повелел отпустить ему втрое больше ударов, чем тем, что были до него; вот что натворил его язык, не довольствовавшись яблоком.

По этой и другим подобным жестоким шуткам (*tirannige parten*) довольно легко себе представить, каков был царь, и если бы кто должен был описать все, что он сделал, то на это недостало бы времени и было бы это делом неприличным, ибо то было непотребством и тиранией, бесчеловечной жестокостью и позором.

О войнах, им веденных с шведами, а также о совершенном разорении и бедствиях, причиненных Ливонии, я не расположен писать, ибо об этом довольно подробно говорится в других исторических сочинениях. Я только желаю вкратце рассказать о победе, одержанной царем над турецким войском, посланным для завоевания Астрахани турецким султаном Селимом (*Selim*).

Опустошение
Ливонии

Незадолго перед тем или около того же времени царь несколько раз вступал в брак³³; жену, которая в продолжение трех лет была бесплодна, он обыкновенно заточал в монастырь, ибо московские князья могут развестись с женой, если она в течение трех лет бесплодна, и взять другую.

Разводы с бесплодными женщинами

В это время турецкий султан Селим отправил письмо в Москву к великому князю Ивану, приветствуя и называя великого князя в знак особой милости своим конюшим (*stalmeester*), указывая [в письме], что его блаженной памяти отец давно скончался, оставив его малолетним, и он из благоволения к нему не пожелал его обременять, ожидая пока он достигнет совершеннолетия и как князь станет управлять москвитями, своими подданными, а потому требует, чтобы он (великий князь) уплатил ему дань или подать (*tribuyt oft scattig*)

со времени смерти блаженной памяти Василия Ивановича, и строго повелевал прислать ее без всякого промедления, ибо его отец был всегда послушен и верен.

Ответ, данный
царем султану

Это письмо, отправленное с посланником в Москву, было получено и прочитано великим князем Иваном Васильевичем, повелевшим приготовить крысью шкуру и мех чернубурой лисцы, который велел обрить догола. «Ибо, — сказал он, — надобно великому султану турок за его великую милость послать несколько диковинок». Так как все подарки, посылаемые московскими князьями иностранным государям (*coningen oft princen*) всегда состоят из дорогих мехов, в изобилии хранящихся в казне, то этот крысий мех предназначался для одежды султана (*tot eenen tabbaert*), а лисий — для его пестрой шапки. Посылая эти дары, написали: в случае, ежели султан еще раз напишет, как было сказано выше, то он может быть уверен в том, что конюший, посылающий ему эти подарки, так же обреет его догола, как лисью шкуру, и прикажет московским крысам вконец разорить его страну. «Разве, — говорил он, — вы не слышали, какая участь постигла даря казанского и астраханского, ваших союзников, ежегодно вами подстрекаемых к нападению на мое царство; то же будет и с вашею страной, и я начну поход с Тюмени до Азова (*Asoph*) и Грузии (*Groesina*), на сей же раз я вас прощаю».

Гнев султана
на дари

Это насмешливое послание привело султана в чрезвычайную ярость, и он задумал совершенно уничтожить Московита, послав гонцов к татарским князьям и дарям с приказанием готовиться к походу, а также и к народам, живущим по берегам Черного моря, также в Крыму и вдоль берегов Каспийского моря, затем всем черкесам (*Tsercassen*) и другим соседним народам, повелевая в начале марта собраться на Дону вокруг города Азова, и было это в 1569 году.

Жесть султана

20 марта того же года он послал из Константинополя тридцать тысяч турок, среди коих, кроме главных предводителей, было весьма много вельмож и дворян, назначенных к этому войску, притом еще пять тысяч янычар с большими длинными ружьями. И всех их мало-помалу перевезли на галерах через Черное море, так что все благополучно прибыли к Азову, где они нашли на Дону (*ontrent en soo lanx de Donouwe*) могущественное войско поименованных народов. В Азове было собрано множество провианта, оружия и воинского снаряжения, которого впрочем там всегда было много, так как Азов — пограничный город Турции, на берегу Дона.

Их намерение, как уже давно заметили, состояло в том, чтобы идти прямо на Астрахань, оставив много войска в гарнизоне Азова.

ибо без сомнения полагали, что завоюют Астрахань, так как рассчитывали, что ногайцы и черемисы перейдут на их сторону из ненависти [к московитам] или из желания перемены, так как московиты порой жестоко притесняли их, но народы эти более боялись московита, нежели турка, ибо в Астрахани было могущественное войско и она была снабжена провиантом и военными снарядами; сверх того московиты даровали им значительные привилегии, весьма ими ценимые, и благосостояние их росло, а также было им ведомо, какая удивительная удача сопутствует великому князю во всех его предприятиях, а потому они еще раз поклялись служить ему и охранять страну, как подобает верноподанным, и стали готовить войско для защиты.

Астрахань
остается верна
(царю)

В Москве давно уже получили известие о походе турецкого войска, и все было приготовлено к встрече неприятеля, и многие придворные, посланные в Астрахань, приводили отовсюду несчетное множество людей, способных к войне, и было им велено, выступив из Астрахани, встретить неприятеля у берегов Каспийского моря и разделиться в степях, которые там были велики и многочисленны, ибо полагали, что враги сильно устанут от похода по неровным дорогам, и предполагали напасть на них отдельными отрядами, ибо хорошо знали, что они по причине дорог не смогут двигаться в большом числе одновременно; и в этих предположениях им весьма посчастливилось, и с ними было много ногайцев и черемис, превосходно знавших все эти пути (*passagie*), и они неожиданно со всех сторон напали на турецкое войско и истребили его.

Московиты
принимают ме-
ры к обороне
против турок

Итак, снявшись с лагеря у Азова, взяв с собою множество верблюдов для перевозки припасов и воды, [турецкое войско] по случаю крайне неровных, дурных дорог, больших гор и лесов, чрез которые оно должно было проходить, разделилось на много отрядов, и они часто терпели великие бедствия и несчастья, что более всего досаждало знатым туркам, желавшим лучше смерти; и так несчетное множество, да много тысяч погибло от тягот и лишений, но татары, привыкшие к лишениям и не нуждавшиеся в жизненных припасах, пока у каждого из них было по две или по три лошади, которых они обыкновенно берут с собой, вовсе не терпели нужды и почти все остались в живых; и это были воины, которые не походили на тех, что служили московитам, так что чем далее подвигалось турецкое войско, тем более бедствий должно было переносить, пока, наконец, оно не дошло до прекрасных местностей, где сохранилось еще много развалин, и, повидимому, здесь некогда было много прекрасных городов, о чем черемисы рассказывают, что Александр Великий здесь некогда пригото-

Бедствия ту-
рецкого войска

влялся к войне, воевал и разбивал лагерь; в то время там в честь его еще совершали некоторые церемонии; и рассказывают также, что какой-то Темирайсах (Tomiracsach) вел там великие войны и вконец разорил всю страну и разрушил все прекрасные города, ибо, судя по развалинам, состоящим из отличных камней, эти города были, вероятно, богаты и великолепны. Полагают, что Темирайсахом звали Тамерлана; там еще находят камни, на которых с большим искусством вырезаны греческие и еврейские буквы.

Отвага моск-
овитов и их по-
беда над тур-
ками

В этой стране [турецкое войско] остановилось почти на две недели для отдыха, недосчитывая в своем лагере добрых десять тысяч человек, умерших от скорбей и лишений; и разделившись на несколько отрядов, войско пошло на Астрахань, но долго блуждало, ибо у него часто были плохие проводники.

Зная обо всех обстоятельствах от татар, находившихся или в турецком лагере или на близлежащих горах, москвиты были на страже и не дремали и ближайшею дорогою отправили прямо на Азов войско в десять тысяч отважных воинов, чтобы внезапно напасть на город, сжечь его до тла и умертвить всех, кого только застигнут, а сверх того на Тереке, Тюмени (Tegesch-Tumen) и во всех других местах, где, повидимому, намеревался пройти неприятель, устроили засады для нападения на проходящие войска из лесу и с гор, так как все дороги, где, повидимому, намеревались пройти турки, были в точности известны от многочисленных татарских лазутчиков, всячески способствовавших москвитам; словом, все были истреблены, одни здесь, другие там, после четырех месяцев похода, исполненного великих бедствий и несчастий.

Меж тем отряд, не составлявший и половины московского войска, подошел к Азову, внезапно осадил его и тотчас устремился на турецкие галеры, большую часть которых сжег, потопил и, ворвавшись в город, поджег его; так как в то время в Азове находился значительный запас пороха, то несчетное множество домов и людей взлетело на воздух, и оставшиеся в живых были умерщвлены; сверх того невероятно много людей как из самого Азова, так и окрестных мест потонуло в реке Доне, и многих, большей частью женщин и детей, взяли в плен и увезли вместе с верблюдами, лошадьми и прочим скотом, а также, узнав, что многие последовали за главным турецким войском, устремился за ними, окружил их, как и тех, которые находились в засаде, и всех их истребили; так из трехсот тысяч татар, по большей части конных, не осталось ни одного человека, также почти все турки, кроме пяти тысяч человек, по большей части

Совершенное
поражение ту-
рецкого войска

начальников и знатных, успевших во-время убежать к Азову, где они были перебиты оставшимися в живых жителями, так что в Константинополь не вернулось и двух тысяч турок; сверх того разорили Азов и все близлежащие места и сожгли около 200 галер; такова была судьба этого войска, и с тех пор турки никогда не решались выступить в поход против Астрахани и только изредка подстрекали крымских татар нападать на Россию (Ruslant), чтобы грабить и уводить людей, когда к тому представлялась возможность; но московиты так с этим свыклись, что даже мало справлялись о том. Одним словом, к Московиту шло счастье со всех сторон, так что он стал могущественным и внушал сильный страх по причине великой своей жестокости.

О всех войнах, веденных великим князем со Стефаном Баторием, королем польским, которые сделали его весьма боязливым, было бы бесполезно рассказывать, так как они весьма обстоятельно описаны Рейнгольдом Гейденштейном²⁴, секретарем польского короля; также [было бы бесполезно] говорить об уступке Ливонии при заключении мира в королевском лагере у города Пскова 15 января 1582 г.²⁵

Затем мы перейдем к рассказу, который мы намерены были изложить, и укажем на главную причину нынешних войн.

Иван Васильевич, великий князь и царь московитов, женился в седьмой раз, взяв жену из рода Нагих, по имени Марфа (Marva), или на нашем языке Марта [Martha]; от этой жены родился у него сын по имени Димитрий, и это была его последняя законная жена и ребенок, и детей он больше не имел, хотя было у него много наложниц. И оставил ли он незаконных детей, неизвестно, всего вероятнее, что не оставил, ибо, поспав с какой-нибудь девушкой, — а он ежедневно приказывал приводить девиц из разных мест и его приказание исполняли, — он тотчас передавал ее своим опричникам и сводникам (carceуnen en goffiaпen), которые портили ее дальше, так что у нее дети уже не могли родиться.

После того как в 1581 году Иван умертвил или потерял своего сына, о чем мы сообщили выше, когда говорили о рождении его детей, он стал предаваться жестокостям еще больше, чем прежде, и его тирания была столь ужасна, что никому из людей еще не довелось слышать; говорят, он впал в отчаяние после смерти сына своего Ивана, так что, казалось, им руководили сами фурии. Когда он одевал красное — он проливал кровь, черное — тогда бедствие и горе преследовали всех: бросали в воду, душили и грабили людей; а когда он был в белом — повсюду веселились, но не так, как подобает честным христианам.

Рождение
Димитрия. На-
чало истории

Ужасная тира-
ния москов-
ского царя

Говорят, что царь вознамерился опустошить всю страну и истребить свой народ, так как знал, что ему осталось недолго жить, и полагал, что все будут радоваться его смерти, хотя ни на ком не мог этого заметить; однако он умер ранее, чем предполагал; день ото дня становясь все слабее и слабее, он впал в тяжкую болезнь, хотя опасности еще не было заметно; и говорят, один из вельмож, Богдан Бельский [Bogdaen Belsci], бывший у него в милости, подал ему прописанное доктором Иоганом Эйлофом ²⁶ (Johan Eyloff) питье, бросив в него яд в то время, когда подносили царю, отчего он в скорости умер; так ли это было, известно одному богу, верно только то, что вскоре царь умер. Это случилось 4 марта 1584 года, по старому стилю ²⁷.

После смерти [царя] в Москве было сильное волнение ²⁸ черни (gemeyn reupell). Вооружившись луками, копьями, дубинами и мечами, [народ] ринулся к Кремлю (slot), ворота которого были заперты, поэтому они разгромили все лавки и арсенал (ammonitye huys), откуда взяли оружие и порох, намереваясь взломать ворота, и кричали: «Выдайте нам Никиту Романовича!» (Micite Romanovits), который был сыном тестя тирана и братом великой княгини Анастасии, первой великой княгини; народ был весьма расположен к нему, ибо он отличался благочестием, а также ради сестры его, в народе весьма любимой; домогались увидеть его живым, ибо страшились, что его изведут во время междоусобия, ибо по причине своей добродетели имел он, по мнению народа, много врагов при дворе; со стен Кремля кричали, чтобы они шли по домам и молились о душе усопшего, что скоро все придет в надлежащий порядок, что народу известно, кто должен царствовать, ибо [после царя] остались сыновья, и сверх того провозгласили Федора Иоанновича царем и великим князем на отцовском престоле, и что он женат и, следовательно, нечего опасаться; эти увещания однако не помогли, и чернь продолжала кричать: «Выдайте нам Никиту, выдайте нам Никиту Романовича!» Вельможи, опасаясь, чтобы с Никитой не случилось несчастья, говорили: «Он жив и здоров! Зачем причинять ему зло?» Но это нimalo не помогло. Чернь продолжала громко кричать, ругая вельмож изменниками и ворами (scelmen).

Вельможи, опасаясь, что чернь проломит ворота Кремля, велели стрельцам с двумя или тремя сотнями мушкетов стрелять по толпе, отчего народ тотчас побежал от ворот, так что большая площадь перед Кремлем тотчас же совершенно опустела.

Никита Романович, опасаясь нападения на свой дом и не считая себя безопасным, желая возвратиться домой; хотя вельможи прилежно

просили его остаться в Кремле, он настоял на своем, и его выпустили; и когда он выехал верхом в сопровождении 20 слуг, народ, устремившись на них, подобно внезапному граду, кричал, бесновался и ликовал от великой радости, что видит его еще живым, и большими толпами проводил его до дому, где и охраняли его до самого венчания юного великого князя, ибо были убеждены, что против [Никиты Романовича] строят козни, дабы предательски погубить его, и так продолжалось до самого венчания царя.

Меж тем с великим воем и плачем, поднятым женщинами ²⁹, Похороны Ива-
на похоронили Ивана Васильевича по греческому обычаю, коему моск-
виты следуют, так как исповедуют ту же веру ³⁰.

И хотя Федор Иванович был провозглашен царем и великим князем Московии, однако его венчали только 1 сентября того же года ³¹, в день нового года москвитов, в этот день, но не ранее, венчают они на царство своих князей. Венчание Фе-
дора

Венчание было весьма торжественно и великолепно, но так как я сам его не видал, то и не могу поведать о нем, ибо в дальнейшем изложении я буду описывать только виденное мною. Титул этого венчанного государя, каким он приводится ниже, и принадлежит и всем наследникам его, первый присвоил себе Иван, как я уже выше говорил, титул царя и великого князя, после завоевания Казани и Астрахани.

1 сентября 1584 г. совершилось венчание на царство, и Федору Ивановичу был присвоен титул: «Божиею милостию царь и великий князь всея России, самодержец владимирский, московский, новгородский, царь астраханский, государь псковский, великий князь смоленский, земель тверской (Otvergia), югорской, пермской, вятской, болгарской, государь и великий князь низовых земель, черниговской, рязанской, помодкой, ростовской, ярославской, белозерской, удорской, обдорской, кондинской, всей сибирской и самоедской земли и ногайцев, верховный повелитель северской земли (in den noortsen lande Siveria) и государь Ливонии», — помещаю это для того, чтобы знали, как московские государи пишут свой титул и заставляют писать его в грамотах (brieven).

Представив краткое обозрение жизни Ивана Васильевича и дойдя до царствования Федора Ивановича, венчание которого было, как сказано, 1 сентября 1584 г., надлежит нам теперь приступить к повествованию, которое мы намеревались изложить.

Во время [царствования] тирана Ивана Васильевича в Москве жили Годуновы, род татарского происхождения. Они уже давно жили

✓ 1584
Род Годуновых

в Московии, предки их перешли к московским или владимирским князьям, ибо во Владимире, бывшем некогда столицею Московского царства, находился великокняжеский престол, и было это в то время, когда правил Темирайсах (Temiracsack), опустошивший и разоривший всю страну у Каспийского моря; отечество Годуновых до сих пор еще называется Золотою ордою (Solotaia orda), или золотою странюю, по красоте ее местности и по развалинам, находящимся там, можно видеть, что там были некогда воздвигнуты великолепные и дорогие здания. На камнях искусно вырезаны греческие и еврейские буквы; некоторые из них отлично позолочены.

Из этого рода Федор Иванович взял себе жену еще при жизни своего отца-тирана, и так как в течение трех лет у него не было от нее наследника, она родила одну только дочь, которая вскоре умерла, то Иван Васильевич пожелал, чтобы сын, следуя их обычаю, заточил ее в монастырь и взял себе другую жену.

Федор Иванович, человек нрава кроткого и доброго, очень любивший свою жену и не желавший исполнить требование отца, отвечал ему: «Оставь ее со мною, а не то так лиши меня жизни, ибо я не желаю ее покинуть». В досаде, что сын не подражает ему, Иван горько раскаивался, что предал такой смерти своего сына, весьма походившего на него.

Борис Годунов

У этой царицы и великой княгини, по имени Александра³², был брат, Борис Годунов (Boris Goddenoof) также женатый на дочери знатного вельможи Малюты Скуратова (Maluta Scoeratof), настоящее же его имя было Григорий. Эта женщина, по имени Мария, имея сердце Семирамиды, постоянно стремилась к возвышению и мечтала современем стать царицей, и надежды ее возрастали, ибо у царицы Александры не было детей; и [Мария] постоянно убеждала своего мужа в том, что никто кроме него по смерти Федора не может вступить на престол, хотя еще живы были другие, а именно Димитрий, сын тирана от седьмой его жены Марфы.

Ближайшие
наследники
московского
престола

Сверх того даже если бы не было царевича Димитрия, то были и другие наследники, а именно дети Романа Захарьевича, отца первой великой княгини, жены тирана; они по праву наследства были ближайшими к престолу, их было много, и Годуновым трудно было погубить всех этих людей, равно как и Димитрия, юного царевича, который был еще младенцем. Но вследствие хитрости Бориса Годунова, брата княгини, все сделалось по ее [Марии] желанию.

Брат великого князя, юный царевич Димитрий, был послан в имение (heerlycheyt), находящееся на берегу большой реки Волги, назы-

вавшееся Углич (Oulitz), где молодого царевича воспитывали и содержали с тою же пышностью, как самого царя.

Прежде всего Борис Годунов старался известить Дмитрия, полагая, что, если это произойдет, ему легко будет достигнуть своей цели. Поэтому он сделался приближенным царя с помощью царицы, своей сестры, которая так хвалила Годунова, что Федор Иванович возвысил его и сделал ближним великим боярином (opperste marschalck) и главным воеводою в целом государстве; сверх того дал ему лучший дом в Москве, подле дворца, и всегда оказывал ему предпочтение, и так как царь, будучи набожен и тих нравом, мало занимался управлением и только носил титул царя, то он возложил на Бориса все управление, и что бы Борис ни делал, все было хорошо; и тогда он стал осуществлять свое предательское намерение.

Прежде всего он добился того, что царица Марфа была отправлена к сыну, а все родственники ее из рода Нагих разосланы правителями в отдаленные места, в Татарию и в другие области, как будто для того, чтобы ими управлять, а затем многие из них были постепенно умерщвляемы по приказанию Бориса. Но также многие избегали смерти и долгое время скитались и бедствовали.

Дабы отвлечь всякое подозрение, Борис посылал дорогие подарки юному царевичу и некоторым его придворным. Чтобы убить Дмитрия, он изыскивал различные средства, в числе коих главным было навести на государство какого-нибудь неприятеля, полагая, что в таком страхе и смятении царь обратит на него все взоры, ибо царь больше походил на невежественного монаха, чем на великого князя и сверх того отличался легковерием и крайнею доверчивостью, ибо верил всему, что говорил ему Борис, предоставлял все на его волю, и все, что хотел Борис, хотел также и великий князь, и все, что он делал, было хорошо.

Потому он настойчиво уговаривал царя отправиться с войском к Нарве для отвоевания Ливонии, отнятой поляками, которые должны были по прошествии известного времени снова отдать ее, и так как срок прошел, то был бы позор московской державе (moscovise stoone) не взять того, что нельзя было получить добром; поэтому он стоял на том крепко и добился того, что царь согласился и даже сам выступил в поход ³³ с войском в триста тысяч человек, в том числе пятьдесят тысяч черемис и татар, кои, будучи поставлены впереди, во время первого приступа все до одного погибли; и, совершив несколько приступов и потеряв очень много людей, возвратились назад, взяв по дороге Ямгород (Jamgorodt) и Копорье (Copia); говорят, что Борис намеревался еще раз

пойти на приступ и рассчитывал взять город, что и случилось бы, ибо, как утверждали жители, в нем оставалось всего 80 человек способных к защите, и они решили сдать город, как только будет сделан еще один приступ, но великий князь, опечаленный великим кровопролитием, велел отступить, а Борис через некоторых своих приверженцев распустил по всему лагерю слух, что он единственно из расположения и любви к народу уговорил даря возвратиться, чем приобрел расположение многих простых людей, чему вельможи и дворяне втайне весьма завидовали, но не смели говорить.

Ежели бы он в этот поход овладел Нарвою, то велел бы умертвить царевича Димитрия, но так как поход не удался, то он стал ожидать другого случая.

Московия бла-
годенствует

Меж тем страна стала заметно процветать и население весьма возросло, ибо до того была почти совершенно опустошена и разорена вследствие великой тирании покойного великого князя и его военачальников (*officiereen*), во всем ему подражавших, и начисто разорена и разграблена, теперь же только благодаря добросердию и кротости князя Федора, а также великому умению Бориса снова начала оправляться и богатеть³⁴. В 1590 году возмутилось (*muuteneerden*) множество черемисов на Волге, и стали они разорять окрестные местности, и то была развращенная шайка, подстрекаемая несколькими негодями, бывшими ее атаманами; против них выслали большой отряд из немцев, поляков и русских, состоявших на службе у великого князя, но они никого не нашли, ибо мятежники сами разошлись и рассеялись.

1590
Возмущения на
Волге

Весной 1591 г. в Москву с татарской границы пришло известие, что крымский хан со всем своим войском выступил в поход, и чрезвычайно быстро продвигаясь вперед, вступил в страну раньше, чем о том узнали или даже помыслили. Крымский хан, слышавший великим войном, задумал повидать Москву и не беря ее, напугать москвитя и увести пленных; оттого в Москве был великий страх, и Борис, всегда казавшийся веселым и бодрым, был облечен полным доверием даря и всего народа, ибо заботливо готовился к защите, немедленно выведя в поле большое войско³⁵, он велел устроить большой и неприступный обоз (*wagenburch*)³⁶ под Москвою, на том самом месте, где татары должны были переправиться через Москва-реку, и снабдить его со всех сторон пушками; сверх того велел переписать всех, кто был старше 20 лет, и обязал их поочередно держать стражу на стенах и во всякое время быть готовыми и вооруженными; и, зная, что в татарском войске до четырехсот тысяч человек конных, он не хотел выступить в поле,

1591
Крымские та-
тары вступают
с войсками в
Московию, под-
ступают к са-
мой Москве

хотя с большим мужеством готовился к встрече и полагал с разных сторон напасть на неприятеля в случае, если он будет долго стоять; но это не удалось.

Гонцы за гонцами прибывали в Москву и приносили вести о быстром приближении неприятеля; и он действительно подошел к Москве и притом раньше гонцов, посланных за час до него; и то было 2 июля, по старому стилю, того же года, рано утром, когда увидели неприятеля, двигавшегося, подобно туче, с таким грохотом, что тряслась земля, и, остановившись у Коломенского, на расстоянии одной или полуторы миль от Москвы, обложили ее войском.

Обе могучие рати (*geweldige legers*) стояли друг против друга и в этот день ничего не предпринимали; на следующий день утром два татарина подъехали к московскому обозу, на что москвиты без всякого разумения принялись стрелять из больших пушек (*grof gescut*). Тотчас после чего вслед за первыми двумя прискакало несколько сот, а потом несколько тысяч татар, которые, подобно граду, устремились на московское укрепление и беспрестанно метали стрелы, так что, казалось, небо было усеяно ими, и долго перестреливались и, наконец, возвратились в свой лагерь.

Великий князь Федор Иванович видел все это из своего дворца, расположенного посреди Москвы, на высокой горе у реки Москвы, и горько плакал, говоря: «Сколько крови проливает за меня народ. О, если бы я мог за него умереть»; в особенности прославлял он немногих, служивших у него иноземцев, ведших себя лучше самих москвитов. Он был столь благочестив, что часто желал променять свое царство на монастырь, ежели бы только это было возможно.

Простота Федора, любящего своих подданных

На другой день шел сильный дождь; невзирая на то, татары пошли на приступ, москвиты стреляли весьма беспорядочно, как не умеющие обращаться с орудиями, хотя имели их у себя много, ибо стреляли они столько же в свое войско, сколько в неприятеля; после перестрелки татары снова вернулись в свой лагерь.

В продолжение следующей ночи москвиты беспрестанно стреляли как с обоза, так и с городских стен, из малых и больших пушек, так что, казалось, земля и небо переходят, и никто не знал, почему; впоследствии, однакож, это объяснилось.

Борис, как главный воевода и наместник дая, подкупил одного дворянина отдаться в плен татарам так, чтобы неприятель не открыл обмана, и татары, видя, что он богато одет в золотую парчу, расшитую жемчугом, подумали, что он, должно быть, знатный человек, и привезли его связанного в лагерь к своему дарю; на вопрос хана,

чего ради в эту ночь беспрестанно стреляли, не причиняя никакого вреда неприятелю, он весьма мужественно отвечал, что в эту ночь тридцать тысяч поляков и немцев прибыли в Москву с другой стороны на помощь москвиту; пленника жестоко пытали, но он оставался непоколебим и твердил все одно, не изменяя ни слова, так что татары подумали, что то правда и, поверив, весьма испугались и в следующую ночь в чрезвычайном беспорядке и сильном замешательстве обратились в бегство с такой силой и поспешностью, что между Москвой и городом Серпуховым (Sirpag), в 12 милях от него, повалили много мелкого леса и передавали несчетное множество своих лошадей и людей, так что вся дорога была усеяна человеческими трупами и лошадьми, чему никто не хотел верить³⁷.

И так как в то время стояли сильные жары, а лето в Московии всегда жаркое, то трупы смердели так ужасно, что было невыносимо, и на них тотчас появилось множество червей и мух, ибо они были рассечены и растоптаны лошадьми.

Только утром дошло в московский лагерь достоверное известие, что все татарское войско бежало, чего не заметила стража, ибо москвиты беспрестанно палили, а в татарском лагере до утра горело много огней; утром тотчас снарядили в погоню множество конницы, дабы воспрепятствовать татарам во время бегства опустошать землю огнем, но, достигнув Серпухова, узнали они, что татары в тот же день переправились через Оку, чему они [москвиты] едва верили, ибо невероятно, что такое большое войско успело в течение одной летней ночи и полдня пройти 18 миль³⁸ и сверх того переправиться через большую, глубокую реку; но это могло случиться, ибо они, татары, вообще быстры, когда обращаются в бегство, так как никогда не берут с собою тяжестей, которые бы мешали им, а именно аммуниции и запасов провианта, ибо они питаются мясом конским и обыкновенно берут с собой вдвое больше лошадей, чем людей; у каждого по две лошади: устанет одна, он вскакивает на другую, а лошадь бежит за хозяином, как собака, к чему она приучается очень рано; и когда падет лошадь, что бывает часто, они едят конское мясо; взяв кусок, они кладут его под седло, пустое внутри; и мясо там лежит и преет до тех пор, пока не сделается мягким, тогда они охотно едят его; сверх того они везде уводят скот и таким образом обеспечивают себе пропитание; приближаясь к реке, они связывают вместе поводья и хвосты обеих лошадей, на которых сами становятся, привязав сделанные из тетины и дерева луки к спине, чтобы не замочить их и не ослабить; и, став таким образом на лошадей, чрезвычайно быстро пере-

правляются; они все одеты с головы до ног в медвежьи или овечьи шкуры, так что своим видом походят на чертей.

Переправившись через Оку, неприятель захватил во время бегства так много людей из всех местечек и деревень, что жалко было о том слышать; все эти пленные были отведены в Крым и многие, по большей части женщины и дети, в Турцию, но многие мужчины успели бежать; таким образом татары оставили страну, причинив повсюду много вреда и нигде не встретив отпора, ибо войска, посланные в погоню, пришли слишком поздно.

После этого пропшества роздали жалованье всему войску, и оно было распущено; немцы, поляки и другие иноземцы, а также все военачальники получили сверх жалованья подарки, и каждому дали по золотой монете (penningk)³⁹.

В это же время захватили около 70 человек, по большей части холопов господ (lyfeygene heeren knechten), намеревавшихся во время осады поджечь Москву; если бы это случилось, то могло бы погибнуть государство, ибо из боязни пожаров не пекли хлеба, так что многие бедные люди умерли с голоду во время трехдневного пребывания неприятеля под Москвой; все эти изменники получили достойное возмездие.

Когда все успокоились, Борис приступил к осуществлению своего намерения, совещаюсь со своими друзьями и родственниками, которых было до 70 домов, а именно: Годуновы, над которыми Борис был главою, хотя некоторые из них были старше его, Вельяминовы (Veliemi-poven) и Сабуровы (Soboroven)—два рода, прозванные так; с ними он каждодневно советовался, как достичь короны; прежде же всего необходимо было избавиться от юного царевича Дмитрия, ибо весьма опасались, что удобное время упущено, ибо Дмитрию было десять лет и по своему возрасту он был очень умен, часто говоря: «Плохой какой царь, мой брат. Он не способен управлять таким царством», и нередко спрашивал, что за человек Борис Годунов, державший в своих руках все управление государством, говоря при этом: «Я сам хочу ехать в Москву, хочу видеть, как там идут дела, ибо предвижу дурной конец, если будут столь доверять недостойным дворянам, поэтому надо позаботиться заблаговременно»⁴⁰.

Эти и им подобные речи были передаваемы Борису и его приверженцам, опасавшимся, что если они во-время не осуществят своего намерения, то сами попадут в западню, приготовленную для других. Поэтому они и решились на измену.

При царевиче Дмитрии безотлучно находился дьяк Михаил Михай-

Борис советуется со своими друзьями о том, как бы вступить на престол и извести Дмитрия

лович Битяговский (Petoegoffsci), которого царевич считал своим лучшим другом; его подкупили извести Димитрия, на что он согласился и поручил совершить убийство своему сыну Даниилу Битяговскому, у которого был товарищ, Никита Качалов (Micita Catsaloff); оба они сперва были в Москве у Бориса, который обещал их обеспечить и поручить им важные должности; причастившись и получив от Борисова священника благословение и полное отпущение грехов, они поехали в Углич с письмом от Бориса Годунова к отцу [Битяговского].

Предательское
убийство Ди-
митрия

Отец, хорошо зная, что следует делать, в тот день приказал сыну своему Даниилу вместе с Никитой спрятаться на дворе, полагая, что в тот же день и должно совершиться; и после обеда дьяк предложил двум или трем молодым дворянам устроить игру в орехи, в которой, по его словам, желал принять участие Димитрий; и дьяк в положенный час, когда он знал, что игра в самом разгаре, разослал всех с различными поручениями, а сам, дабы отклонить от себя всякое подозрение народа, отправился в канцелярию заниматься своими делами в присутствии большой толпы народа, собравшегося для решения тяжёлых дел. И тем временем, в самый разгар игры двое упомянутых убийц перерезали царевичу горло, от сильного смущения забыв умертвить других детей, тотчас бежали; они успели ускакать на лошадях, заранее для них приготовленных ⁴¹.

Как только это свершилось, молодые дворяне подняли на дворе сильный вопль. И известие тотчас дошло до канцелярии, а потом распространилось по всему городу. Каждый кричал: «Разбой, извели дая!» И многие вскочили на лошадей и сами не знали, что предпринять; другие бросились на двор, схватили здесь всех: и дворян и недворян и заточили до той поры, пока Москва не узнает об убийстве; между тем во время ужасного смятения многие были умерщвлены.

Когда это известие пришло в Москву, сильное смущение овладело и народом и придворными, и царь был в таком испуге, что желал смерти; его утешали, как только могли; царица также была глубоко огорчена и желала удалиться в монастырь, ибо подозревала, что убийство совершилось по наущению ее брата, жаждавшего управлять царством и владеть короною; но она молчала и все, что слышала, таила в сердце, никому ничего не сообщая.

Сверх того опасались смуты и сильного волнения в Москве, но присутствие царицы удержало от того, однако тайно шептали, что все устроено Годуновыми, которых очень боялись, ибо число их приверженцев было

весьма велико, и Годуновы страшились, что все будет раскрыто и что розыск будет произведен весьма тщательно; но Борис с чрезвычайной ловкостью сумел так подействовать на царя, что тот поручил ему произвести розыск, и Борис принял это поручение.

Тогда можно было справедливо сказать: овду поручили волку, но Борис так произвел розыск, что всех, бывших при дворе царевича, схватили как изменников, и все они подверглись царской опале и были отправлены в ссылку в Устюг, город на реке Двине, в двухстах милях от Москвы, где они провели долгое время в тяжких бедствиях; некоторых, навлекших на себя подозрение, казнили; так совершенно невинно погибли многие добрые люди с женами и детьми.

Из Москвы послали знатного боярина Василия Ивановича Шуйского (Solscy) и боярина, или господина, Андрея Клешинина (Clesnin)⁴² присутствовать при погребении; они осмотрели тело царевича, которого хорошо знали, и собственноручно положили его во гроб в присутствии старой царицы, его матери, вдовы покойного тирана. И так похоронили царевича в том городе Угличе, с великим воем и плачем, по их обычаю.

Похороны царевича

Затем старая царица Марфа заключена была в монастырь, все оставшиеся в живых ее родственники из рода Нагих были, как уже сказано, сосланы. По всей стране было много толков среди знатных людей, которые не осмеливались действовать против Годуновых, пока царь жил с царицею, сестрою Годунова: не простой народ, купцы и другие простые люди толковали между собой о Годуновых, говоря тайне, что они изменники и стремятся овладеть царским венцом, поэтому Борис употреблял всевозможные средства для того, чтобы отвести от себя эти толки.

И так как народ все еще был в большом страхе, вспоминая о недавнем нашествии татар, то Борис приказывал поджигать Москву⁴³ в разных местах, и так три или четыре раза, и каждый раз сгорало более 200 домов, и все поджигатели были подкуплены Борисом, и многих из них приводили к нему, и он, угрожая позорной смертью, приказывал сажать их по разным тюрьмам; таким образом он снова навел страх на всю страну; сверх того он послал воеводами в пограничные города несколько человек, которые живо писали, что крымский хан с большим войском снова готовится вторгнуться в страну, и посылали письма с такими вестями в Москву, так что повергли всю страну в такой страх, что народ забыл обо всех делах и забыл о смерти или убийстве Димитрия; и опасались, что эта измена и эти поджоги учинены татарами, и по причине необыкновенной хитрости

Многие преступные деяния в Москве, совершенные по мысли Годунова

Слабоумие ца-
ря Федора и
милости
Бориса

Годунова оставили все подозрения, так что каждый был занят собственным горем и бедствием и, забывая о всех других делах, оплакивал только свои.

Борис, видя, что все совершается по его желанию, послал московским домовладельцам (huyslieden), дома и имущество которых погорели, много денег, сообразно с потерей каждого, и велел своим друзьям и слугам утешать их, соболезнуя их несчастью, и велел от своего имени весьма ласково утешать их, предлагая свою помощь, сколько он может, и ежели кто хотел обратиться к царю с просьбой, он обещал ходатайствовать за того, что он и исполнял, а сверх того все жалобы, каждодневно подаваемые царю во время его шествия в церковь, а также все прошения Борис принимал, тщательно сохранял и прочитывал, дабы знать, что происходит во всей стране; и все получали милости и ответы от Бориса, чем он так расположил к себе, что о нем говорили повсюду и не могли достаточно нахвалиться им, желая, чтобы по смерти царя он получил корону; этого только он и желал, и ему и его близким посчастливилось; Борис пользовался большим уважением, чем царь, ибо царь не утруждал себя ничем, кроме того, что ходил в церковь и присутствовал при богослужениях, и Борис управлял всею землею, как глава государства, будучи над всем царем, а Федор Иванович носил только титул.

Могущество Го-
дуновых, гла-
вою которых
был Борис

Борис, захватив в свои руки власть и расположив к себе простой народ, почитавший его, как бога, не довольствовался этим, ибо на его пути еще стояли дети Романовы, или сыновья Никиты Романовича; Никита был брат первой царицы, или великой княгини, умершего тирана, и они были всех ближе к престолу, других наследников не было; сверх того это был самый знатный, старейший и могущественнейший род в Московии; никого не было ближе их к престолу; поэтому Борис стал искать случая устранить их, полагая, что тогда все будет по его желанию, но он не мог осуществить этого, ибо опасался придворных, дворянства и царя, любившего своих дядей Романовых; притом они не совершали ничего дурного, жили всегда очень скромно и были всеми любимы, и каждый из них держал себя, как царь. Старшим из братьев был Федор Никитич, красивый мужчина, очень ласковый ко всем и такой статный, что в Москве вошло в пословицу у портных говорить, когда платье сидело на ком-нибудь хорошо: «второй Федор Никитич»; он так ловко сидел на коне, что всяк, видевший его, приходил в удивление; остальные братья, которых было немало, походили на него.

Так как они вели себя безупречно, то Борис ничего не мог предпринять против них, хотя и изыскивал к тому всяческие средства, за что однажды получил от царя выговор, которого не мог забыть.

Когда царь отправлялся на богомолье в монастырь, расположенный в 12 милях от Москвы и называвшийся Троица (Troiets), то на пути всегда три или четыре раза делали привал, и на третье место стоянки, называемое Воздвиженским (Vosdweisensco), где был царский дворец, обыкновенно посылали за день перед тем боярских холопов, чтобы они заняли крестьянские избы (woningen en stoven der boeren) для своих господ; и холопы Бориса встретились с холопами Александра Никитича в одном и том же месте, и те и другие хотели занять его, и так как холопы Бориса были сильнее и внушали больше страху, чем холопы Александра, то они силой выгнали их, а те пожаловались своему господину; Александр ничего не сказал на это, но велел им всегда уступать, а потом пожаловался царю; царь был раздосадован и сказал: «Борис, Борис, ты взаправду слишком много позволяешь себе в моем царстве; всевидящий бог взыщет на тебе»; это слово, поистине сказанное царем от чистого сердца, так уязвило Бориса, что он поклялся не оставить это без отомщения и сдержал свою клятву; сделавшись царем, он по ложным обвинениям погубил Александра, велел тайно отвести на Белоозеро и умертвить его в бане, как о том еще будет рассказано⁴⁴.

Борис получает выговор от царя

Месть Бориса на детях Никиты

Дожидаюсь, когда придет его время, Борис управлял по своему усмотрению, однако всегда старался оказывать добро простому народу и так расположил к себе весь народ, что его любили больше всех. Он дозволил передавать в наследство детям земли, жалованные офицерам и военачальникам (capiteynen en crysoversten) за заслуги на левых правах (tot leen), и он во всем удовлетворял каждого, кто приходил к нему с каким-либо делом; он был так смел, что однажды дотронулся до короны, которую царь нес на голове, и это случилось в праздничный день, когда царь шел в церковь и на нем была корона; Борис, шедший рядом с царем, притворно поправил ее, хотя она и не сидела криво. Этот поступок напугал москвитов, ибо у них было и теперь еще существует такое поверье: тот, кто дотрагивается до короны, когда царь носит ее на голове, должен тотчас умереть; еще много подобных деяний совершил он на глазах народа; поэтому боялись его более, чем царя.

Борис воздвиг вокруг Москвы большую стену⁴⁵, называемую царскою стеною, сложена она была из белого плитняка (van witten orduyn) и проходила близ вала, который повелел насыпать Иван Васильевич, как было упомянуто выше.

У него было также много земель, больше, чем у знатнейших бояр; земля Вага (Vaga) была дарована ему и его потомству в веч-

ное владение, каковой удел (domine) охватывал более ста немецких миль; сверх того у него повсюду были прекрасные имения, и, приметив где-либо хорошую землю, он старался приобрести ее и так скупил многие имения; сверх того было у него много домов повсюду, в числе коих один весьма красивый, на расстоянии мили от Москвы, называвшийся Хорошево (Gorossova), что значит красивый. И был он построен на горе у реки Москвы; здесь он часто веселился, нередко приглашая к себе иноземных докторов и других подобных людей, превосходно угощал их и дружески обходился с ними, нисколько не умаляя своего достоинства⁴⁶.

Борис изыски-
вает различ-
ные способы,
чтобы погу-
бить знатней-
шие роды в
Московии

Одним словом, у нас не достало бы времени описывать все деяния Бориса; рассудительному человеку довольно изложенного, чтобы ясно уразуметь, чего всеми средствами домогался Борис. Тайно сослав в татарскую провинцию знатного боярина Ивана Михайловича Воротынского (Ivan Michalovitz Worontinsco), поистине ни в чем не виновного, Борис устранил также и Ивана Петровича Шуйского (Ivan Petrovits Soesci)⁴⁷. Эти Шуйские были потомками самых благородных родов Суздальской земли (Soesdael), их было три брата: Василий, Димитрий и Иван, и так как Димитрий был женат на сестре борисовой жены, то Шуйские остались в Москве при дворе, но не смели пикнуть (dorsten hare hoofden niet opsteecken). Также и Иван Васильевич Сидский (Sitsci), знатный боярин польского происхождения, точно так же и род Бельских. Одним словом Борис устранил всех знатнейших бояр и князей и таким образом лишил страну светлейшего дворянства и горячих патриотов; на их места он все больше и больше возвышал своих родичей: Вельяминовых (Velieminof), Сабуровых (Soboeroff) и Годуновых; и так как он все время находился при дворе, то умел все так изукрасить, что царь ничего никогда не замечал; а так как царь был весьма набожен от невежественного и неразумного усердия и проводил все время в церквах и монастырях с попами и монахами и заставлял их петь и молиться, а Борис держал всех этих священников в своих руках, то легко представить себе, как шли все дела.

Могут подумать, каким образом Борис, не умевший ни читать, ни писать, был столь ловок, хитер, пронырлив и умен⁴⁸. Это происходило от его обширной памяти, ибо он никогда не забывал того, что раз видел или слышал; также отлично узнавал через много лет тех, кого видел однажды; сверх того во всех предприятиях ему помогала жена, и она была более жестока (tiganniger), чем он; я полагаю, он не поступал бы с такою жестокостью и не действовал бы втайне,

когда бы не имел такой честолюбивой жены, которая, как было сказано выше, обладала сердцем Семпсамиды.

Борис вершил (was factotum) все дела государства, и кроме того был в Москве думный дьяк (oppersten cancelier) Андрей Щелкалов (Solcaloff), он был такой пропырливый, умный и лукавый, что превосходил разумом всех людей; Борис был весьма расположен к этому дьяку, как необходимому для управления государством, и этот дьяк стоял во главе всех дьяков во всей стране, и по всей стране и во всех городах ничего не делалось без его ведома и желания, и, не имея покоя ни днем, ни ночью, работая, как безгласный мул, он еще был недоволен тем, что у него мало работы и желал еще больше работать, так что Борис не мог довольно надивиться им и часто говаривал: «Я никогда не слыхал о таком человеке и полагаю, весь мир был бы для него слишком мал, ему было бы прилично служить Александру Македонскому»; к нему Борис был весьма расположен⁴⁹; он умер еще в царствование Федора Ивановича. И его брат Василий Щелкалов занял его место, но далеко уступал ему.

В это время посол, ехавший из Персии в Московию, был ограблен на Волге степными казаками (veltcasacken), но их всех схватили и атамана посадили живым на кол.

Наказание некоторых разбойников

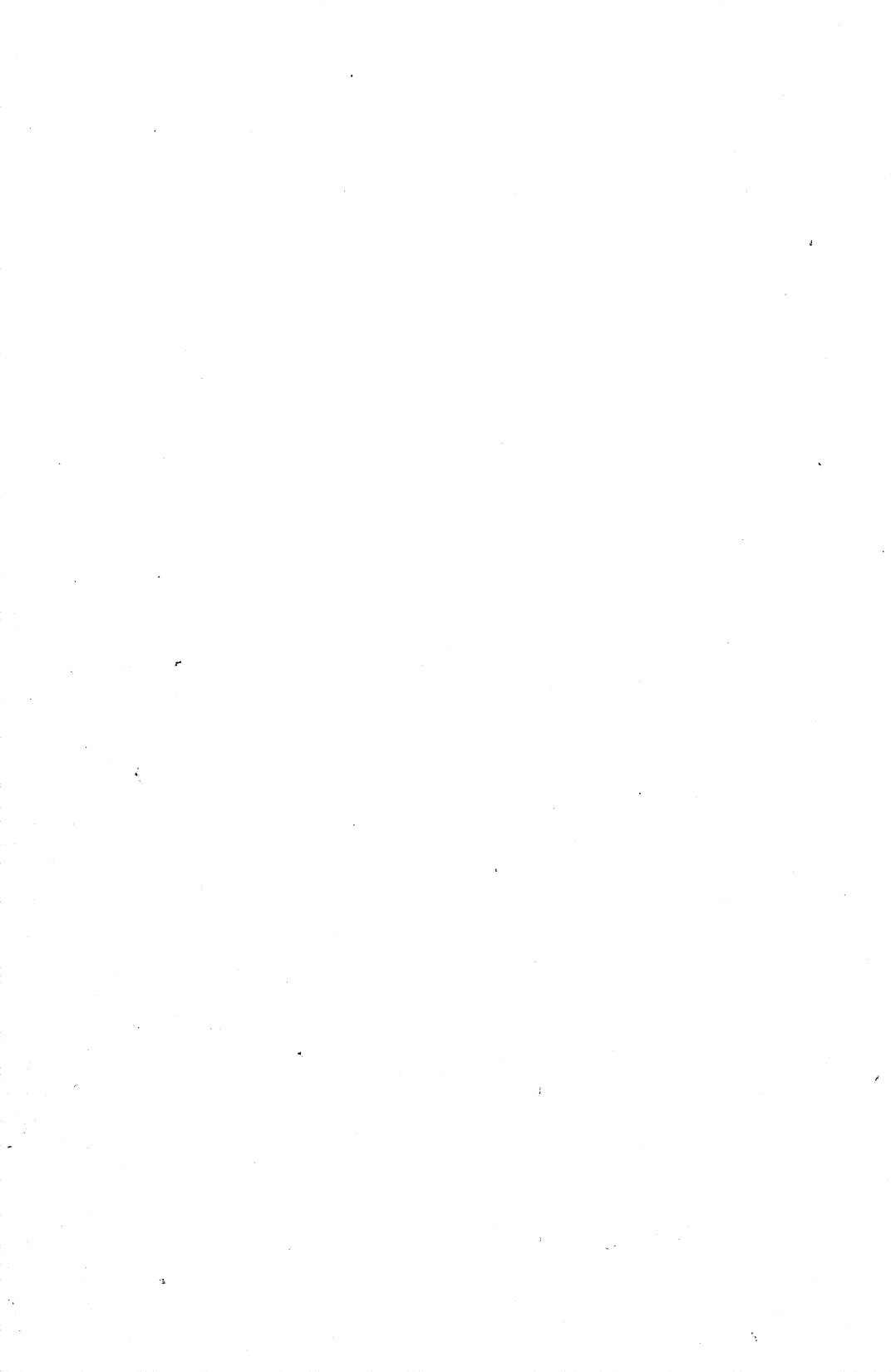
Федор Иванович внезапно заболел и умер 5 января 1598 года. Я твердо убежден в том, что Борис ускорил его смерть при содействии и по просьбе своей жены, желавшей скорее стать царицею⁵⁰, и многие москвиты разделяли мое мнение; царя похоронили весьма торжественно, и весь народ вопил и плакал, но более всех вельможи, справедливо предугадывавшие будущее, и [тело царя] проводили в собор Михаила архангела, где погребают всех царей.

Смерть и похороны царя Федора

Перед смертью он вручил корону и скипетр ближайшему родственнику своему, Федору Никитичу, передав ему управление царством⁵¹.

Царь отдает корону Федору Никитичу

ФЕДОР ИВАНОВИЧ

КАК СВЕТ ОТ ЧЕРНОЙ ТЬМЫ, ТАК БЛАГОСТЬЮ СЛУЖЕНЬЯ
ОТЛИЧЕН ТЫ В ВЕКАХ ОТ ЗЛОБНОГО ОТЦА.
ГОРДЫНЯ, ПРОИЗВОЛ, РАЗВРАТ — УШЛИ В ЗАБВЕНЬЕ.
И НАБОЖНОЙ ДУШОЙ ПРИВЛЕК ТЫ ВСЕ СЕРДЦА.
МОСКОВИН ГРОЗИЛ КОНЕЦ; С ТОБОЙ СПАСЕНЬЕ
ПРИШЛО, И В НЕБЕСАХ ДОСТОИН ТЫ ВЕНЦА.

БОРИС ФЕДОРОВИЧ ГОДУНОВ

ТЫ БЫЛ ТИРАН, КАКИХ НЕ ЧАСТО ВИДЕЛ СВЕТА,
ПОДОБЕН ЯНУСУ, ДВУЛИКИЙ И ЧУДЕСНЫЙ.
ПРЕКРАСЕН, СЛОВНО ДЕНЬ, ТЫ ВСЕМ ДАРИА ПРИВЕТ;
ТАКОВ ТЫ С ВИДУ БЫЛ; НО В ТАЙНЕ И БЕЗВЕСТНЫЙ
ТЫ БЫЛ ДРУГИМ; СОКРЫТ ТВОИХ ДЕЯНИЙ СЛЕД,
НО И ТЕБЕ КЛОЧЕК ЗЕМЛИ ДОСТАЛСЯ ТЕСНЫЙ.

МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА

КУДА ТЕБЯ ТВОЯ ЖЕСТОКОСТЬ ПРИВЕЛА,
СОВЕТЫ ТЕ, ЧТО ТЫ СУПРУГУ ПОДАВАЛА?
ТЫ СОТВОРИЛА МНОГО БОЛЬШЕ ЗЛА,
ЧЕМ ВСТАТЬ ИЕЗАВЕЛ, ГОФОЛИЯ СВЕРШАЛА.
НО ПО ЗАСЛУГАМ ТЫ И КАРУ ПОНЕСЛА,
КОТОРУЮ В ТИШИ ДРУГИМ УГОТОВЛЯЛА.

3 ОПИСАННОГО нами нельзя еще понять, к какому концу пришла изложенная нами история; мы только приступили к ее началу, поведав о смерти Димитрия, царевича московского; она вполне раскроется, когда мы перейдем к правлению Бориса, который стал царем; ибо они напали против него, избрав его удобным орудием, дабы, прикрываясь

1599

им, осуществить свои происки для преследования христиан и святой божьей церкви; и надеюсь, что все падет на их головы, что они насоветовали другим, и они низвергнутся с той высоты, на которую поднялись вместе со своими клеветами и со своей царицей, старой вавилонской блудницей, сидящей на семи холмах, одетой в красный пурпур и держащей в руках страшную чашу (*kelck der groenwelen*), из коей многие пьют и доселе.

По смерти набожного царя и великого князя Федора Ивановича, о чем было сказано выше, простой народ, всегда в этой стране готовый к волнению, во множестве толпился около Кремля, шумел и вызывал царицу Александру, жену царя Федора, сестру Бориса, помогаясь ее видеть и вручить ей управление государством; все кричали: «Будь милостива к нам, будь нашей царицей: что ты потребуешь, все исполним».

Услышав это, царица Александра, дабы избежать великого несчастья и возмущения, вышла на большую лестницу царского дворца

и изъявила желание говорить; увидев ее, все принялись так громко кричать, что, казалось, земля и небо переходят: «Дай бог здравия нашей дарице», и тотчас все смолкли, чтобы услышать, что она скажет, и она сказала народу следующее:

Царица Александра изъявляет желание поступить в монастырь

«Православные (Cristelycke gemeynthe)! Муж мой и милостивый царь по воле бога, Николая чудотворца и всех святых переселился из сего мира в царствие небесное, где все мы уповаем быть. Да будет вам ведомо, что при кончине Федора я должна была дать клятвенное обещание посвятить себя богу, удалиться от мира и стать монахиною, ежели я достойна молиться о спасении его души, предков наших и всех нас. И так как я сама расположена к тому всем сердцем, то смиренно прошу вас освободить меня от этих великих тягот и мирского дела, передать управление тому, кто достоин, кому по праву надлежит принять его; так как я не желаю царствовать и хочу послушно исполнить просьбу моего покойного мужа, то прошу всех вас более не неволить меня, ибо я никогда не соглашусь; за сим усердно молитесь всемогущему богу, дабы он даровал вам набожного и богобоязненного владыку, который беспорочно, справедливо и ревностно управлял бы отечеством, и я тоже буду молиться всемогущему богу, дабы он ниспослал свою милость».

Царица объявляет народу о своем намерении

Народ, услышав такую речь из уст царицы, принялся громко плакать, пал ниц и умолял ее не отказываться от престола; но все было напрасно; видя, что царица не соглашается, начали просить о брате ее, Борисе Годунове, крича, что не знают другого, более достойного быть царем, что он правил при покойном Федоре и был любим народом, на что царица почти согласилась и предоставила решение на его волю, повелев сперва молиться богу, дабы он ниспослал свою милость при избрании царя³².

Федор Никитич передает корону Борису

Дядя покойного царя, Федор Никитич, получивший от него корону и скипетр и объявленный царем в присутствии всех вельмож, более желавших видеть на престоле его, чем Бориса, услышав и увидев все это, и зная Бориса, и зная все действия Бориса, и зная также, что невозможно воспрепятствовать ему, ибо народ любил Бориса и взывал к нему, и чтобы избавить свое любезное отечество от внутренних междоусобий и кровопролитий, ибо он хорошо знал, что своими действиями может навлечь великую опасность, передал корону и скипетр Борису, смиренно прося его как достойного принять их.

Лицемерие Бориса

Борис не желал и слышать о том, притворялся весьма изумленным, отказывался с великой мольбой, говоря: «Кто я такой, чтобы управлять таким несказанно большим государством, мне довольно

трудно управлять и самим собою», и просил, чтобы его более тем не утруждали. Федор Никитич тоже называл себя недостойным, также не хотел слышать о том и сам решительно отказывался, и так оставалось нерешенным.

Великий страх обуял бояр и придворных, они все время зывали к Федору Никитичу и желали, чтобы он был над ними царем; народ меж тем повсюду кричал: «Сохрани, боже, даря Бориса»; и почти все толпой побежали ко дворцу, и поклялись и присягнули повиноваться царю Борису, как следовало верноподданным; принял от них присягу Иван Васильевич Годунов, дядя Бориса; увидев это, все бояре также пришли и, опасаясь, чтобы народ не схватил их как изменников, стали присягать; а также Федор Никитич со всеми своими братьями, и так признали Бориса Федоровича государем и великим князем, а сына его — царевичем и наследником; и так благодаря необыкновенной изворотливости (*groote subtylheit*) Бориса, о чем выше довольно было рассказано, род Годуновых вступил на московский престол помимо законных наследников, вопреки праву народному (*Jus Gentium*), закону и справедливости.

Борис избран
в цари

Борис, отлично знавший, что происходило, а также знавший, что ему присягнули в присутствии его родственников, не показывал и виду, что ему что-нибудь известно, и оставался дома до тех пор, пока волнение по происшествии нескольких дней почти совсем стихло.

Когда однажды он, печальный лицом, вышел из дому и пошел в церковь, для того чтобы присутствовать на заупокойной обедне и принять участие во всех молитвах и церемониях по усопшем царе, народ с великим шумом бежал за Годуновым и громко кричал: «Да здравствует наш царь и великий князь всея Руси Борис Федорович, наш царевич, сын его, Федор Борисович. Да будет он нашим государем милостивым»; при этом падали ниц.

Борис остановился, представился испуганным и начал горько плакать, увы, то были крокодиловы слезы, что он проливал. И он спрашивал у народа: «Почто хотите вы обременить меня короной? Почто избрали вы меня в цари, самого скудоумного и ничтожного во всем государстве? Чего ради спешите выбором царя? Прежде следует помолиться за упокой души нашего благочестивого царя, а потом будет довольно времени для избрания царя из рода достойного. Теперь нет никакой надобности так спешить, когда помер царь Иван Васильевич, то по причине долгих войн земля была в великом разорении и крайней нужде, тогда, по правде, нужен был государь благочестивый и богобоязненный, и бог нам даровал такого; во время его

кроткого правления с помощью наших ничтожных услуг земля вновь оправилась и разбогатела, того ради не следует спешить». Эта хвастливая речь означала: «Кто, как не я, виновник этого, ибо управляя главным образом я».

Однако народ не хотел ничего слушать, продолжал кричать, как и прежде, показывая сильное желание иметь Бориса своим государем, а сына его — наследником; на что и все вельможи изъявили свое согласие: было ли это от чистого сердца, легко понять; наконец Борис согласился.

Говорят, что Федор Никитич по возвращении домой сказал своей жене: «Любезная! Радуйся и будь счастлива. Борис Федорович — царь, и великий князь всея Руси». На что она в испуге отвечала: «Стыдись! Чего ради отнял ты корону и скипетр от нашего рода и передал их предателям любезного нашего отечества?», и жестоко бранила его и горько плакала, и он, разгневавшись, в злобе ударил ее по щеке, а прежде и худого слова никогда ей не выговаривал. Говорят, что после того она советовалась с братьями своего мужа, Иваном и Александром, и их родственниками о том, как бы известить царя и весь дом его; но это известие неверно, ибо основывается на ложном свидетельстве, сделанном для того, чтобы найти повод погубить ее, и все это, как мы потом узнаем, было сделано по наущению Годуновых.

Александра
постригается
в монахини

Меж тем сестра Бориса, вдовствующая великая княгиня Александра, постриглась в монахини, и народ с воем и плачем провожал ее до Девичьего монастыря, в полумили от Москвы, на реке Москве, и здесь она простилась с народом, увещевая его слушаться во всем царя и молиться богу, и она так прощалась, как будто расставалась с миром.

Борис пробыл несколько дней у своей сестры в монастыре, где она часто и строго укоряла его за все происки, спрашивая, какой ответ он даст богу; она со слезами на глазах упрашивала его оставить царство⁵³ и принести покаяние во грехах, дабы бог простил его.

Обещания Бо-
риса

Борис, оправдывая себя во многом, обещал так управлять царством, что наделся смягчить гнев (toogne en gramscap) божий на свои грехи; сестра многое ему не прощала, но видя, что ее уговоры на него не действуют, она, вверив его промыслу божью, умоляла его царствовать так, как он обещал, и изъявила готовность помогать ему своими советами и молитвами, и так они расстались; после венчания на царство Борис часто бывал у нее.

И так как он, по их обычаю, не мог венчаться ранее 1 сентября, или нового года, то он хотел в это лето показать народу свое могу-

щество и величие, разослав по всей стране указы, чтобы готовились к войне и войска собирались к Серпухову (Irpag) на реке Оке, ибо распустил слух, что там стоит крымский хан и надсежит выступить против него и дать сражение, но он сделал это лишь затем, чтобы явить свое величие и могущество, приобрести себе славное имя и заслужить уважение в народе. В мае назначено было собраться всем на реке Оке, куда со всех сторон стеклось такое войско, какого еще никогда не было у Московского князя, ибо с дарем явились из Москвы бояре, дворяне, придворные, офицеры и стрельцы (strelsen oft scutten), всего тридцать тысяч человек при пятистах тысяч воинов, готовых к бою; и лагерь простирался на 5 миль в длину и 5 миль в ширину по квадрату; сверх того вдоль реки Оки были расставлены пушки и к прибытию дара посреди лагеря разбили целый город из шатров, где были залы, канцелярии, башни, конюшни, кухни, церкви — все так искусно устроено, что издали принимали его за красивый город; и войско было так неимоверно велико, что поистине нельзя было и представить; сюда прибыл из Москвы Борис со всем своим двором, оставив в Москве дарицу с дочерью и патриарха Иова, оберегавшего московские святыни, и Степана Васильевича Годунова, оберегавшего в Москве царский престол.

Борис показывает свое необыкновенное могущество

В течение нескольких недель войска выезжали в поле на смотры и каждый старался отличиться перед дарем: кто верховою ездою, кто оружием; меж тем ждали крымского посла, ибо Борис достоверно знал, что он приедет его поздравить, привезет подарки и заключит мир на несколько лет. Прибыв в лагерь, посол весьма удивился драгоценным украшениям, носимым москвитями, благородными и воинами; и мир был заключен на несколько лет, и посол уехал⁵⁴.

Этот поход предприняли между прочим с тем, чтобы показать крымцам великую силу и утешить их, хотя в этом году они и не думали выступать из своей земли.

И после того как царь пробыл около шести недель, к нему в лагерь пришло духовенство с крестами и хоругвями просить его возвратиться в Москву, каковую просьбу он исполнил и распустил все войско; все ратники отпущены были по домам, только один отряд иноземцев был послан на быстрых конях в степь, в татарскую сторону, дабы очистить землю от некоторых возмущившихся казаков; они возвратились, не найдя никого, и царь обещал заплатить тройное жалование после венчания. И каждый возвратился к себе домой.

В год 1599 после рождества христового, 1 сентября, или в лето 7116 от сотворения мира, как пишут москвиты, хотя и не

Возвращается
в Москву
Венчание на
царство

могут доказать, почему они насчитывают больше годов, нежели показано в греческой библии, совершилось венчание Бориса Федоровича царем всея Руси, а сын его объявлен царевичем московским⁵⁵; и титул его, Бориса, писали в грамотах всем державам точно так же, как и титул Федора Ивановича, о чем мы уже говорили. Венчание на царство было совершено с большой пышностью и великолепием, и царский пир, весьма роскошный, продолжался восемь дней. Венчание происходило в храме богородицы. Венед на голову Бориса надел патриарх в присутствии епископов и митрополитов, со многими церемониями, благословениями и каждением; и царь шествовал по золотой парче, постланной поверх пурпурового сукна по всем дорогам, по коим ему надлежало пройти ко всем церквам, по Кремлю и к дворцу и перед царем щедро разбрасывали золотые монеты, и каждый, сколько мог, подбирали их.

В Кремле, в разных местах, были выставлены для народа большие чаны, полные сладким медом и пивом, и каждый мог пить сколько хотел, ибо для них наибольшая радость, когда они могут пить вволю, и на это они мастера, а паче всего на водку, которую запрещено пить всем, кроме дворян и купцов, и если бы народу было дозволено, то почти все опились бы до смерти; но довольно о том писать, ибо сие не относится к предмету нашего сочинения.

Во время всеобщей радости царь приказал выдать тройное жалование всем высшим чинам (*oversten*), дьякам (*cancellieren*), капитанам, стрельцам, офицерам, вообще всем, состоявшим на государственной службе. Одна часть жалования выдана была на поминовение усопшего царя, называлась она *Rominapia*, т. е. память, другая — по случаю избрания царя, третья — по случаю похода и нового года, и все по всей стране радовались, ликовали и благодарили бога за то, что он даровал им такого государя, усердно творя за него молитву во всех городах, монастырях и церквах.

Милости ино-
земцам

Также призвал к себе царь бедных ливонских купцов, кои, будучи во времена тирана взяты в плен в Ливонии, были привезены в Московию и несколько раз им ограблены; Борис собственноручно поднес каждому из них кубок, полный меда, обещал быть государем милостивым, советовал забыть старое горе и даровал им полную свободу и права гражданства (*burgerrecht*) в Москве, наравне со всеми московскими купцами, а также дозволил им иметь церковь, где бы они могли молиться богу по своему обряду, чем они и воспользовались; сверх того каждого из них Борис ссудил деньгами без процентов (*sonder interest*), дав каждому сообразно с его достоинством: одному 600, другому 300 ливров, с тем, чтобы на эти деньги они могли торго-

вать и вести дела (negotieren en handelen) и впоследствии, по получении достаточной прибыли, отдали бы их обратно⁵⁶, и отпустил их жить с миром, ибо Борис был весьма расположен к немцам; в Москве говорят: «Кто умнее немцев и надменнее поляков?»

Тщеславные
обещания

Борис тайно велел распространить слух о своем обете не проливать крови в течение пяти лет⁵⁷, что и делал он явно по отношению к татам, ворам, разбойникам и простым людям; но тех, кто был знатного рода, он позволял обносить клеветою и по ложным обвинениям жестоко томить в темницах, топить, умерщвлять, заключать в монастырь, постригать в монахи — все это втайне, для того чтобы лишить страну всего высшего дворянства и на его место возвести всех рожичей и тех, что ему полюбились.

Прежде всего в полбре 1600 г. Борис велел нескольким негодям обвинить Федора Никитича, отдавшего ему корону, и братьев его, Ивана, Михаила и Александра, с их женами, детьми и родственниками, и обвинение заключалось в том, что будто они все вместе согласились отравить царя и все его семейство; но это было только для того, чтобы народ не считал, что эти знатные вельможи сосланы со своими домочадцами и лишены имущества невинными, и не сокрушался об их участи; Федора Никитича схватили и сослали за 300 миль от Москвы, в монастырь, неподалеку от Холмогор (Colmogro), который назывался Сийская обитель (Chio), и там он постригся в монахи. Михаил и Иван были отправлены в злосчастную ссылку: один на Волгу, другой на татарскую границу; Александра же, которого он давно ненавидел, Борис велел отвезти на Белоозеро, вместе с маленьким сыном Федором; и велел там истомить Александра в горячей бане, но ребенок заполз в угол, где мог немного дышать через маленькую щель, и остался жив по милости божественного провидения, и люди, взявшие его к себе, сберегли его.

Так же поступили и с остальными, которые были ненавистны — одних топили, других душили. Дом князя Федора Мстиславского (Fedor Missislofsci), весьма знатного боярина польского происхождения, человека безупречного, был два раза дочиста разграблен, но его самого оставили в живых по настоянию народа, иначе его бы лишили жизни. Борис до вступления на престол неоднократно изъявлял желание выдать за него дочь свою, но потом не только отказался, но даже препятствовал ему жениться во второй раз, чтобы у него не было наследников. Таким образом Борис употреблял всевозможные средства истребить всех, знавших об его злодеяниях, опасаясь, чтобы они когда-нибудь не пытались отстранить Голуновых от правления⁵⁸.

Тайная тирания. Самые главные приближенные царя

Поэтому Борис поставил Дмитрия Ивановича Годунова, своего старого дядю, старшим боярином, ближайшим к царю. Иван Васильевич Годунов, также состоявший при нем, имел сына Ивана. Степан Васильевич Годунов, дворецкий (*hoofmeester*), имел сына Степана; Семен Никитич Годунов был казначеем⁵⁹, а также ведал придворными докторами и аптекарями; он слыл по Москве человеком весьма жестоким.

Одним словом, все Годуновы и те, что принадлежали к их роду, также и те, что были в свойстве с ними (*die soonen oft dochteren hadden vant Goddonoofs geslacht*), занимали высшие должности в государстве; также те, что принадлежали к роду Вельяминовых и Сабуровых, женатых на их дочерях, как⁶⁰ Шуйские, Бельские (*Belscy*), Голыцыны (*Golitzeny*), Мстиславские и многие другие, которые вели себя во всех отношениях безупречно, а также некоторые родственники Годуновых знатного происхождения жили весьма скромно в своих поместьях и не несли никакой службы, иногда только их назначали воеводами на 3 или 4 года в некоторые значительные города. Из всех дьяков, которых там много, так как число провинций весьма велико, главным был Василий Щелкалов, как выше сказано, брат Андрея Щелкалова.

Борис желает выдать свою дочь за иноземца

У царя Бориса была дочь, которая в то время была на выданьи (*houbaer*), и он всяческими путями и всеми средствами старался выдать ее замуж за немецкого князя или королевича, ибо он не хотел выдать ее за кого-нибудь из бояр: ни за Мстиславского, ни за Шуйского, которые поистине были более знатного и благородного происхождения, чем Годуновы, ибо он смотрел на всех вельмож своей земли, как на холопов (*knechten*), и ему казалось, что царю неприлично выдать свою дочь замуж за одного из своих слуг; сверх того он боялся за свою измену получить возмездие от своих и постоянно жил в страхе, как вор, который всегда страшится быть пойманным. Поэтому он полагал более безопасным иметь зятем немецкого князя, который был бы во всем ему верен и всегда готов сражаться за него.

Для своего сына он намеревался искать невесту с другой стороны: у черемисов, у персов или у какого-нибудь другого народа, так, чтобы обезопасить себя с обеих сторон — с запада и с востока, ибо он опасался Польши, ожидая от нее во всякое время неприятельских действий. Тревожимый совестью, он думал тогда о предстоящих ему несчастьях, и они вскоре его постигли.

В это время молодой герцог, по имени Густав, сын Эрика, короля шведского, бежал из своего отечества, где его намеревались, как достаточно известно, погубить, и молодой Густав бежал в Польшу, пробыв

некоторое время в Данциге, в доме Христофора Катера (Christophorus CATER); он отдал себя под покровительство Польши; но дела его шли вовсе не так, как ему было обещано, и он тайно отправил известие к московскому дарю. Царь Борис не желал лучшего, рассчитывая поймать важную птицу (*grooten vogel te vangen*) и надеясь, что он будет ему служить и женится на его дочери, употребил все хитрости, чтобы заманить Густава в Москву: писал ему письма, в которых советовал, как ему бежать и в какое место на московском рубеже он должен прибыть в назначенное время.

Густав бежал и благополучно добрался до Московии; не прошло и трех часов после перехода его через рубеж, как из Польши послали погоню: посланные всюду спрашивали на рубеже, не видали ли кого похожего, но москвиты так искусно скрыли его, что поляки в то время ничего не узнали; когда он вступил в пределы Московии, навстречу ему было послано несколько придворных с немецкими переводчиками, повозки, лошади и многие другие княжеские вещи, необходимые для дороги, и всевозможные припасы. Даже дорога между Москвою и Ивангородом была ради него осмотрена и исправлена; его принимали с таким почетом, что большего не смогли бы оказать и королю; итак, 8 августа 1600 г. Густав торжественно въехал в Москву, его встречали с великой пышностью почти все дворяне, ехавшие верхом в дорожных одеждах; и его посадили на царскую лошадь и так проводили до дома, для него приготовленного, и здесь его снабжали всем: лошадьми, припасами провизией, слугами и рабами, как если бы он был царь; и сверх того Борис послал ему много драгоценных подарков, парчу и шелковые ткани на одежду ему самому и его людям, и сверх того ему каждодневно присылали с царского стола кушанья на блюдах из чистого золота⁶¹.

19 августа по уговору явился он в первый раз на прием к дарю, который во всем своем величии — в короне, со скипетром и державою⁶² в руках — сидел со своим сыном и приветствовал принца, выразил сожаление о его несчастии и обещал покровительство Московского государства; и после того как поблагодарил он даря, его проводили обратно в отведенный для него дом, куда вновь принесли из царской казны много подарков ему и его людям.

21 ноября, зимою, Борис с сыном проезжал мимо дома [Густава], и царевич московский поклонился ему. И в другой раз ему сказано было милостивое слово в присутствии всех бояр.

23 августа 1601 г. принц Густав во второй раз представился царю Борису, и в это время он собрал вокруг себя много молодых

Принц Густав
представ-
ляется Борису

Его [Густава]
наложница

дворян, которые хорошо знали его и, услышав, что он так благоденствует в Москве, прибыли к нему на службу; большая часть их принадлежала к благородным родам (*van goeden huuse*); но случилось не так, как они ожидали, ибо Густав, видя, что ему оказывают такой почет, весьма возгордился и призвал из Дандига жену своего хозяина Христофора Катера, от которой он во время своего пребывания в Дандиге прижил несколько детей, и она приехала к нему и жила с ним в Москве.

Эта женщина научала его всему дурному и сделала таким надменным, что он всем перечил и часто бил своих дворян и слуг, также и москвитов, будучи вспыльчивым и сумасбродным, так что его стали считать наполовину безумным, и он велел эту женщину, [жену Катера], возить в колыхаге (*koetse*), запряженной четверней белых лошадей, как ездят царицы, в сопровождении многих слуг; одним словом, он вел себя слишком досадительно и безумно, возомнив, что все ему дозволено, и полагая, что если царь его укорит в чем-нибудь, то случится великая несправедливость.

Борис прези-
рает Густава

Царь Борис, все это слышавший и видевший, приметя, что это за человек (*merete wel wat dit vadt al in hadde*), почел неприличным отдать за него свою дочь Ксению (*Oxinia*) и считал его полоумным и совершенно неспособным к тем делам, которые вознамерился было поручить ему, и однажды повелел объявить ему, что неприлично королевскому сыну брать чужую жену и оказывать ей царские почести, а сверх того следовать во всех делах советам женщины, также надлежит ему удерживать себя от сумасбродств (*dat hy synen haestigen sor wat bedwingen soude*) и еще несколько подобных увещеваний; услышав это, принц, полагая, что ему оказывают великую несправедливость, весьма расстроился и ни в чем не хотел уступать.

Сначала все придворные принца и дворяне отошли от него и поступили на службу к царю, который благосклонно принял их, назначил им хорошее жалование и пожаловал им отличные поместья, так что они могли жить, как господа, и [у принца] осталось только трое или четверо придворных, над коими главными были красивый молодой человек, Вильгельм Швардгоф (*Willem Swartshoff*), и еще один швед по имени Симон, остававшийся при нем до самой смерти.

Хотя Борис отлично видел, что от принца нет проку, однако не захотел прогнать его и пожаловал ему область с городом Угличем (*Oulitz*) на Волге со всеми прибытками и повелел отвести его и дозволил ему там плотничать и строить все, что ему вздумается; и он учинил там много сумасбродств (*veele grillen bedreven*), о чем приш-

лось бы долго говорить, и царь приставил к нему одного дворянина, который должен был услужать ему и наблюдать за всеми его действиями, но с женщиной его разлучили, и он еще жил в Угличе, когда умер Борис.

В 1600 г. ожидали великое посольство из Польши, чтобы на несколько лет заключить мир и начать жить в дружбе с новым царем Борисом, а также принести ему поздравления и подарки.

Польский посол в Москве заключает мир с московитами

Итак, 6 октября посольство прибыло в Москву⁶³ с большим великопением и было встречено всеми дворянами, одетыми в самые драгоценные платья, а кони их были увешаны золотыми деньгами. И посольство разместили в приготовленном для него дворе, отлично снабженном всем необходимым, и оно состояло из девятисот трех человек, имевших две тысячи отличных лошадей, как нельзя лучше убранных, и множество повозок.

16 ноября посол получил первую аудиенцию⁶⁴ и передал дарю подарки: четыре венгерских или турецких лошади, которых, не взирая на то, что ноги их были спутаны, было не легко привести, и они были весьма богато убраны; кроме того небольшая, весьма искусно сделанная карета на четырех серебряных колонках (pilaren), много чаш, кубков и других вещей. Передав дарю свою грамоту и подарки, посол сказал речь, но в тот день ничего не решили, приняли грамоту, подарки возвратили с благодарностью, затем посол остался у даря обедать.

1601

Посла, верховного советника польской короны, звали Львом Сапегу (Leo Sapiega), и он был у даря раз двадцать, и они расставались то друзьями, то врагами, и ежели расставались друзьями, то послу оказывали большой почет: довольствовались его со всей свитой и лошадьми; а когда расставались врагами, то строго следили за послом; он должен был по дорогой цене покупать воду в Москве и не смел ни с кем говорить. Наконец был заключен мир или перемирие (vreede oft stilstant) на двадцать два года между царем и королем польским; и это случилось 22 февраля по старому стилю, в 1601 году. И в тот день все посольство с утра до поздней ночи пировало у даря на пиру, таком пышном, как только можно себе представить, даже невероятно, не стоит рассказывать.

Меж тем из Польши прибыл еще один гонец с письмами от короля к послу, так как, кажется, что-то забыли при заключении договора, и спустя два дня по заключении мира посол отправил этого гонца с письмами и двумя секретарями, и никому не было ведомо, что это значило; гонца звали Ильею Пилграмовским (Elias Pilgrammofsci); хотя некоторые проницательные люди и подозревали, что король поль-

ский, вероятно, уведомляет царя о появлении человека, выдававшего себя за сына тирана Ивана Васильевича, но ничего не могли узнать с уверенностью; и Борис тогда не обратил на это внимания.

Уезжает из
Москвы

1 марта помянутый посол Сапега и вся его свита получили прощальную аудиенцию у царя; и было ему выдано содержание на людей и лошадей; можно себе представить, сколько это стоило; 3 марта он в сопровождении великолепной свиты отбыл в Польшу.

Посольство от
королевы Ели-
заветы в Мос-
кве

В том же году блаженной памяти добрая королева английская Елизавета отправила к царю московскому посла, который прибыл морем на кораблях компании английских купцов, торгующих и промысляющих в Московии. Это был добрый, набожный старик. С ним приехало сорок молодых людей из дворян, одетых в красные плащи. Посольство везли до Москвы бесплатно на ямских лошадях (*met vrye posten*), и аудиенция была назначена 8 марта⁶⁵. Подарки были: искусной работы кровать (*sclaepcoetse oft ledecant*), сделанная весьма красиво, также много кубков и чаш, наполненных драгоценностями (*lieffelycke dingen*) и благовониями, и прекрасные сукна, весьма искусно вытканые. Передав грамоту, содержавшую только изъявление дружбы и поздравление Бориса со вступлением на престол, посол остался у царя на обед, во время которого вели дружескую беседу о доброй королеве и о некоторых других предметах.

И так как англичане давно изыскивали всяческие средства для того, чтобы захватить в свои руки торговлю в стране, и желали отстранить от нее голландцев, то посол обратился к царю и просил за англичан и обещал, что они будут снабжать Московию всем необходимым, что их товары будут дешевле и лучше, нежели у голландцев и других народов.

Будучи проникательным государем и желая жить мирно со всеми государями и владетелями (*coningen en potentaten*), любя немцев и сверх того зная славные, необыкновенные и победоносные дела голландцев, в особенности деяния светлейшего нашего герцога Мориса Нассауского, достаточно известные ему по нашим рассказам, и хорошо зная, как ему в этом случае надлежит поступить, Борис отвечал, что все нации в этом отношении для него равно любезны, что он желает со всеми жить в дружбе; сверх того [другие иностранцы] исправно платят подати и пошлины, составляющие доход государей московских, и значит имеют право вести торговлю, так же как и англичане; для англичан, по правде, довольно и того, что они свободны от всякой пошлины во всем государстве московском и ничего не платят государю; если бы они были мудры, то они не почли бы приличным

предлагать это и завидовать торговле (*ywant anders benyden te trafficqueeren*) близких соседей; и другие подобные речи [говорил Борис]⁶⁶. Посол простился с царем и 17 апреля выехал из Москвы через Ливонию и далее [в Англию]; его освободили от всех издержек и сверх того одарили дорогими мехами.

Борис также отправил посла в Англию для возобновления дружбы с королевой; звали его Григорием Микулиным (*Micolin*).

В то время, по воле божней, во всей московской земле наступила такая дороговизна и голод, что подобного еще не приходилось описывать ни одному историку. Даже голодные времена, описанные Альбертом, аббатом Штаденским (*Stadensis*)⁶⁷ и многими другими, нельзя сравнить с этим, так велик был голод и нужда во всей Московии. Так что даже матери ели своих детей; все крестьяне и поселяне (*boeren en lantlieden*), у которых были коровы, лошади, овцы и куры, съели их, невзирая на пост, собирали в лесах различные корни, грибы (*campernoellie, duvelsbroot*) и многие другие и ели их с большой жадностью; ели также мякину, кошек и собак; и от такой пищи животы у них становились толстые, как у коров, и постигала их жалкая смерть; зимою случались с ними странные обмороки, и они в беспамятстве падали на землю. И на всех дорогах лежали люди, помершие от голода, и тела их пожирали волки и лисы, также собаки и другие животные⁶⁸.

В самой Москве было не лучше; провозить хлеб на рынок надо было тайком, чтобы его не отняли силой; и были наряжены люди с телегами и саними, которые каждодневно собирали множество мертвых и свозили их в ямы, вырытые за городом в поле, и сваливали их туда, как мусор⁶⁹, подобно тому, как здесь в деревнях опрокидывают в навозные ямы телеги с сеном и навозом, и когда эти ямы наполнялись, их покрывали землей и рыли новые; и те, что подбирали мертвых на улицах и дорогах, брали, что достоверно, много и таких, у коих душа еще не разлучилась с телом, хотя они и лежали бездыханными; их хватали за руки или за ноги, втаскивали на телегу, где они, брошенные друг на друга, лежали, как мотыльки в корзине (*haspelen in manden*), так что поистине многие, взятые в беспамятстве и брошенные среди мертвых, скоро погибали; и никто не смел подать кому-нибудь на улице милостыню, ибо собиравшаяся толпа могла задавить того до смерти. И я сам охотно бы дал поесть молодому человеку, который сидел против нашего дома и с большой жадностью ел сено в течение четырех дней, от чего надорвался и умер, но я, опасаясь, что заметят и нападут на меня, не посмел. Утром

Дороговизна в
Москве

Великое бед-
ствие

за городом можно было видеть мертвых, одного возле кучи навоза, другого наполовину съеденного и так далее, отчего волосы становились дыбом у того, кто это видел.

Голландец Арендт Классен⁷⁰, долго служивший в царской аптеке и пользовавшийся почетом у тамошних вельмож, как правду рассказывал мне, что он поехал в свое поместье (lande) или деревню, и это случилось зимой, и проезжая по запустелой стране, он нашел дитя, казалось, еще живое и лежащее в снегу без памяти от холода и голода; он поднял дитя и положил в сани под шубы и медвежьи шкуры, которые там были, и, прибыв в одну деревню, где еще оставалось в живых несколько человек, он принес закутанное в шубу дитя в избу и тотчас положил на горячую печку, и когда маленькая девочка стала приходить в себя, он немного покормил и напоил ее горячим, тем, что у него было, так что она оправилась и могла немного говорить и понимать слова, то сказала, что вся семья ее умерла от голода и в живых осталась только мать. И говорила она: «Мать бродила со мною; не могла видеть, как я умираю с голоду, убежала в глухое место в кустарник и оставила меня в снегу, на дороге».

Больше ничего нельзя было узнать от нее, и так как Арендту Классену еще предстоял долгий путь, то он оставил ребенка там, в избе, и дал кое-что на его пропитание, сказав: «Я скоро ворочусь и возьму ее с собой, поберегите ее до сего времени». И когда он снова возвратился в ту деревню, то никого не нашел—все жители вымерли, и он был твердо убежден, что ребенка вместе с оставленными им припасами съели, а потом сами умерли с голоду. Кто без ужаса может слышать о том? Все это было правдиво передано Классеном и вполне достоверно; и сверх того в то время повсеместно случалось много подобного, и москвиты, у которых был достаточный запас хлеба, пренебрегали этим бедствием и ставили его ни во что.

Иные, имея запасы года на три или на четыре, желали prolongирования голода, чтобы выручить больше денег, не помышляя о том, что их тоже может постигнуть голод. Даже сам патриарх, глава духовенства, на которого смотрели в Москве, как на вместилище святости (tempel der heyligheit), имея большой запас хлеба, объявил, что не хочет продавать зерно, за которое должны будут дать еще больше денег; и у этого человека не было ни жены, ни детей, ни родственников, никого, кому он бы мог оставить свое состояние, и так он был скуп, хотя дрожал от старости и одной ногой стоял в могиле. Столь удивительно было наказание божие; это наказание было столь велико и удивительно, что ни один человек, как бы ни был он хитроумен

Чудеса в Москве во время голода

(ingenieus van geeste), не мог бы описать его. Ибо запасов хлеба в стране было больше, чем могли бы его съесть все жители в четыре года, и они были прожорливее, чем в сытые времена, и ели, если у них было, много более, чем обыкновенно; постоянно страшаясь недостатка, они беспрестанно ели и никогда не могли насытиться; у знатных господ, а также во всех монастырях и у многих богатых людей амбары были полны хлеба, часть его уже погнила от долголетнего лежания, и они не хотели продавать его; и по воле божьей царь был так ослеплен, невзирая на то, что он мог приказывать все, что хотел, он не повелевал самым строжайшим образом, чтобы каждый продавал свой хлеб. Хотя он сам каждый день раздавал милостыню из своей казны, но это не помогало.

Многие богатые крестьяне, у которых были большие запасы хлеба, зарыли его в ямы (in putten) и не осмеливались его продавать; другие же, продававшие и получающие большие деньги, из страха что их или задушат или обкрадут, повесились от такой заботы в своих собственных домах.

Царь Борис от доброго усердия повелевал раздавать милостыню во многих местах города Москвы, но это не помогало, а стало еще хуже, чем до того, когда ничего не раздавали: ибо для того, чтобы получить малую толику денег, все крестьяне и поселяне вместе с женами и детьми устремились в Москву из всех мест на сто пятьдесят миль вокруг⁷¹, усугубляя нужду в городе (benauwende de stadt noch veel) и погибая, как погибают мухи в холодные дни; сверх того, оставляя свою землю невозделанною, они не помышляли о том, что она не может принести никакого плода; сверх того приказные (officiers), назначенные для раздачи милостыни, были воры, каковыми все они по большей части бывают в этой стране; и сверх того они посылали своих племянников, племянниц и других родственников в те дома, где раздавали милостыню (deelhuysen), в разодранных платьях, словно они были нищи и наги, и раздавали им деньги, а также своим потаскухам (hoeren), плутам и лизоблюдам (scuymers), которые также приходили, как нищие, ничего не имеющие, а всех истинно бедствующих, страждущих и нищих давили в толпе или прогоняли дубинами и палками от дверей; и все эти бедные, калеки, слепые, которые не могли ни ходить, ни слышать, ни видеть, умирали, как скот, на улицах; если же кому-нибудь удавалось получить милостыню, то ее крали негодяи стражники, которые были приставлены смотреть за этим. И я сам видел богатых дьяков, приходивших за милостынею в нищенской одежде.

Милости, которые не ценит господь, которые не приносят никакой пользы

Всякий может себе представить, как шли дела. Хлеб, который в этой стране пекли, не обращая внимания на вес, было приказано выпекать определенного веса по определенной цене; тогда пекари для увеличения тяжести пекли его так, что в нем было наполовину воды⁷², от чего стало хуже прежнего, и хотя некоторых наказали смертью, это не помогало. Голод, бедствия и ожесточение людей были слишком велики. Также рассказывали о необыкновенных кражах, совершавшихся с диковинною ловкостью на рынках, о том, что на рынках и в толпе уводили лошадей, даже у тех, которые вели их за узду, и много подобных историй. На дорогах было множество разбойников и убийц, а где их не было, там голодные волки разрывали на части людей; также повсюду тяжелые болезни и моровое поветрие. Одним словом, бедствия были несказанно велики, и божия кара была так удивительна, что ее никто надлежащим образом не мог постичь. Однако люди становились чем дальше, тем хуже, вдавались в разбой и грабежи все более, ожесточились и впали в такое коснение, какого еще никогда не было на свете; и такая дороговизна хлеба продолжалась четыре года, почти до 1605 года.

Меж тем в некоторых местностях распространилось моровое поветрие, а затем началась удивительная междоусобная война, самая удивительная из всех войн от начала света.

Заботы Бориса

Царь Борис, терзаемый совестью за то, что совершил так много жестокостей и незаконным путем достиг престола, жил в непрестанном страхе и заботах, как бы где-нибудь не объявился соперник, а посему он никому не доверял и редко появлялся на людях, только по большим праздникам, но с ним случилось то, чего он страшился.

Ибо в то время уже поговаривали, что в Польше прошел слух о Димитрии, царском сыне⁷³; и это дошло до слуха Бориса, но он не имея еще верных известий, не мог этого понять надлежащим образом.

Взвесив все обстоятельства, Борис полагал, что не может быть лучшего жениха для его дочери, чем один из братьев короля датского; сказывают, что он [Борис] сперва пытался сосватать герцога Ульриха, но тот не пожелал, так что Борис заполучил напоследок Иоганна.

Поэтому царь возобновил дружбу с королем датским как с ближайшим соседом, и они поделили между собою Лапландию (Lapland) — каждый из них взял свое — и заключили вечный мир и тесный союз (*vaste aliantie*). Для совершения раздела из Москвы послали одного придворного, которого звали князь Федор Борятинский (Fedor Boraetinsco), служившего при царском дворе. А для заключения мира

и брака отправили послом Посника Дмитриева (Posnic Dimitroff)⁷⁴, взявшего с собой изображение (het conterfeytsel) молодой княжны, весьма искусно сделанное ювелиром Яковом Ганом (Jacop de Haen), который также отлил 12 апостолов, Иисуса Христа и архангела Гавриила, коим Борис расположил воздвигнуть большой храм, для чего было приготовлено место в Кремле; и он хотел назвать его «Святая святых»⁷⁵, полагая в добром усердии последовать в том царю Соломону, ибо он боялся бога и думал тем его умилостивить, но, увы, он не помыслил о том, что всемогущий бог требует не храмов, построенных руками человеческими, а очищения души, за спасение которой умер сын божий. Сверх того он [Борис] забыл, что золото и драгоценные камни, назначенные им для храма, были по большей части взяты и похищены у лиц, принадлежавших к знатнейшим родам в стране [Московии], коих он, как было сказано, невзирая на их невинность, изводил сотнями, ибо был слеп и, не получая ниоткуда света, пребывал в совершенном мраке.

Он говорил также, что дал обет в течение нескольких лет не проливать крови ни убийц, ни мошенников, ни воров. Увы, он думал обмануть бога и обманывал самого себя, ибо, не дозволяя проливать кровь, он приказывал изводить людей (versmachten) — забивать палками до смерти и спускать под лед; так поступали с знатнейшими в государстве. Сверх того он выпустил всех воров, и они свободно ходили по московским улицам и подслушивали, что говорили люди о царе и о делах государственных, и если кто-нибудь где-нибудь разговаривал на улице (in te buyten ginc met spreessen), то эти злодеи хватали его, утверждая, что он говорил о царе, и так многие прежалостным образом погибали, ибо их пытали, а они под пытками говорили то, что сами не знали; эти шуты были во всех кабаках, домах и местах, где только собирались люди; и звали их доносчиками (danot-sicken); поэтому каждый приучался молчать, однако все еще продолжали хватать многих невинных; и так велось почти до самой его [Бориса] смерти.

В то время как он учинял все это, на него часто нападал великий страх, словно его преследовали фурии, ибо из множества доносов и наговоров тех людей, которые, увы, от пыток и по божьему наущению много наговаривали, Борис узнавал то, что понуждало его во всякое время опасаться несчастий и искать всяких средств к спасению.

Итак, Борис, как было сказано, отправил посла в Данию, и 27 мая 1602 г. прибыл из Дании в Москву гонец, и прибыл ночью, так что никто не знал; и в ту ночь он получил аудиенцию у царя. Его

Датский гонец
в Москве

сообщение состояло в том, что король все решения и ответ отправит из Дании с послом. Гонда звали Аксель Браге (Axel Brahe), и он был отпущен 16 февраля следующего года; так долго пробыл он в Москве.

Папский ле-
гат

15 августа 1601 г. прибыл в Москву папский легат; он просил о свободном проезде через Московию в Персию⁷⁶, что ему и дозволили, но когда бы великий князь Борис знал, что он [легат] прибыл за тем, чтобы вымотреть и разведать все в стране (om't lant rontom te bespion), чтобы узнать характер (nature) народа, дабы потом сделать донесение своему владыке, папе и осуществить свое предательское намерение, то Борис дал бы этому послу совсем иной ответ и угостил бы его таким обедом, на котором он подавился бы куском. Но Борис не подозревал тогда, что ему ставили западню, в которую со временем он должен был попасть.

14 марта 1602 г. прибыл из Дании гонец, привезший известие, что брат короля со всем своим двором едет в Москву; Борис весьма этому известию обрадовался и, щедро одарив гонца, отпустил его из Москвы 14 апреля.

Чудеса в
Москве

В это время происходило в Москве много ужасных чудес и знамений (spoooskegeusen), и большей частью ночью, близ царского двора, так что солдаты, стоявшие на карауле, часто пугались до смерти и прятались. Они клялись в том, что однажды ночью видели, как проехала по воздуху колесница, запряженная шестеркой лошадей, в ней сидел поляк, который хлопал кнутом над Кремлем и кричал так ужасно, что многие караульные убежали со страху в горницы. Солдаты каждое утро рассказывали об этих видениях своим капитанам, которые передавали своим начальникам (hooger), так что эти и им подобные рассказы доходили до царя, оттого боязнь его день ото дня возрастала, и он желал скорее исполнить свое намерение выдать Ксению за датского герцога, ибо он боялся и сам не знал чего ради, и более всего поляков, опасаясь, что с их стороны придет еще что-нибудь чудесное, ибо это все были предвестники грядущей напасти, и хотя эта страна, претерпевая голод и нищету, исполненная бедствий, была сурово наказана, казалось, ее ожидала еще большая кара.

Приготовле-
ния к свадьбе

Борис со всем тщанием делал приготовления к тому, чтобы совершить свадьбу тотчас по прибытии герцога, послав в Иван-город, куда он прежде всего должен был прибыть, всякого рода съестные припасы и царскую утварь (allerley vivres, victalie en conincklycke meublen), как-то: постели, подушки и различную кухонную посуду, все, что было необходимо для конюшни и погребов; туда же посланы

были многие придворные, которые должны были ожидать прибытия герцога. Сверх того царь отправил от имени своего дьяка, и дьяка этого звали Афанасием Ивановичем Власовым (Offonassy Wasof)¹⁷⁷, это был человек разумный, несколько раз бывавший посланником при дворе римского императора, ибо был образован и умел хорошо говорить; сверх того в помощники ему был послан Михаил Глебович Салтыков (Michale Glebovits Soltecoof); они с нетерпением ожидали прибытия кораблей из Дании.

23 июля 1602 г. из Дании прибыл еще один гонец с известием, что корабли отплыли и герцог в дороге; гонца щедро одарили и отпустили тотчас 25 июля.

Меж тем герцог прибыл на нескольких судах к Иван-городу или Нарве; прибывших с ним было до 400 человек, в том числе много дворян; и знатные вельможи, дворянство, а также все горожане встретили его с большим торжеством и великолепием, радостно приветствуя от имени царя, и для него и для его свиты были приготовлены лучшие дома, где они поместились и провели несколько дней весьма весело. Тем временем разгрузили кладь, много утвари, вина и денег было отправлено на царских почтовых лошадях в Москву. Из Москвы также прибыло несколько колымаг, и для герцога царская колымага, весьма искусно (seer constich en antyex toebereyt) сделанная, и по дороге во всех почтовых домах были приготовлены лошади для перевозки свиты, клади и съестных припасов; также ежедневно слали гонцов с известием к царю и снова от царя к герцогу, каждый час; итак, после того как разгрузили все [с кораблей], герцог, пробыв несколько дней в Нарве, отправился в сопровождении большой свиты из московских дворян и придворных в Москву, куда и прибыл 19 сентября 1602 г. Его встречали с радостью и по московскому обычаю весьма пышно и торжественно.

Царь Борис повелел наперед объявить всем немцам, полякам, литовцам и другим иностранцам (en andere volcken), состоящим у него на службе, чтобы они запаслись самыми дорогими платьями, каждый по обычаю своей страны, и добыли себе изрядных лошадей с дорогою сбруей и убором, на что им даны были деньги, и все было исполнено по его повелению.

И в день, назначенный для въезда герцога, в Москве с раннего утра велено было бирючам (goepers) повсюду объявить, чтобы все иностранцы (patien) в Москве, а также все жители—боляре, дворяне, приказные, купцы и простолюдины—оделись как можно красивее каждый в самое лучшее платье, и чтобы все оставили в тот день всякую

Герцог Иоани
приехал из
Дании в
Москву

работу и шли в поле за Москву встречать брата короля датского; и всякий, у кого была лошадь, должен был ехать навстречу в красивейшем уборе, что и было исполнено и являло издали столь красивое зрелище, что казалось взиралъ на золотую гору, покрытую различными цветами, ибо все бояре, дворяне и иноземцы ехали верхом и позади каждого из них 30, 20, 10 или 5 слуг на лошадях, и все слуги были одеты столь великолепно, как и сами господа, также купцы и множество народа всякого звания, каждый по своему достатку.

По приказанию царя утром послали ясельничего (oppersten stalmeester) Михаила Игнатьевича Татищева (Michale Ingenatovits Tatisof), человека весьма ученого и красивого (fray man), подле него вели царскую лошадь, убранную золотом и драгоценными камнями, и велено ему было встретить герцога за милю от Москвы и приветствовать его от имени царя, и посадить на царского аргамака (Argomack), на котором герцог должен был въехать в Москву, что и было исполнено по приказанию царя; и герцог, встреченный за одну милю от Москвы, был выведен из колымаги и посажен на коня с большим почетом и поклонами. Его окружали 30 алебарщиков и несколько стрельцов (muscettiers), одетых в белые атласные кафтаны и красные бархатные штаны (broesken), позади его ехала вся его свита на царских лошадях и в колымагах. Его платье было из гладкого черного бархата и такой же плащ, обшитый кругом золотом и жемчугами⁷⁸.

Торжествен-
ный въезд в
Москву.

Дивно было смотреть на великое множество народа, вышедшего из Москвы навстречу герцогу, так что с великим удивлением взирали [иноземцы] на пышность и великолепие московитов, которые все были верхом; не видать было конца по всему полю, что за Москвой, так что казалось, то было сильное войско (leger), почти все одеты в парчу и разноцветные одежды⁷⁹.

Так въехал герцог в город через Тверские ворота (Otfhirse poort); все улицы были полны народом, празднично разодетым, также много женщин, в узорочьи из жемчуга и драгоценных камней; и герцога привезли в отведенный для него двор, снабженный всеми необходимыми припасами и слугами, как-то: дровосеками, водовозами, истопниками, рабами и лошадьми словно для самого царя.

И дарь приставил к нему [герцогу] Семена Никитича Годунова, своего дядю, прозванного правым ухом царевым, ибо ему вверены были сокровища и тайны царские; он был также человек весьма жестокий.

И герцог привез из Дании Акселя Гюльденстерна (Axel Guldetsarn), который был верховным советником датского государства, человека доброго и умного.

Царь с сыном тайно смотрели на въезд с кремлевской стены и отсюда видели всю свиту герцога, ибо он должен был проехать мимо Кремля.

Герцог привез с собой пасторов, докторов и хирургов, также палача и других лиц, состоявших на службе при его дворе, к которому сверх того в Москве были определены и другие лица; также к его двору была приставлена стража, которая днем и ночью охраняла его от пожара и других несчастий; и ему и его свите услужали во всем и обращались с ним, как с королем.

28 сентября пригласили его обедать к царю со всюю свитою, с малыми и большими, с господами и слугами, как заведено по московскому обычаю вместе с гостем приглашать и некоторых слуг его, которые едят с ним за одним столом. И с приглашением пришли к его двору и привели царских лошадей, на которых герцог и его свита ехали весьма торжественно. Герцог ехал между двумя боярами (groote heeren), и вся его свита и дворяне провожали его до Грановитой палаты (groote sale), где царь и его сын обняли герцога и спрашивали друг друга о здоровье, причем царь Борис изъявлял чрезвычайную радость; царица и молодая княжна видели герцога сквозь смотрельную решетку (secrete tralien)⁸⁰, но герцог их не видел, ибо московиты никому не показывают своих жен и дочерей и держат их взаперти.

Царь Борис во всем своем величии восседал на возвышенном троне, за столом по правую руку от него сидел сын его Федор, царевич московский, а рядом с ним герцог; они втроем сидели за одним столом, далее, кругом стояли столы, [которые были ниже царского], где каждый занимал место по своему чину, и всем [гостям] прислуживали вельможи, и царь ел и пил из посуды чистого золота, также царевич и герцог, а остальные по большей части из серебряной, и угощение было чрезвычайно и великолепно, и все веселились от полу дня до ночи; в Кремле повсюду горели огни на особо приготовленных высоких жаровнях; также духовенство обедало у царя — все епископы, митрополиты и другие, также многие богатые купцы и иноземные ратники, бывшие на службе в Московии в качестве дворян и придворных. Царь милостиво и долго беседовал с герцогом о короле и других владетельных государях, трижды пил за здоровье герцога и всякий раз в честь его снимал с своей шеи цепь и надевал на него, пожаловав ему таким образом три цепи.

По окончании пира знатнейшие бояре по царскому повелению проводили герцога до спальни, после того как он дружественно простился с царем.

Обед у царя
Бориса

Герцог опасно
заболевает

16 октября 1602 года герцог Иоанн внезапно заболел, что весьма опечалило придворных, царя и свиту герцога, и эта болезнь оказалась горячкою и все более и более усиливалась, так что царь весьма испугался и послал к нему всех своих докторов, аптекарей и хирургов⁸¹, наказав им быть при нем [герцоге] днем и ночью поочередно и сам посетил его 26 октября⁸²; придя к нему, царь горько плакал и сердечно сожалел его, страшась, что все его намерения заполучить герцога своим зятем противны воле божией, и потому боялся несчастья.

Московитам было не по сердцу такое унижение царя, и они в глубине души сильно роптали, некоторые тайком говорили, что царь, посетив больного язычника, чрезвычайно умалил свою честь, и полагали, что он поступил так, лишившись разума, ибо они считают своего царя за высшее божество; некоторые вельможи также были весьма раздосадованы тем, что иноземец и нехристь, каким они почитают всякого иноземца, будет властвовать в их стране и жениться на царской дочерп, да и они, верно, желали ему смерти, но не смели много говорить.

Семен Никитич Годунов⁸³ говорил, царь верно обезумел, что выдает свою дочь за латина (latuys) и оказывает такую честь тому, кто недостойн быть в святой земле—так они называют свою землю; это слово латин—самое презрительное прозвище, каким только ругают немцев, и его нельзя перевести на немецкий язык, чтобы можно было его понять и постичь; и когда бы герцог остался жив, то Симеон Никитич и многие другие заплатились бы жизнью; но болезнь герцога все более и более усиливалась, и он опочил 28 октября; и повсюду была о нем великая печаль; в особенности сокрушался о нем царь и многие иноземцы, бывшие в Москве и надеявшиеся иметь в нем доброго господина и заступника перед царем; но я полагаю, что московиты радовались, хотя не показывали виду; тотчас по кончине герцога царь отправил гонца в Данию—объявить королю печальное известие, и гонца звали Рейнольд Дрейер (Reynolt Dreyer), и с ним вместе Юрген Бювар (Jurgen Bugar)⁸⁴, а также несколько человек из свиты герцога.

Меж тем делали приготовления к погребению и предполагали похоронить его в немецкой церкви за Москвой, в Немецкой слободе. Эта слобода (slaboda), селение в расстоянии одной английской мили от Москвы, расположена на реке Яузе (Jawus)⁸⁵, впадающей в реку Москву; там жили все ливонцы, приведенные тираном Иваном Васильевичем плененными из Ливонии и получившие свободу, исключая выезда из Московии, где они могли легко себе добыть пропитание; там [в слободе] у них была лютеранская церковь, и царь дозволил

Умирает в
Москве 28 ок-
тября

похоронить там герцога, и там был устроен хороший подвал со сводом, чтобы поставить гроб или гробницу (kist oft tombe).

Набальзамированное тело герцога положили в дубовый гроб, отделанный медью, обитый большими крепкими обручами и кольцами черного цвета. И этот гроб поставили на большую черную колесницу, запряженную четырьмя вороными конями, покрытыми траурными попонами, и так повезли к помянутому селению на реке Яузе. Впереди вели восемь коней, один из них был покрыт черным бархатом, другие черным сукном, затем шли трое дворян герцога с его тремя гербами, за ними один с короною и скипетром; далее следовали двадцать дворян, каждый держал герб и зажженную свечу черного воска; затем следовало трое придворных верхом, каждый держал в руках знамя с тремя гербами; далее следовало несколько человек с трубами и барабанами; потом траурная колесница с гробом, за нею шел адмирал с большим гербом Дании, Норвегии, Виндии и Готии; за ним следовали все придворные герцога, дворяне, чиновники (officiers) и слуги герцога в траурной одежде и, наконец, все иноземцы (uutlantse natien).

Похороны герцога

Царь с сыном плача провожал усопшего две улицы по Москве и воротился, приказав всем своим боярам, дворянам и дьякам провожать тело до церкви, где оно будет погребено. И это приказание чрезвычайно удивило московитов, и они не могли забыть его; после похорон повесили все знамена и гербы в церкви, и пастор герцога, по имени Иоганн Лунд (Joannes Lundius)⁸⁶, сказал надгробное слово, и все лифляндцы, пасторы, учителя и ученики хорошо пели, за что впоследствии были щедро пожалованы, также и церковь их; все сие происходило в присутствии московских вельмож и бояр, смотревших на это с великим изумлением и отвращением. Церковь получила сверх разных подарков две тысячи рейхсталеров.

7 мая 1603 г. Рейнольд Дрейер, отправленный в Данию с известием о смерти герцога, снова возвратился в Москву; он сказал нам, что в Дании были уверены в том, что герцог отравлен; никто не был так опечален его смертью, как его сестра, нынешняя королева Англии; то, что он якобы отравлен, недостоверно, ибо его люди постоянно были при нем и хорошо знали, какая болезнь у него была и как он умер в полном сознании и мог говорить до самого конца⁸⁷.

Он был юноша высокого роста, красивый, благоправный и скромный, с большим носом. Борис очень его любил и впал в глубокую печаль, так что едва мог утешиться, ибо с очевидностью убедился, что бог всемогущий обращает в ничто все его намерения и начинания; одним словом, он не знал, что ему предпринять.

Посольство,
отправленное
из Москвы в
Грузию

Он отправил также посольство в Грузию, страну, расположенную между Каспийским морем и Понтом Эвксинским, чтобы отыскать там князю в невесты его сыну, но и тут не посчастливилось. Так все, что бы ни предпринимал Борис для обеспечения своего государства, расстраивалось, и никто еще не тревожил его, и собственная совесть наполняла его страхом, и он все время боялся несчастья, что можно почесть чудом.

Датские дворя-
не выезжают
из Москвы

3 июня с дозволения царя Аксель Гюльденстерн со всей свитой отъехал в Данию, после того как всех [участвовавших в посольстве] больших и малых—щедро одарил богатыми подарками и назначил к ним много приставов (*uitgeleyde*), чтобы проводить их до моря⁸⁸.

Среди этих дворян некоторые весьма желали остаться в Москве и служить царю, но царь велел им сказать, что им надлежит сперва отъехать и предстать перед своим государем и поведать ему, как с ними обращались; затем, если кто-нибудь захочет возвратиться и служить в Московском государстве, то будет хорошо принят и награжден, ибо, если бы они теперь, после смерти герцога, остались в Москве, то в Дании могли бы подумать, что их задержали силою, поэтому они все отъехали. И впоследствии один из них, Матфей Кнутсен (*Matthys Spnoetsen*) возвратился из Дании, был щедро награжден и его произвели в ротмистры, поставив над двумястами всадников, и сверх годового жалованья дал ему поместье, так что он мог жить, как господин.

Ганзейские
послы в Москве

В то время когда происходили описанные происшествия, прибыли в Москву из Любека послы, отправленные ганзейскими городами⁸⁹, чтобы просить царя и великого князя московского о дозволении торговать попрежнему в Новгороде, где у них до начала кровопролитных войн в Ливонии между москвитами, поляками и шведами было складочное место (*stapel*), сверх того просили они освободить их от пошлин, от которых они прежде были избавлены; все было им даровано царем, но пошлины они должны платить, ибо, сказал царь Борис, на них государи ведут войны, и это не нарушает царской чести (*en sulcx compt allen princen met eeren toe*), довольно того, что ганзейские города будут пользоваться по всей стране полной свободой как в религии, так и в торговле и во всем прочем, так что для них бездельца (*cleyn saecke*) то, что они заплатят право и пошлину (*recht en tol*); и, согласившись на то, что им было дозволено, они поднесли подарки, кои были следующие; прежде всего был поднесен двуглавый орел с большими крыльями, держащий в лапе золотой скипетр; затем лев, держащий в правой лапе меч, а в левой—державу; затем одноглавый орел, носорог, слон, лошадь, олень, медведь, единорог,

Их подарки

заяц, борзая собака, лось, саламандра, дракон, змея (serpent); затем изображение веры, надежды, любви, а также Венеры и Купидона, и из каждого предмета можно было пить, все из позолоченного серебра и сделано весьма искусно, потому дарь принял их ради их изящества, иначе бы он их не принял, и все подарки несли на белых и красных покрывалах (op sluyers) юноши, одетые в черное [платье]. После аудиенции послов отвели на приготовленный для них двор и к обеду пожаловали им с царского стола сто блюд с яствами; все блюда были из чистого (fynen louteren) золота, и каждое блюдо нес слуга, одетый в красное платье, кроме того множество сосудов, кубков и кружек с различными напитками; при этом был послан один дворянин верхом на лошади, который должен был держать к ним речь от имени даря, уверить их в царской милости и пожелать им всякого счастья. Далее каждодневно отпускали им, послам, и слугам их съестные припасы, также корм для их лошадей; и, получив окончательный ответ и будучи освобождены от всяких издержек (van alle onkosten), они [послы] в сопровождении приставов отъехали 11 июня.

Также прибыл 4 сентября в Москву посол из Персии⁹⁰ для поздравления и возобновления дружбы с царем Борисом, ибо Московит и Шах (Sopht) персидский были отменно добрыми друзьями. Посол привез в подарок драгоценные камни, прекрасные ковры и различные красные камки (damasten) и парчу, также отличный бальзам в золотых сосудах и благовонные коренья; и всю зиму ему оказывали царские почести, и в начале весны отправился он в сопровождении большой свиты на больших судах по реке Москве и по великой Волге к Астрахани, а отсюда на корабле по Каспийскому морю. Этот посол также не платил издержек.

Персидское
посольство в
Москве

В этом месяце сентябре крепостные холопы (lyfeygene knechten), принадлежавшие различным московским боярам и господам, частью возмущались, соединились вместе и начали грабить путешественников от них дороги в Польшу и Ливонию сделались весьма опасными, и они укрывались в пустынях и лесах близ дорог; против них царь послал отважного молодого человека, Ивана Федоровича Басманова, и с ним примерно сотню лучших стрельцов, чтобы захватить тех воров (scelmen), но те вору скоро проведая о том и подстерегли его [Басманова со стрельцами] на узкой дороге посреди леса, окружили и перестреляли почти всех бывших с ним⁹¹, и царя весьма опечалило, что так случилось с таким доблестным витязем (helt), и он повелел проявить рачение и тех разбойников (rovers) изловить, а, изловив, повесить всех на деревьях на тех же самых дорогах.

Грабежи по до-
рогам

В конце сентября месяца почил в бозе старая царица Александра⁹², вдова блаженной памяти царя Федора Ивановича, сестра нынешнего царя Бориса, постригшаяся в монахини, как о том было прежде сказано; она умерла, как говорят, единственно от душевной скорби, ибо видела несчастное положение страны и великую тайную тиранию своего брата, погубившего все знатные роды, и предсказала ему много несчастий, которые падут на него; однако всегда была хорошо расположена к нему и была ему доброю советницей, так что он был ее смертью чрезвычайно опечален, но бог всемогущий взял эту царственную жену из сей плачевной юдоли, чтобы она не видала и не испытала приближавшегося несчастья; и ее похоронили в церкви Вознесения (Vosnesenia) в Кремле, и весь народ горько плакал и выли; царь со своим сыном ехали на саних позади гроба, провожаемого с громким воем и плачем мужчинами, женщинами и детьми; и это было 27 сентября.

Все еще продолжалось бедственное время голода, как то описано нами выше.

Борис несчастлив во всех своих предприятиях

Борис, во всем встречая неудачу и видя в смерти герцога Иоанна, сестры своей и многих других благочестивых людей, по большей части умерших в то время, что бог не посылает ему никакого счастья но, напротив, опрокидывает (omsliet) все его намерения, проникся страхом и впал в отчаяние и потерял надежду, что сбудется что-нибудь по его желанию, однако вознамерился испытать еще одно средство, полагая, что, если ему будет противиться какая-нибудь партия, то он обещает одному из своих бояр выдать за него свою дочь и дать за ней в приданое значительную часть государства, надеясь по крайности, что таким образом он достигнет того, что сбудется по его желанию. Как было сказано выше, Борис отправил в Грузию посольство, которое выехало весной из Москвы и отправилось по Волге⁹³.

Во главе посольства стоял Михаил Игнатьевич Татищев (Michale Ingenatovits Tatisov), умный и благочестивый человек, до того бывший ясельничим, и при нем подъячий, по имени Андрей Иванов (Andre Ivanoff), также человек образованный и благочестивый, и около сорока других придворных и слуг; они ничего не успели в Грузии, хотя долго пробыли в ней, и труд их оказался напрасным; ибо там, где они разведывали, были по большей части мелкие незначущие князьки (cleyne coningen), преданные языческим обычаям и ведущие грубую и дикую (barbarisch) жизнь. Одним словом, посольство ничего не достигло и возвратилось в Москву после смерти Бориса. Они взяли с собою много дорогих подарков: меха и другие вещи, чтобы почтить турецких и татарских правителей, которых они должны были посе-

тить; это посольство, как известно, было отправлено для того, чтобы сыскать для царевича княжну знатного происхождения и с достатком, чтобы приобрести в Грузии друзей, ибо [Борис] полагал, что если приключится какая беда (*als hem yet soude hebben overgescomen*), то он во всякое время найдет помощь у татар; но и в этом предприятии он не имел успеха.

Страна, называемая москвитами Грузнею, лежит между двумя морями, Каспийским и Понтом Эвксинским, в 200 немецких милях от Пятигорья (*Petigoria*); полагают, что Кавказские горы находятся в Грузии; путешествовавшие по этой стране встретили много различных татар и мелких князей, с коими они весьма подружились, и в бытность свою в горах они слышали, что некоторые татары и турки неподалеку от Каспийского моря жестоко грабят и убивают тех, которые были подданными москвитов (*onder de subjectie der Moscovitren*); однако из Астрахани и других мест давно уже посылали известия к московскому двору, и Борис, для того чтобы защитить от них, отправил 50 000 человек, в числе коих были также поляки и ливонцы, и они по большей части погибли как от татар и турок, так от лишений и дурных дорог, так что немногие вернулись⁹⁴; и в Москве были люди, рассказывавшие столько о тамошней стране и народах, что с избытком хватило бы на несколько книг, и они сказывали, что в некоторых местах встречали людей сильных, как великаны, которые никогда не расстаются с оружием, ни в поле за плугом, ни дома, и жилища их [устроены] в больших пещерах, ибо там много гор, а также весьма жарко, как сказывали, и прекрасные долины притом, и в горах много скота, и различные племена часто нападают друг на друга, и грабят, и никогда не живут в мире и согласии.

В некоторых местах там на Кавказе почитают имя Александра, рассказывая, что некоторое время он стоял там со своим войском, и там сохранились развалины стен, сложенных из мрамора; на них весьма искусно высечены и вырезаны греческие письмена, золотые и серебряные и много иных подобных предметов. Также почитают они Темирайсайха, которого считают Тамерланом. Мы уже упоминали об этом при описании жизни тирана Ивана Васильевича. Тот, кто сообщил нам эти известия, был [в походе] поражен многими стрелами, и сообщил нам, что он с товарищами долго блуждал, прежде чем они достигли Каспийского моря, а достигши его, странствовали еще четыре недели, прежде чем прибыли в Астрахань; и они питались рыбою, которую ловили, и мясом диких лошадей, которых стреляли, ибо там их много; и четыре недели не видели ни городов, ни людей, но

Описание путешествия послов, отправленных в Грузию

только прекрасные зеленые поля, поросшие вереском и кустарником, а также прекрасными травами, и находили там также ревенный корень и многие другие прекрасные корни, которые им были неизвестны; словом, они говорили, что та земля подобна раю.

Итак, в Москву воротившись немногие, ничего не достигнув, но потом не было слышно о турках, занятых персидскими делами.

Ногайцы под-
чиняются Мос-
ковиту

Ногаи, всегда платившие дань Турку, отложились от них и признали владычество Московита; к ним царь тотчас же послал одного из детей своего дяди, умного юношу, Степана Степановича Годунова, с большою свитою и богатыми подарками для старейшин ногайских (*oversten in Nagaia*) и повелел привести их к присяге, но в пути ему случилась помеха, и он был принужден остановиться в Саратове, городе на Волге, куда пришли к нему многие купцы из Астрахани, жаловавшиеся, что на Волге повсюду полно разбойников, всё казаки (*sasaken*), которые грабят суда в 1000 ласт и убивают людей, того ради многие купцы с товарами, не осмеливаясь плыть по Волге, остались в Астрахани, а те, что были в Саратове, почли за лучшее отправиться через великую степь и так по простривии 12 недель прибыли в Москву; и Степан Степанович не мог продолжать путь, ибо казаки возмутили всю страну; то было начало пришествия Димитрия.

Расстрига мо-
нах бежит из
Москвы в Поль-
шу и выдает
себя за Димит-
рия, который
мертв

В Польше знали все, что происходило в Московии; туда бежало из Москвы также много воров, поступавших на службу к некоторым польским вельможам, к пану Вишневецкому (*Vesnevetsci*), к воеводе (*paltzgrave*) Сандомирскому и многим другим, называть которых нет надобности. В числе их был один человек, некогда бывший в Москве служкою (*jongen*) у одного монаха или игумена в Чудовом монастыре (*Tsoedewo monaster oft clooster van miraculen*); этот служка был потом пострижен в монахи, и он списывал или копировал многие книги своего учителя и таким образом достиг разумения всех тайн в государстве, также обладал он острым умом и знал все деяния Бориса, и как он, Борис, повелел убить Димитрия, и это убийство было затемнено многими другими происшествиями и забыто, как о том было довольно сказано. Все эти и подобные им дела накрепко запечатлелось в его памяти и, взяв то, что ему было нужно, и похитив у своего учителя несколько тайных бумаг (*secreeten*), он бежал, нищим прошел всю страну и пришел в Польшу, где хорошо научился польскому языку, и затем несколько раз побывал в Московии, то как батрак (*boerenknecht*), то как нищий странник (*bedelaer loopende*), также был он в Москве в 1601 г. вместе с польским послом, заключившим мир

между Польшею и Московией на 22 года, и выдавал себя за дворянина и слышал все тайны государства (alle secreeten) и [узнал] все, что там происходило; с давнего времени он выдавал себя в Польше за сына Ивана Васильевича, коего считали убитым в Угличе, и умел привести многие доказательства (bewysreden), рассказывая о том, как и каким способом он спасся при помощи некоторых царедворцев (hovelingen), которых он мог назвать по имени, но из коих ни одного не было в живых, также умел он слово в слово перечислять все обстоятельства, ничего не упуская, и как вместо него убили другого, одетого в его платье и совершенно на него похожего, одним словом, он твердо стоял на своем, и в Польше иезуиты, подвергнув его строгим испытаниям и допросам, как сказано, заставили подтвердить под присягою (met sware eeden geconfirmieert); также мог он сказать час и день своего рождения, убийства и похороны, как они полагали, что он узнал из книг и летописей (boecken en historien) своего учителя, так что ему твердо верили; и пап Сандомирский и многие его единомышленники, все иезуиты известили обо всем том с начала до конца папу, испрашивая у него совета; тот, по зрелому обсуждению и взвесив все обстоятельства, разрешил приступить к чудесному предприятию против Московии, сперва послав в Москву своего легата, будто для того, чтобы испросить свободный проезд через Московию в Персию, между тем ни за чем другим, кроме как для того, чтобы найти удобный случай разведать о стране и о характере народа, его состоянии (conditie), легковерии и бедности; и, получив обо всем этом обстоятельное донесение, [папа] вознамерился надежными и быстрыми средствами (cloecke rasse middelen) одолеть и присовокупить эту страну (overweleligen en incorporeeren) именем Димитрия, сына покойного великого князя, так как простонародье любит смену государей и всегда надеется получить лучшего государя, сверх того они, московиты, повидимому, получили законного наследственного государя, так что полагали, что предприятие не должно потерпеть неудачи, а завершиться успехом.

Иезуиты в Польше советуют о том, как оказать помощь мнимому Димитрию в Московии

Этот Димитрий начал чем дальше, тем больше заявлять о себе и держаться все смелее, добываясь помощи от польских чинов и вельмож, чтобы отвоевать свой наследственный удел и наказать изменника, незаконно овладевшего его отцовским престолом в Москве, и сверх того обещал жениться на дочери воеводы (graven) Сандомирского, но не прежде, чем он [Димитрий] займет отцовский престол, и обещал сделать ее царицей московской, также искал помощи от короля и во всем ему открылся⁹⁵.

Предостере-
жение римско-
го императора
Московиту, пе-
реданное через
посла

Из Польши тотчас же написали обо всем вышеизложенном императору римскому и другим государям, так что в том не было никакого сомнения, и римский император, всегда бывший в дружбе с Московским государем, известил его о том и увещевал его быть по крайности предусмотрительным и осторожным и отправил к дарю великолепное посольство; сперва прибыл в Москву, в мае 1604 г., гонец с ведомостью об отправлении посла и с просьбою о дозволении свободного проезда к Москве и, получив дозволение, отправился обратно⁹⁶.

15 июля прибыл в Москву сам посол, человек роста малого, по доброго разума, и был он рыцарем Мальтийского ордена, и его приняли торжественно; при нем было 30 алебардщиков, одетых в платье белого и синего бархата, и он ехал на царской лошади. 19-го он представился дарю и вручил ему свою грамоту вместе с подарками и держал прекрасную речь (*scoone oratie*), в коей просил его от имени своего государя быть предусмотрительным и осторожным, ибо сей Димитрий нашел в Польше много приверженцев, которые окажут ему в походе немалую помощь и причинят государству московскому великое разорение, и поляки как извечные враги московитов не преминут нанести им много вреда; и еще другие подобные речи [говорил посол]. Борис, не вняв сему, сказал, что он может одним перстом разбить этот сброд и для этого даже не понадобится всей руки; затем он поблагодарил императора, называя его своим братом, а также повелел письменно изложить, как Димитрий истинно был умерщвлен и погребен, а тот, [называвший себя Димитрием],—злодей (*boosen geest*) и изменник, коему поляки споспешествуют для возмущения страны (*om tlant in roeren te stellen*), и он дал эту грамоту послу для передачи императору, и в тот день посол со всей свитою обедал у царя; и затем еще два раза был наверху, и после того, как его щедро одарили со всей свитою, он отъехал 13 августа, будучи освобожден от всех издержек.

В Польше, однако, не уговорились; но, получив окончательное согласие папы и всех иезуитов в Польше, Димитрий заключил с воеводой Сандомирским договор, по коему он должен был взять в жены его дочь и сделать ее царицею, как только займет отцовский престол на Москве; сверх того должен был он уплатить все, что польские паны (*de heeren*) и иезуиты из некоторых монастырей дадут ему взаймы. И обещал воеводе Сандомирскому княжества Псковское и Новгородское, сыну его—Смоленск и, далее, землю Северскую (*Sibiria*)⁹⁷, а сверх того он должен был прежде всего обещать папе, что

вся страна так скоро, как он сможет, переменит религию и перейдет в римско-католическую [веру], также должен был он обещать переменить все церковные обряды и повелеть совершать их подобно тому, как определяют те, кои к тому определит папа, также повелеть учредить школы в городах и деревнях, подобно существующим повсеместно в Польше, дабы юношество, которое в Московии воспитывают глупо и невежественно, было направлено на путь, по их [поляков] мнению истинный; одним словом, он обещал им все и твердо вознамерился исполнить обещание, но всемогущее провидение тому воспрепятствовало.

Вслед за тем полагали употребить все старания к тому, чтобы в других местах склонить на сторону Димитрия казаков на реке Волге и в других местах, что весьма усилило бы его силу и почтение к нему.

Эти казаки различных племен (is een soorte von alderley natie), из Московии, Татарии, Турции, Польши, Литвы, Корелли (Corelen) и Немецкины, по большей части москвиты и говорят по большей части по-московски, но сверх того между собой они употребляют особый язык (bysonder gemaecte spraecke), который они называют «отвернида» (Otvernitz) ⁹⁸, и это народ — по большей части бежавшие от своих господ холопы (lyfeygene knechten), плуты, и воры, и различные бездельники (boeven), и поселяются они главным образом в татарских степях, близ реки Волги, также неподалеку от Дона (Donauwe) и Борисфена [Днепра] и переходят с места на место и строго соблюдают между собою справедливость и добрый порядок, сами избирают себе начальников, коим беспрекословно повинуются, и называют их атаманами (Ottomanni) по народу, от которого происходят турки, как о том можно прочесть в истории их происхождения.

Эти казаки служат за деньги почти всем государям, которые их призывают, а также и без денег, ради одного грабежа, но впрочем прежде они почти всегда служили москвитам, когда на них нападали различные татары, что часто случалось; но как раз в то время по поущению божьему казаки взбунтовались против Московии и начали грабить всех купцов, торговавших в Персии, Армении, Шемахе и по берегам Каспийского моря, и даже убивали многих, не ведая за что.

К ним-то и послал Димитрий из Польши нескольких тайных гонимых, чтобы известить их о своем предприятии и заверить клятвой, что он законный наследник Московского государства, и просить их о помощи, ибо его дело правое и нет сомнения окончится удачею,

Казаки переходят к Димитрию и признают его истинным Димитрием

и тогда они все будут возвеличены за их верную службу, которую они ему окажут, и многие иные подобные речи и письма.

Казаки, услышав о том, собрали сход, на который пришло свыше восьми тысяч со своими атаманами, и зрело рассудили об этом деле (*gypelyc op dat stuck geraetslaecht*), и, наконец, порешили также послать от себя несколько гонцов в Польшу, дабы разузнать обо всем и так ли все [на самом деле], как им передали, и ежели они найдут, что он истинный Димитрий, то помогут ему вступить на царство, а ежели нет, то пойдут против него. И так как восемь тысяч казаков не могли долго ожидать на одном месте, ибо должны были искать себе пропитание в поле, то они не думали долго стоять и назначили гонцам срок, и когда к уреченному времени они не воротятся, то каждый пойдет своею дорогою, но до того времени все должны были оставаться [на месте]; и выбрали гонцов по жребию, и они отъехали.

Прибыв в Польшу, они увидели, что они не смогут так скоро воротиться к своим товарищам, чтобы успеть к уреченному времени, и отправили к ним несколько человек с известием для своих товарищей и с просьбою прибавить к тому положенному сроку еще четырнадцать дней, полагая, что тогда они смогут прибыть с самыми полными сведениями (*met vol besceet*), что они и исполнили⁹⁹.

Первое вступ-
ление Димит-
рия в Моско-
вию

В Польше, невзирая на самые прилежные розыски, они не сумели узнать ничего другого, кроме того, что то был истинный Димитрий, сын Ивана Васильевича, коего считали убитым в Угличе, и видя, что некоторые паны, а также при дворе Сандомирского уже делают великие приготовления к войне, они [казаки] признали Димитрия своим государем, предложили ему свою службу и тотчас стали величать его царем и великим князем московским, и так отъехали к своим товарищам и объявили им обо всем, и тогда все пристали к нему, Димитрию, и двинулись всем войском к московской границе, к Чернигову (*Tsernichoff*), на который они прежде всего напали и овладели им и связали воеводу по рукам и по ногам, крича по всей стране: «Да хранит бог здоровым царя нашего Димитрия Ивановича всея Руси». Это было началом войны, приблизительно в октябре месяце 1604 г.¹⁰⁰

Овладев также тамошним большим монастырем и всеми окрестными местами, казаки тотчас двинулись на Путивль (*Potivili*), город весьма населенный и ведущий торговлю в той области; этот город тотчас покорился Димитрию; и повсюду шумели и кричали и провозглашали его царем¹⁰¹; там почти всю зиму была его резиденция (*stoel*), а также весь его военный совет, все его военные и съестные:

припасы; сюда же приводили изменников и перебежчиков, и там были право и суд (*recht en justicie*) и все управление (*de gantse commissie*) Дмитрия.

Борис, царь Московский, получавший все известия об этом Дмитрии, как о том довольно было рассказано, не знал покоя в еще большей степени, нежели прежде, до появления известий о Дмитрии, и воображение, каким он мучал самого себя, происходило от беспокойной совести, однако, он не помышлял, что так скоро придется сражаться, полагая, что для начала и приведения в исполнение такого предприятия понадобится еще некоторое время, также полагал, что по крайности польский король как-нибудь упредит его; но так не случилось, что весьма удивило его и повергло в великий страх, и он повелел пустить в народ доносчиков (*danotsicken oft verklickers*), как о том раньше было рассказано, не только не оставив сего, но и весьма усилил, и когда находили кого, кто произнес имя Дмитрия, того предавали жалкой смерти вместе со всеми его родственниками, женой и детьми.

И вот день и ночь не делали ничего иного, как только пытали, жгли и прижигали каленым железом и спускали людей в воду, под лед. Одним словом, бедствия были непомерно велики, страна была полна дороговизны, безумия, поветрий, войн и беспокойной совести, ибо никто не смел сказать правду, и тот, кто имел врага, должен был трепетать, ибо всякий мог оклеветать другого одним словом, и того губили, не выслушав; и никто не мог видеть царя, скрывавшегося во всякое время, и когда он в некоторые праздничные дни выходил, то челобитчиков (*supplianten*) отгоняли палками. И все приказные (*officieres*) были воры, никому не оказывавшие справедливости, так что бедствие было повсюду.

Борис тотчас разослал повсюду людей узнать о начале [возмущения] и велел разгласить по всей Московии, что шайка бунтовщиков казаков возмутилась и напала на Северскую землю, и тотчас повелел всем воеводам готовиться к походу и по всем областям собирать ратных людей, также монастыри были обязаны выставить многолюдное войско, так что скоро было собрано до двухсот тысяч ратников (*strythaer mannen*); воеводами (*opperste veltheeren*) были посланы следующие князья (*hertogen*) и бояре (*heeren*), все из родственников (материальной линии) царя Бориса: князь Иван Иванович Голунов, князь Василий и Дмитрий Ивановичи Шуйские, князь Василий Голицын, князь Василий Морозов (*Vasili Morosof*), князь Андрей Телятевский (*Andre Teletoffsci*), Петр Басманов и Михаил Салтыков¹⁰².

Борис объявляет о неожиданном несчастье и приготавливается к обороне

Мстислав-
ский—главный
воевода мос-
ковского вой-
ска

Названные князья, ибо князь означает герцог, и бояре были главными начальниками войска; далее следовали также все ротмистры, капитаны (сартеуны) и другие начальники, большею частью служившие при дворе и ранее прославившиеся. Впоследствии из Москвы был послан князь Федор Иванович Мстиславский (Missisloffski), знатный боярин, состоявший в родстве с царским домом, родом из Венгрии (Hongaria); он всегда был человеком благочестивым, и его употребляли во всех войнах, также как и его отца; Борис всегда старался погубить его, ибо желал того, когда казнили родовитых людей, но его [Мстиславского] ни в чем не могли обвинить, так беспорочно он жил, а также весьма скромно, ибо холопы его жили лучше, чем он сам; однако Борис запретил ему жениться, чтобы он не имел наследников, и он умер бездетным; также приказал Борис его сестру, красивую девушку (счооне деерне), насильно заточить в монастырь и постричь в монахиню, чтобы она не вышла замуж; этого Мстиславского царь Борис избрал главным воеводою и обещал ему выдать за него дочь свою и дать ей в приданое царство Казанское и все царство Сибирское (Sibiria), ежели он одержит победу над Димитрием, одолеет его и умертвит; и Мстиславский обещал употребить все старания и пребывать верным до гроба и так отъехал к войску.

Весь народ в Московии уже хорошо знал причину этой войны и что причиной ее были казаки, но все по всей стране, а также в московском войске звали Димитрия расстригой (Demetrio Rostrigo), что значит расстрижен (herescoogen), ибо говорили, что он, будучи монахом, сам сбросил с себя монашескую рясу и расстригся, и говорили, что он изменник и что он должно быть чародей, продавший себя дьяволу. Одним словом, давали ему еще много подобных прозваний, как то проставлено во многих грамотах (articulen), как услышшим о том, и звали его не иначе, как расстригою.

Борис послал толмача или немецкого переводчика, по имени Ганс Ангеляр, в Швецию, Германию и другие государства, чтобы разведать, что говорят об этом Димитрии и какого держатся о нем мнения и, для крайности, поискать какого-нибудь принца, который бы принял начальство над московским войском; но этот Ганс Ангеляр не возвратился из Швеции, и полагают, что король Карл заточил его в темницу и казнил неведомо за что¹⁰³.

Борис отправ-
ляет посла в
Польшу с обви-
нением короля
в нарушении
клятвы

Также к польскому королю царь Борис отправил посла, коего звали Постником Огаревым (Posnick Olgaroff), с подьячим Захарием Языковым (Zachari Jasicoff) с грамотами, в которых стояло, что москвиты и не могли и думать, что король, так мало дорожа своей

клятвою, нарушит ее, чтобы подать помощь не законному врагу Московии, но предательскому монаху и чародею, которого дьявол подстрекнул возмутить народ, и, вопрошая [короля] вторично, не он ли заключил прочный договор с москвитами на двадцать два года, дабы жить в мире, а не подавать помощь кому-нибудь, кого Московия считает своим врагом, доказывая ему, королю, изустными речами и в письме, что Димитрий давно мертв, также как он был убит и каким образом, но не сказали, что он, Борис, был тому виновник.

Король в свое оправдание отвечал: ежели то истинный Димитрий, как меня уверяли великими клятвами, то всемогущий бог поспешествует его правому делу, а ежели он не Димитрий, как говорите вы, то царство его не устоит, но только будет карой всемогущего бога. Сверх того король отвечал, что он ни помощи, ни заступления Димитрию не подавал, и приводил имена всех, кто ему [Димитрию] поспешествовал и оказывал заступление, то были вольные паны, сверх того он, Димитрий, сам привлек к себе казаков, так что мы, поляки, в этом деле не повинны, но остаемся, как прежде, друзьями Москвита до тех пор, пока он не подаст причины расторгнуть дружбу. С этим ответом они, послы, удалились.

Димитрий, или расстрига, как его именovali в Москве, одерживая победы, быстро подвигался вперед и прошел волость, называемую Комарицкою (lant Camaritzza), землю весьма плодородную, богатую хлебом, медом и воском, также льном и коноплей и населенную богатыми крестьянами; войско Димитрия не причинило этой волости ни малейшего наклада; он брал только то, что крестьяне приносили ему от щедроты (uit liberaelheyt), и, видя, что он вступил [в их землю] как враг, чтобы завоевать Московию, дивились тому, что он никому не причинил вреда, но защищал всех, и полагали, что он доподлинно законный наследник [престола], ибо кто другой стал бы так щадить их земли, кроме законного наследственного государя (erfheer), но, увы, они не помыслили о том, что он, Димитрий, так поступал, дабы привлечь к себе их сердца, и когда они видели, что московское войско, куда бы оно ни пришло, опустошает всю страну, не щадя никого из своего народа, который они должны были защищать и охранять от нападения неприятеля, того ради и переходили на сторону Димитрия сотнями и признавали его законным своим государем.!

Услышав, что Димитрий прошел волость Комарицкую и все [жители] перешли к нему и присягнули ему, Борис призвал к себе касимовского дря Симеона, который был сыном дря казанского, как о том сказано при описании жизни тирана, и был женат на се-

Польский король оправдывается

Победы Димитрия. Все ему покоряются

Жестокий указ Бориса о разорении Комарицкой волости

стре главного воеводы Мстиславского. Этому Симеону Бекбулатовичу (Bicbolatiovits) как повелителю всех касимовских татар велено было собрать все свое войско (gantse macht), которое составило до сорока тысячеконных татар; Борис повелел ему напасть с этим [войском] на Комарицкую волость и все разорить, пожечь и истребить; да и повелед всех мужчин, подвергнув ужаснейшим пыткам, умертвить, также старух (oude wuven), а молодых женщин (jonge vrouwen) и детей повелед он пощадить и взять на вечное рабство к себе в Татарию, что и было исполнено, ибо татары на это мастера; им последовали также некоторые московиты и другие, и они так разорили Комарицкую волость, что в ней не осталось ни кола, ни двора (tuyn noch staec)¹⁰⁴; и они вешали мужчин за ноги на деревья, а потом жгли, женщин, обесчестив, сажали на раскаленные сковороды (op gloeyende pannen), также насаживали их на раскаленные гвозди и деревянные колья (steekende de selve op gloeyende pinnen en houten staecten), детей бросали в огонь и воду, а молодых девушек продавали за 12 стейверов¹⁰⁵; и чем больше мучали людей, тем более они склонялись признать Димитрия своим законным государем, и никакие пытки не могли заставить их отступить от него; они оставались верны ему, и чем дальше, тем более упорствовали (hoe langer hoe obstinater). Увидев и услышав это, жители окрестных мест стали думать: ежели наши соотечественники и наши правители (onsen heere) в Москве так с нами обходятся, то нам лучше скорее перейти к Димитрию, который будет нас защищать; и присягали Димитрию все, кто только мог притти к нему или добраться до его стана, и никто не хотел слышать о Москве; московское войско ничего не могло достичь и только всю зиму грабило и разоряло, тогда как войско Димитрия подвигалось все далее и далее без остановки, занимая все, что оно могло захватить.

Советники Бо-
риса

Борис часто совещался с епископами и монахами, коим он более всех доверял, но они не знали, что предпринять, хотя употребляли все средства, чтобы захватить изменников и погубить Димитрия. Борис был в таком отчаянии, что, зная, что истинный Димитрий мертв, не доверял сам себе и часто терял рассудок (dul wirdt); он спрашивал у многих, однако, не называя себя: может ли человек, совершивший то, что он совершил, спасти себя, а когда отвечали: да, ежели [такой человек] придет к покаянию (tot boetveerdicheyt quam) и будет молиться об отпущении грехов, исповедуясь в них, то он, Борис, возражал, что это невозможно, и, сомневаясь в божьем милосердии, он иногда думал, что в будущей жизни нет блаженства, одним словом, был исполнен безумия.

Также ходил он часто к ворожее (waersegster), которую в Москве считают святою и зовут Елена Юродивая (Olena Olrodliva). Она живет в подземелье подле одной часовни, с тремя, четырьмя или пятью монахинями, кои находятся у нее в послушании, и живет она весьма бедно. Эта женщина обыкновенно предсказывала будущее и никого не страшилась, ни царя, ни короля, но всегда говорила все то, что должно было, по ее мнению, случиться и что подчас сбывалось. Когда Борис пришел к ней в первый раз, она не приняла царя, и он принужден был возвратиться; когда он в другой раз посетил ее, она велела принести в пещеру короткое четырехугольное бревно, когда это было сделано, она призвала трех или четырех священников с кадилами и велела совершить над этим бревном отпевание (dootsang) и окадить его ладаном, дав тем уразуметь, что скоро и над царем Борисом совершат то же самое. Царь более ничего не мог узнать от нее и ушел опечаленный, но ежели бы я был царем, я велел бы покадить ей ладаном прежде, чем дошло бы до меня, но они, москвиты, считают ее святою, чему нечего удивляться, ибо они, увы, до сих пор погружены в невежество, да просветит их господь.

Войско Бориса, хотя и весьма многочисленное, ничего не достигало тем, что жгло и палило [имение] своего же народа и казнило перебежчиков, сверх того совершая в разные стороны походы, что недостойно описания; когда же Димитрий затворялся в крепости, они, москвиты, облагали ее кругом, ничего не предпринимая, и допускали его вновь что-нибудь отвоевывать. Также толпами (met menichte) переходили [москвиты] на сторону Димитрия, а среди них много господ и несколько дьяков, в том числе и князь Василий Михайлович Мосальский (Mosalsci), до конца оставшийся верным Димитрию, также Михаил Глебович Салтыков (Soltecoof)¹⁰⁶, который трижды перебегал из одного лагеря в другой, смотря по тому, где видел выгоду (waer hyt scoonst sach), пока наконец не был заключен в темницу. Из Москвы к войску отправили с деньгами Богдана Ивановича Сутупова (Sotoepoff)¹⁰⁷, и он бежал с ними в лагерь Димитрия и доставил те деньги в Путновль, бывший тогда стольным городом (hoofstat) всей земли, которой завладел Димитрий. Он уже завоевал и снабдил сильным гарнизоном следующие города: Брянск, (Brenseo), Рыльск (Riletz), Чернигов, Карачев (Caratzou) и многие другие, и сверх того намеревался завоевать Северскую землю с главным городом Новгородом-Северским; и эта богатая страна изобилует различными хлебами, скотом, медом, льном, мехами, воском и салом. Москвиты весьма страшлись за эту землю и послали туда доблестного витязя (cloecken helt) Петра Федоровича

Басманова с войском; он вступил в Новгород-Северский и, укрепив его со всех сторон, засел в нем, но не имел времени запастись съестными припасами, так как подоспел неприятель и город обложили со всех сторон поляки и казаки, и это случилось зимою¹⁰⁸.

Димитрий за-
воевывает Се-
верскую землю

Димитрий, видя, что, для того чтобы продвинуться вперед, ему прежде всего надобно напасть на Северскую землю, которая по своему плодородию и по обилию дорогих мехов была одной из лучших областей Московии, как то было изложено выше, он [Димитрий] вознамерился сам предпринять поход к Новгороду-Северскому, оставив в Путивле тех, коим более всего доверял, и укрепить также все города, коими он владел, хорошо защитив их от всякого нападения; но подступил с отрядом к Новгороду-Северскому, где стояло его войско.

По прибытии туда [Димитрий нашел], что некоторые польские капитаны, дворяне и всадники, придя в уныние, говорили, что невозможно завоевать такую страну, равную целому миру, ибо у них для того так мало силы и войска, говоря: «Ежели мы не можем взять такого маленького городка и каждодневно ожидаем нападения большого московского войска, то что будем делать, когда подступим к большим городам? Все, что мы приобрели до сих пор, отпало к нам по большей части само; сверх того мы ссудили его всем без малого вероятия что-либо вернуть» и приводили еще другие подобные жалобы (*murmurengen*) — и впадали в совершенное уныние; того ради Димитрий был весьма опечален, смиренно (*ootmoedichlyck*) просил их не приходить в уныние и не впадать в трусость, а по его примеру не щадить своей жизни, ибо он надеется еще в скором времени сесть на царский престол в Москве, того ради просил их не покидать его, сверх того впоследствии они воспользуются плодами трудов своих; он снял со своей шеи цепь и раздал ее некоторым, так что ему удалось убедить их, и они снова были готовы подвергнуть свою жизнь опасности и обложили этот город [Новгород-Северский] со всех сторон как можно теснее, так что и сам Басманов принужден был есть конину, и однажды он [Басманов] показал вид, что вознамерился сдать его и отворил ворота, как будто пал духом и считал все потерянным, и приверженцы Димитрия (*Demetrianen*) тотчас же со всех сторон устремились в [город], но едва часть их вступила в город, как из домов, находившихся неподалеку от городских ворот, начали стрелять в тех, которые проходили, так что они тотчас отпрянули, и ворота за ними были заперты; те же, что вошли, по большей части погибли мертвыми; меж тем некоторые вышли из города и напали

на неприятельский лагерь и воротились с большою добычею, пройдя другими воротами. Удивительно, что Димитрий в то время находился в другом месте, и когда он прибыл туда, к месту сражения, все было кончено. Этот подвиг был приписан Басманову, и он был высоко прославлен как Борисом, так и народом; и это случилось 21 декабря, и день спустя к Новгороду подступил князь Федор Иванович Мстиславский с войском в сто тысяч человек, дабы окончательно погубить или прогнать Димитрия, и лагерь Димитрия был обложен кругом, [с одной стороны войско Мстиславского], и с другой стороны город, так что страх обуял тогда войско Димитрия, но ради его великой храбрости оно обрело мужество, и пока москвиты готовились к бою, Димитрий, самолично (persoonlyc) водительствова войском, напал на неприятеля и обратил его в бегство и так одержал победу; сверх того Мстиславский был тяжело ранен, но впоследствии выздоровел¹⁰⁹.

Димитрий
одерживает по-
беду над моско-
витами

По окончании битвы Димитрий едва мог освободиться от коня, ибо оно словно приросло к руке, чему многие удивлялись,

Тогда же отъехали от него некоторые поляки, сетуя на недостаток в деньгах и потеряв надежду завоевать Московню; не веря, что они могут сражаться с таким войском, как могли они думать о том, что завоюют страну. Однако, по великим мольбам и просьбам Димитрия, многие поляки остались при нем, и все казаки бодро стояли за него (lustich bygestaen) до самого конца и не помышляли покинуть его, как подобало доблестным воинам, каковыми они и были на самом деле.

Меж тем в Москву прибыло много раненых и из Москвы послали докторов, аптекарей и хирургов (barbiegen) к войску для лечения больных и раненых; приверженцы Димитрия взяли измором Новгород-Северский, оставили сильный гарнизон и двинулись дальше¹¹⁰. Димитрий отправился в Путивль по каким-то делам и потому не позволил войску что-либо предпринимать без него.

В 1605 году 1 января в Москву открыто привезли пленников как поляков, так и казаков, со значками (vendelen) и оружием, чтобы народ в Москве видел, что [московское войско] одержало победу, хотя она была ничтожна, — и не падал духом, ибо, как я полагаю, Борис страшился, как бы в Москве не поверили, что то истинный Димитрий и не пристали к нему, того ради повелел он часть пленников привозить в Москву днем, так что, говорят, привезли однажды пятьсот [пленников], и передавали другие подобные бредни (grillen).

В другой раз Борис, послав грамоты из Москвы, повелел, чтобы в Северной земле никого не щадил, но поступили с народом, как

в Комарицкой волости, как о том было выше изложено, что и было исполнено, но столь бесчеловечно, что всякий, слышавший о том, содрогался, так много должно было погибнуть невинных людей. Женщин, девушек и детей обесчещивали до смерти (*totter doot ges-coffirt*), а тех, что оставались в живых, продавали за старое платье или за полштофа водки (*half flesken brandewyn*) или за другие какие, столь же ничтожные вещи; тотчас после грабежа в лагере можно было купить за полгульдена быка, за два бланка овцу (*blancken*)¹¹¹ и так далее, ибо награбленного было так много, что не знали, куда девать, так как земля [Северская] была богата, и Димитрий ни у кого ничего не отнимал, а оставлял каждому свое, того ради народ так предавался к нему; и когда московиты начали чинить жестокую расправу (*groote tirannie begon*), то к Димитрию стало предаваться еще больше [людей], не желавших и слышать о своем даре Борисе в Москве, и оставались верны до самой смерти и претерпевали все мучения и пытки, всечасно утверждая, что он истинный Димитрий, так что некоторые, которые никогда не видели его, невзирая на пытки, не отступались от своих слов; так велика была кара божия.

Вой волков в
Москве

В тот месяц ночью слышали вокруг Москвы страшный вой волков, которые бродили по окрестностям и так были, как будто их было целое войско (*leeger volck*). Также поймали у кремлевского рва, в самой середине города, несколько лисц, забежавших из леса за рекой, одним словом, тогда повсюду совершалось много чудес¹¹².

Неприятели
переруги-
ваются.

Пока Димитрий находился в Путивле, некоторые [из его приверженцев] засели в завоеванных городах, другие еще держали осаду и перебранивались с московитами, которые называли приверженцев Димитрия изменниками, служившими расстриге или расстриженному монаху, а приверженцы Димитрия называли московитов изменниками и плутами, говоря: «Мы служим законному, наследственному государю страны, которого изменник Борис считает убитым, но он по чудесному промыслу божью остался в живых, и когда бы мы достоверно не знали того, чего ради пошли бы мы войной на своих соотечественников и, будучи рождены в одной стране, под одним государем, стали бы сражаться со своими братьями», но говорили, что то поистине законный Димитрий, и заверяли в том страшными клятвами, так что достигли этим того, что с каждым днем все более и более [людей] передавалось Димитрию и [москвитам] не помогали ни поджоги, ни казни, ни убийства (*moorden en dooden*).

10 января означенного года большое войско московское под начальством главных воевод стояло у Добрынич (*Dobrinets*), большой

деревни на прекрасной равнине, где было также много холмов, из коих некоторые были довольно высоки; и в тот день рано утром выехали четыре тысячи [всадников] на поиски добычи, которую могли найти, будь то овес, сено или солома для лошадей, и едва отъехали на три мили, как на них напал из-за кустов отряд (vendel) польских всадников так стремительно, что [московиты] были приведены в великое замешательство и обратились в бегство, так что около пятисот московитов полегло на месте, остальные же по большей части спаслись бегством, ибо их долго не преследовали.

Битва при Добрыничах, в которой Димитрий потерпел поражение

Московиты не предполагали, что неприятель стоял так близко, но думали, что он по крайней мере в тридцати милях от них, как они о том слышали от лазутчиков. Бежавшие после этого поражения московиты захватили одного поляка и привели в лагерь; он был пьян и просил только о том, чтобы ему дали еще [вина], и обещал открыть важные тайны о войске Димитрия, когда ему дадут две или три чарки (scaeltkens) вина, и о том донесли одному из военачальников, который запретил давать ему вино и велел стеречь его, пока он не проснется, полагая тогда допросить его. Но этот боярин не знал пословицы: «in vino Veritas», что у трезвого на уме, то у пьяного на языке (een droncken mont spreekt 's herten gront), ибо тот пленник лег спать и более не вставал, но умер по промыслу божью; и когда бы его допросили пьяным, то без сомнения получили бы от того выгоду¹¹³. Даже, как некоторые утверждают, могли бы захватить самого Димитрия; но это не удалось.

Димитрий, возвратившись из Путивля, почел за лучшее выступить в поле и дать сражение московитам, дабы видеть его продвижение вперед, ибо [Московия] так велика, что не везде слышали об его завоеваниях. Сверх того он довольно был уверен, что жители завоеванных им местностей будут некоторое время держать его сторону, ибо они были ожесточены против приверженцев Бориса (Borisiaen), поэтому, собрав все войско, он двинулся и стал в трех милях от московского лагеря, у Добрынич, и здесь [воины Димитрия], уверенные в победе, пропивали свое добро и бражничали, и 20 января ночью снялись с лагеря всем войском¹¹⁴, среди них был сам Димитрий, князь Василий Масальский и дьяк Богдан Сутупов, перебежавший [к Димитрию] от московитов, как о том было выше рассказано, также все польские паны и дворяне (heeren en edlen), всегда находившиеся при нем, одним словом, все, кроме тех, которые были в гарнизоне (in de besettinge).

Московиты были хорошо осведомлены лазутчиками о приближении [войска Димитрия], но полагали, что оно подойдет только на другой

день, и потому, получив о нем известие, напугались и стали поспешно готовиться к обороне, не соблюдая никакого порядка, ибо они разделили все войско на три отряда (*trosc rep*), не устроив ни правого, ни левого крыла, а также не составив [запасного] войска, на которое можно было бы рассчитывать во время битвы, но стояли, как коровы, объятые страхом. Немцы и ливонцы, бывшие в войске Бориса, сплотились, и капитаном над ними был Яков Маржерет, француз, и они первыми напали на неприятеля и завязали схватку.

Меж тем Димитрий приближался, однако всего войска еще не было видно, ибо оно было укрыто за многочисленными холмами и стояло там, чтобы не знали, сколько у него воинов, и он разделил их на несколько отрядов, но сперва открыл только три отряда, каждый в две тысячи ратников; им велел он выступить из-за высокого холма, так, чтобы обойти войско Бориса; и это были всадники, весело трубившие в трубы и игравшие на дудках и свирелях (*scalmeyen en puyen*), и польские капитаны храбро объезжали ряды, одобряя войско, и горячили лошадей (*latende hare peerden lustich braveren*), кричали и горлапили (*goepende en screeuwende*) так, словно уже одержали победу. Московиты стояли неподвижно, но когда три помянутых отряда вышли из ложбины, то немцы, состоявшие в московском войске, ударили на них и почти все выстрелили в них; за немцами последовало триста или четыреста московитов, вступивших в схватку, меж тем из-за гор и холмов показалось шестьдесят или семьдесят мелких отрядов (*verdelen*), которые без всякого промедления с великим шумом, трубами, литаврами и криками напали на московитов (*op de moscovise bataillie*) и обратили в бегство все московское войско, ибо московиты не подозревали, что кроме тех трех отрядов, что они видели, есть еще войско, и когда они вдруг приметили все эти отряды, то ими овладел страх, и когда поляки сразу ворвались в середину [московского войска], то один немец, служивший под начальством капитана Маржерета, Арендт Классен — он жив и поныне — закричал, что надобно ударить на поляков, ибо они, возмнив, что одержали победу, совсем расстроили свои ряды, и их еще можно разбить, он закричал о том Ивану Ивановичу Годунову, предводительствовавшему авангардом, но [Годунов] не услышал; он сидел на лошади, оцепенев от страха, и ничего не видел и не мог двинуться ни взад, ни вперед, так что его можно было одним пальцем столкнуть с лошади.

Итак, поляки пробились к деревне Добрыничи, и московские стрельцы числом 6 000 сложили шанды (*scantse*) из саней, набитых сеном, и залегли за ними, и как только поляки вознамерились пробиться

вперед, стрельды из-за шанцев выстрелили из полевых пушек (velts-tuechken), которых было до трехсот, и затем открыли пальбу из мушкетеров, и это нагнало на поляков такой страх, что они в полном беспорядке обратились в бегство, и московиты, тотчас собравшись с силами, пустились их преследовать и гнали поляков добрых две мили, убивая всех, кого настигали, так что всю дорогу помостили трупами.

Димитрий с несколькими отрядами оставался в долине, намереваясь довершить с ними победу, но, увидев бегущих назад поляков, едва сам мог спастись, ибо вороная его лошадь была подстрелена, и князь Василий Масальский, тотчас соскочив со своего коня, посадил на него Димитрия; сам же взял лошадь у своего конюха (van synen knecht), и так чудесным образом (avontuerlyc) ушли от неприятеля, и за свою верность Масальский впоследствии был высоко вознесен Димитрием, как о том мы еще услышим.

Во время преследования пятьсот поляков задержались возле двух пушек, брошенных в поле, и почти все полегли вокруг них, ибо на них напало множество [московитов], и если бы продолжали погоню, то, как справедливо полагают, захватили бы самого Димитрия, но им через посланных вслед гонцов (heraulden) было велено вернуться к войску, так что они все к вечеру возвратились; и в московском лагере было великое ликование, и каждому дали на память золотую монету (penning), как то у них в обычае.

У московского войска нет труб и бывает не более трех стягов, которые так велики и тяжелы, что их надо везти на конях, и на этих стягах изображены богородица, св. Николай и многие другие предметы, великолепно вышитые золотом и жемчугами, и сверх того у них ничего нет, кроме литавров (keteltrommen), которыми собирают войска. Одним словом, московиты не умеют вести иной войны, кроме как наудачу, или с многолюдным войском, или против незнающих порядка татар (onordentlycken Tarter).

Когда во время погони за поляками [московиты] поймали одного трубача, то догола ограбили и так привели в свой лагерь и, посадив его нагого на пушку, глумились и потешались над ним, и когда разглядели его, оказалось, что то был трубач, [служивший в их войске], из немцев, которые также преследовали врага.

Также один шотландец, который был в московском войске и, преследуя врага, захватил польское знамя и, вместо того чтобы влечь за собой или свернуть, высоко держал его в руке, продолжая скакать за неприятелем, и того ради его соратники, принимая его за польского

Московиты
жадны до гра-
бежей

знаменщика, стали стрелять в него и наносить ему удары, и еще удивительно, что ему удалось спастись, когда он бросил знамя. И подобные неслепиды случались часто, откуда можно заключить, как они умеют вести войну и брань (сгучь ен ооглоог).

Также убивали они друг друга из-за добычи, как собаки, и в этой битве полегло до шести тысяч москвитов и восьми тысяч поляков, хотя и разглашали о том, что их погибло больше; и когда бы они преследовали поляков далее, то перебили бы их почти всех, а также захватили бы Дмитрия, который был неподалеку.

После этой победы главный воевода Мстиславский повелел всех пленных, которые были казаками из Московии (moscovitersen Casacken), рубить саблями, вешать на деревьях, расстреливать и некоторых спускать под лед, но поляков вместе с отбитыми знаменами, трубами и барабанами отправили в Москву, также и копье Дмитрия, найденное на том месте, где была убита его лошадь, и это копье было позолочено и снабжено тремя белыми перьями и было довольно тяжело. С пленными послали к царю молодого дворянина¹¹⁷, с просьбой к царю наградить этого дворянина, ибо в одном сражении с приверженцами Дмитрия он спас от смерти воеводу; и я видел, как все это было привезено в Москву 8 февраля.

Меж тем Дмитрий съездил в Путивль, где собрал много денег, как с завоеванных городов, так и с Комарицкой волости, также прислали к нему много людей и денег из Польши, и он ободрился и мог выступить в поход с отличным войском.

Борис повсюду
шлет за вой-
ском

Борис каждодневно отправлял к московскому войску все более и более ратников, которые во множестве проходили через Москву, как мы сами видели, также и монастыри выставили большое войско, сверх того города Тотма, Устюг (Ustiuga), Холмогоры (Colmogoro), Вычегда (Witsogda) и другие у [Белого] моря, до того времени бывшие свободными, должны были выставить ратников, так что каждодневно отправляли в поход великое множество людей (sericlyc volc), хотя этим ничего не достигли.

14 февраля прибыли в Москву Петр Федорович Басманов и князь Никита Трубецкой, и их торжественно везли на царских саних и лошадях за их отвагу и стойкость под Новгородом-Северским, как о том было сказано выше; и царь пожаловал им дорогие подарки и поместья, и они оставались в Москве до самой его [Бориса] смерти.

Дмитрий с
войском снова
выступает в
поход

Дмитрий, снова выступивший в поход с большим войском, преследовал московское войско, дабы вновь напасть на него, с большей осторожностью, нежели у Добрынича.

Войско Борисово то здесь, то там становилось, ничего не предпринимая ни в открытом поле, ни против городов, взятых Димитрием, и 14 марта оно остановилось на равнине, окруженной большими болотами, в то время промерзшими, и там была гора, на которой расположена деревянная крепость (houten casteel), называемая Кромы (Crom), внутри которой было несколько домов; и к этим Кромам на гору вела летом только одна тропа, и то весьма узкая, ибо кругом стояли болота. В эту крепость прибыл один ротмистр из числа немецких военачальников, живших в городе Туле (Toela), по большей части ливонцев, пленных немцев и курляндцев, и его звали Лас Вейго (Las Viugo), и он водрузил на крепости знамя и занял ее своим отрядом. Главный воевода князь Федор Иванович Мстиславский повелел ему оставить крепость, сжечь ее и возвратиться к войску; и никому не ведомо, какая была к тому причина.

Итак, войско Димитрия шло вслед за московским, и вперед шло две тысячи казаков, все пешие, у каждого была большая длинная пицаль (groot lanck roer), и, увидев издали московский лагерь, тотчас отрядил гонца к Димитрию с известием и, заметив, что Кромы горят и что москвиты оставляют крепость и возвращаются к своему войску, полагали, что необходимо и полезно занять это место, ибо отлично знали, что оно по природе своей летом неприступно, и с великим проворством и быстротою заняли Кромы, ибо у них было множество саней, нагруженных съестными припасами, кроме того еще сани, полные сена, весьма плотно сложенного, и пустили вперед эти сани, подобные четырехугольной камере¹¹³, но только открытой, и посадили в нее примерно половину отряда, а самые доблестные смельчаки (clocceste waechalsen) бежали по сторонам с заряженными пицальями; казаки поднялись на гору и так стремительным маршем вошли в Кромы, и москвиты не причинили им никакого вреда ни стрельбою, ни чем другим, и казаки, заняв гору, тотчас вырыли у крепости землянки и вокруг нее ров, так что засели в земле и никого не боялись; предводителем этих казаков был Корела, шустрый маленький человек, покрытый рубцами, родом из Курляндии, и за свою великую храбрость Корела еще в степи был избран этой партией казаков в атаманы, и он так вел себя в Кромах, что всякий, как мы еще увидим, страшился его имени.

Отвага казаков

Взятие Кром в присутствии москвитов

Этот Корела, находясь в Кромах, помышлял о том, чтобы при [этих] счастливых обстоятельствах удержать крепость, и послал известить обо всех обстоятельствах Димитрия и просил прислать людей и припасов, что часто исполняли с великой отвагой и проворством,

и они, [казаки], полагали, что московское войско, постояв так всю зиму или до весны, само расстроится и погибнет; а Димитрий между тем отлично устроил и укрепил со всех сторон лучшие города (plaetsen) и каждодневно посылал распоряжения из тех мест, где находился, чтобы снабжали осажденных в Кромах всем необходимым, и изыскивал со своими друзьями средства, как расположить к себе сердце москвитов, и часто писал письма, посылая их к народу в Москве с гонцами; то были смельчаки, которые не вернулись обратно, ибо Борис на всех перекрестках поставил людей, которые подстерегали их и тотчас же вешали. Также много писал писем Димитрий к [московскому] войску и к воеводам, Мстиславскому и другим. Но не к Годуновым, принадлежавшим к дому Бориса, и Димитрий называл их изменниками и губителями (bedervers) отечества.

Письма к Борису были следующего содержания: когда он оставит царский престол, коим завладел неправдою, то ему будет оказана милость; сверх того Димитрий, истинный сын покойного царя и великого князя Ивана Васильевича, еще пожалует его царскими поместьями, дабы мог он в них жить со своим сыном по-царски, и другие подобные обещания; но Борису было тяжело оставить престол и передать его тому, кого он никогда не знал и не видал, и он послал ему много ругательных писем, в которых называл его чортовым сыном, крамольником (oproeterisen scelm), чародеем и давал ему еще многие пные подобные прозвища и ничего не хотел слышать.

Димитрий пишет к московским воеводам о том, что он истинный [царевич]

Письма Димитрия к Мстиславскому были весьма любезны и дружественны, со многими доказательствами того, что он истинный царевич], в чем не может быть никакого сомнения, сверх того он объявлял прощение всем военачальникам, которые действовали против его особы, ибо они поступили по присяге, данной им Борису; затем дружески просил их верить его письмам; все это было напрасно, но после достоверно узнали, что некоторые из военачальников переписывались с Димитрием, так, что он знал все их действия и обстоятельства. К Годуновым, принадлежавшим к роду Бориса, Димитрий не писал, ибо считал их предателями отечества, говоря, что они послужили причиной [всех] бедствий.

Димитрий часто повелевал отправлять из Кром воззвания к московскому войску и подбрасывать в народ письма, в коих увещевал их: доколе хотят они оставаться слепыми, когда с несомненностью видят, что вся страна предалась ему и они сами скоро станут под его знамена, говоря им: «Не стыдно ли вам, люди, быть такими пентюхами (soo bot syt) и не замечать, что служите изменнику отечества, чьи

деяния вам хорошо ведомы и как овладел он короною и какому утешению подверг он все знатные роды, — моих родственников, полагая, что, когда изведет их, то будет жить без печали». Также говорил он: «Поставьте меня перед Мстиславским и мою мать, которая, я знаю, еще жива, но терпит великое бедствие под властью Годуновых, и коли скажут они, что я не истинный Димитрий, то изрубите меня на тысячу кусков». Такими и многими другими подобными речами привлек он к себе сердца почти всего народа. Даже все военачальники, не принадлежавшие к родне Бориса, хорошо знавшие все деяния Бориса и каков он был, частенько помышляли: «О, когда бы Димитрий был нашим царем», ибо взирали на него, как на восходящее солнце, хотя и не верили, что он законный наследник, но не смели утверждать и многие каждодневно перебегали к нему.

И все это время стояли под Кромами, где было не более четырех тысяч человек, и [московское войско] насчитывало добрых триста тысяч человек, ибо к нему каждодневно прибывала подмога; и каждый божий день двести или триста пеших казаков с длинными пищалями делали вылазки из Кром, выманивали из лагеря некоторых охотников добыть себе чести, полагавших, что они верхами достигнут казаков, но казаки, столь искусны в стрельбе из мушкетов и длинных пищалей, что не давали промаха и всегда подстреливали всадника или лошадь и так каждодневно кляли мертвыми тридцать, пятьдесят, шестьдесят воинов из московского войска, среди коих было много молодых, красивых дворян и были люди, искавшие себе чести (*die eere wilden behalen*); и пока Корела, атаман, был здоров, московиты не знали покоя: то внезапно нападали на них, то обстреливали, то глумились над ними или обманывали. Да и на гору часто выходила потаскуха (*hoere*) в чем мать родила (*moedernaest*), которая пела поносные песни о московских воеводах, и [совершалось] много другого, о чем непристойно рассказывать; и войско московитов к стыду своему должно было все это сносить, и стреляли они всегда из своих тяжелых пушек (*groft gescut*) попусту, ибо не причиняли и не могли причинить кому-нибудь вреда; в Кромах между тем беспрестанно трубили в трубы, шли и бражничали (*slempen*), одним словом, всюду была измена (*seelmege*), и в московском лагере дела шли не чисто, ибо воеводы не только не отправляли должности, но сверх того было заметно, что они сносились с Димитрием, хотя еще и не отважились на измену, ибо в темные ночи часто находили между турами (*scanscorven*) мешки с порохом, которые уносили лазутчики из Кром в присутствии часовых, и много других подобных [дел] ¹¹⁶.

Казаки—искусные стрельцы

Храброе сопро-
тивление в
Кромах.

Борис прихо-
дит в отчаяние

В Кромы из московского лагеря также часто летали стрелы с привязанными к ним письмами, в которых сообщалось обо всем, что происходит в Москве и в лагере, так что приверженцы Димитрия знали все, что делалось в Москве, как обстоят дела с Борисом, и что он предпринимал и учинял, и в каком находился страхе, и о том, как роптал народ в Москве, где многие начали верить, что то истинный Димитрий; так что, получая эти известия, Димитрий был уверен в том, что завладеет этой страной; того ради он не тревожил лагерь под Кромами. И те, что сидели в Кромах, одно время держали себя тихо и только изредка отражали несильные нападения, ибо Корела был тяжело ранен, и без него не могли измыслить средств причинить вред москвитам, и когда он выздоровел, все пошло попрежнему.

Царь Борис, видя, что в Москве ему во всем неудача и что войско его ни в чем не успевает и что сверх того со всех краев стекаются к Димитрию и предаются на его сторону, и видя и слыша каждодневно также от своих согладатаев, которые были повсюду, что народ начинает верить, что это истинный Димитрий, и что все города заколебались и стали непокорными и медлят посылать ратников на войну, ибо не видят, когда будет тому конец, то он, [Борис], сам стал сомневаться и думать, не истинный ли то Димитрий и вознамерился, впад в отчаяние, истребить весь город Углич со всеми его жителями за то, что Димитрий бежал оттуда; однако, услышав страшные клятвы патриарха и епископов, также князя Василия Ивановича Шуйского, который клялся в том, что собственноручно положил во гроб и похоронил истинного Димитрия, он оставил [это намерение], и сверх того говорили ему: «Когда будете вы так казнить народ неповинно, то он отпадет от вас, подобно тому, как поступил народ в Комарицкой волости и Северской земле, ибо вы дозволили столь [жестoko] обращаться со своим собственным народом за то, что он предался Димитрию, но они не разумеют того, и так неповинные были погублены вместе с виновными и весьма жестоко (barbarisch)».

Таковы были речи, удержавшие Бориса от казней. С того времени он почти совсем не выходил из дому и на свое место посылал сына, и он [Борис], почти лишился рассудка и не знал, верить ли ему, что Димитрий жив или что он умер, так был расстроен его ум; тогда решился он испытать крайнее средство, и в случае неудачи вознамерился лишить себя жизни.

И призвав к себе Петра Федоровича Басманова, доблестного витязя, который так верно служил ему в земле Северской и других местах, как о том было рассказано, и [хотя] он был низкого рода,

[Борис] обещал выдать за него свою дочь и дать [за ней в приданое] царство Казанское и Астраханское и всю Сибирь (Sibiria), то же, что ранее он обещал Мстиславскому, который все еще был главным воеводою, но видя, что тот бездействовал и не мог поступить пообещанному, [царь] стал недоверять ему, полагая, что он не сдержал или не мог сдержать своего обещания, прилагает мало старания и сделался изменником.

Того ради Борис решил отозвать его в Москву, а с ним также и Шуйского. Басманов обещал и поклялся, коль скоро то не истинный Димитрий, то он его схватит и лишит жизни или сам сложит голову (oft selver den hals daerin laeten), но когда истинный, то он почтет невозможным умертвить его и даже не помыслит сражаться против него; на что царь Борис, а с ним многие другие поклялись ему великими клятвами, что то не истинный [Димитрий], а расстрига, что значит монах, как о том выше было сказано; после чего Басманов вышел.

И когда Басманов вышел из царских покоев (kamer), то встретил в передней Симеона Никитича Годунова, самого ближнего к царю боярина, которого прозвали правым ухом царевым, и он слыл в народе жестоким тираном, как о том было сказано, и когда он спросил Басманова, что обещал ему царь, Басманов, отлично зная, что Симеону Годунову, но никому другому, должно все открыть, поведал ему [о царевом обещании], на что Симеон отвечал: «Ах, употребите все старания, чтобы умертвить Димитрия, или пусть это сделают по вашему повелению, ибо мне приснилось, что он истинный царевич, и я сам его боюсь, и когда вы это исполните, то станете ближе всех к царю». Но Басманов схоронил эти слова в сердце своем, помыслив: когда я все успешно исполню, то не добьюсь почета и ничего не получу из обещанного, ибо он давал обещания многим более знатным [людям] и не держал слова; того ради он, [Басманов], помышлял об ином, страшась прогневить бога, ибо полагал, что тот [Димитрий] истинный, и вознамерился предаться ему, но не разглашал о том, а держал все втайне и оставался некоторое время еще в Москве.

Так сильно прогневался всемогущий бог на эту страну и народ, что [по его попущению] люди от снов и размышлений уверились в том, чего, как они сами хорошо знали, не было, сверх того заставил царя Бориса и жестокосердную жену его, бывшую главной причиной тираннии Бориса, против их воли тому поверить, так что они послали за матерью [царевича] Димитрия, убиенного в Угличе, которая была седьмой женой Иоанна Васильевича, как о том было ска-

Басманов поставлен главным воеводою над московским войском; Борис обещал ему выдать за него дочь, если он победит Димитрия

Жестокосер-
дая жена Бо-
риса

Борис посы-
лает в Швецию
просить о по-
мощи

зано в его жизнеописании; эта бывшая царица была инокиней в одном дальнем от Москвы монастыре, и как только впервые разнесся слух об этом Димитрии, ее перевели в более дальнюю пустынь, куда не заходил ни один человек и где ее строго стерегли двое негодяев, чтобы никто не мог прийти к ней. Борис повелел тайно привести ее оттуда в Москву и провести в его спальню, где он вместе со своею женою сурово допрашивал [Марфу], как она полагает, жив ли ее сын или нет; сперва она отвечала, что не знает, тогда жена Бориса возразила: «Говори, б.... то, что ты хорошо знаешь!» и ткнула ей горящею свечою в глаза и выжгла бы их, когда бы царь не вступился, так жестокосерда была жена Бориса; после этого старая царица Марфа сказала, что сын ее еще жив, но что его тайно, без ее ведома, увезли из страны, но впоследствии она узнала о том от людей, которых уже нет в живых; так сказала она по попущению божьему, ибо сама достоверно знала, что сын ее умер и погребен. Борис велел увести ее, заточить в другую пустынь и стеречь еще строже, но когда бы могла ею распорядиться жена [Бориса], то она бы давно велела умертвить ее, и хотя это было совершенно втайне, Димитрий узнал обо всем. Всемогущий бог знает, кто поведал ему [Димитрию] о том; некоторые, мнящие себя всеведущими, говорят, что нечистая сила открывала ему все и во всем подавала ему помощь.

Борис также отправил посольство в Швецию к королю Карлу с просьбою о помощи против врагов, но так как Борис в скорости умер, посол не успел еще выехать [из Московии] и был в Новгороде, и он вернулся в Москву после смерти Бориса.

Также думный дьяк Афанасий Власов был отправлен к войску с большими деньгами, чтобы раздать их воинам и расположить их этим, с ним отправил Борис также письмо польского короля, в коем тот оправдывал себя [от обвинения] в помощи Димитрию, которого он даже не знал. И это письмо прочли в лагере перед всем войском, но все еще было [всё равно], что стучать в дверь глухого, и на другой день в Кромах знали уже обо всем и глумились над ними, одним словом, Кромь и большая часть московского войска были заодно и выжидали только удобного времени, чтобы сойтись и соединиться всем в одно войско.

Меж тем в Москву каждодневно один за другим прибывали гонимы и каждый с дурными известиями: один говорил, что тот или тот предан Димитрию; другой говорил, что большое войско идет из Польши; третий говорил, что все московские воеводы изменники; сверх того народ в Москве с каждым днем все больше и больше

роптал, невзирая на то, что его казнили смертью, жгли [каленным железом] и пытали, но ожесточался так, что Борис решился лучше лишиться себя жизни, чем попасть в руки Димитрия, который, как он полагал, обесчестит его и во время своего торжества поведет [за собою] на поругание перед всем светом.

13 апреля по старому стилю Борис был весьма весел, или представлялся таким, весьма много ел за обедом и был радостнее, чем привыкли видеть его приближенные. Отобедав он отправился в высокий терем (hoog partael), откуда мог видеть всю Москву с ее окрестностями, и полагают, что там он принял яд, ибо как только он сошел в залу, то послал за патриархом и епископами, чтобы они принесли ему монашеский клобук (monixcappe) и тотчас постригли его, ибо он умирал, и как только эти лица (deese vogels) сотворили молитву, постригли его и надели на него клобук, он испустил дух и скончался около трех часов пополудни¹¹⁸.

Борис принимает яд и умирает

Добрых два часа, пока слух [о смерти Бориса] не распространился во дворце и в Москве, было тихо, но потом внезапно слышали великий шум, поднятый служилыми людьми (heegen), которые во весь опор с оружием скакали на конях к Кремлю, а также все стрельцы со своим оружием, но никто еще ничего не говорил и не знал, зачем они так быстро мчатся в Кремль; мы подозревали, что царь умер, однако, никто не осмеливался сказать; на другой день узнали об этом повсюду, когда все служилые люди и придворные в трауре отправились в Кремль; доктора, бывшие наверху, тотчас увидели, что это случилось от яду и сказали об этом царице и никому более. И народ московский тотчас был созван в Кремль присягать царице и ее сыну, что и свершили, и все принесли присягу, как бояре, дворяне, купцы, так и простой народ; также посланы были по всем городам, которые еще соблюдали верность Москве, гонды для приведения [их] к присяге царице и ее сыну, как то: в Псков, Новгород, Ивангород, Ростов, Переяславль, Ярославль, Вологду, Пермь, Каргополь, (Cargopolia), Устюг, Тотьму, Холмогоры (Colmogoro), Кондию, Обдорию, Сибирь, Лапландию (Lappia), и далее во все тамошние страны, тогда как области близ Польши, земля Северская и Астрахань остались так, как они были, но Казань присягнула вместе с Москвою; и так Марья Григорьевна стала царицею и сын ее, Федор Борисович, царем всея Руси 16 апреля 1605 года.

Супруга его вместе с сыном вступает на престол

Борис был дороден и коренаст (onderset), невысокого роста, лицо имел круглое, волосы и бороду—поседевшие, однако, ходил с трудом по причине подагры, от которой часто страдал¹¹⁹, и это оттого, что

Описание дел
Бориса

ему приходилось много стоять и ходить, как обыкновенно случается с московскими боярами, ибо они безотлучно принуждены находиться при дворе и там целые дни стоять возле царя, без присесту, три или четыре дня кряду; такую тяжелую жизнь ведут московские бояре, чем выше они стоят, тем меньше видят покоя и тем больше живут в страхе и стеснении, но не оставляют во всякое время стремиться к возвышению.

Его управ-
ление

Борис был весьма милостив и любезен к иноземцам, и у него была сильная память, и хотя он не умел ни читать, ни писать, тем не менее знал всё лучше тех, которые много писали; ему было пятьдесят пять или пятьдесят шесть лет, и когда бы все шло по его воле, он совершил бы много великих дел; за время [своего правления] он весьма украсил Москву, а также издал добрые законы и привилегии, повелев на всех перекрестках поставить караульни и большие рогатки, которые загоразивали улицы так, что каждая уподоблялась особому городу; также предписал он по вечерам ходить с фонарями под страхом пени в один талер за ослушание. Одним словом, он, [Борис], был искусен в управлении (polityck) и любил возводить постройки; еще во время [царствования] Федора построил вокруг Москвы высокую стену из плитняка; также повелев обнести стеною Смоленск; также на границе с Татарами повелев заложить укрепленный город, который нарек своим именем—Борис-город; но он больше верил священникам и монахам, нежели своим самым преданным боярам, а также слишком доверял льстедам (pluymstryckers) и наушникам (oorblasers), и допустил совратить себя и сделался тираном и повелев извести все знатнейшие роды, как было сказано, и главной к тому причиной было то, что он допустил этих негодяев, а также свою жестокую жену совратить себя, ибо сам по себе он не был таким тираном.

Поощряет
наушников

Он был великим врагом тех, которые брали взятки и подарки, и знатных вельмож и дьяков он велел предавать за то публичной казни, но это не помогало¹²⁰.

Его погребают
и раздают ми-
лостыню

Он был погребен в Архангельской церкви, в Кремле, где погребают всех царей, и весь народ, по их обычаю, громко вопил и плакал.

Незадолго перед тем умер Димитрий Иванович Годунов, его, [Бориса], дядя, старший в роде Годуновых; [тело] этого Димитрия Годунова повезли в Кострому, [город] на реке Волге, и похоронили там в усыпальнице Годуновых.

И шесть недель после смерти Бориса раздавали милостыню и роздали в эти шесть недель семьдесят тысяч рублей, что составляет на голландские деньги четыреста девяносто тысяч гульденов, и все эти

шесть недель во всех монастырях служили по нем заукокойные обеды (sielmisse).

Тогда только был отправлен к войску Петр Басманов с полномочиями как главный воевода, чтобы объявить о смерти царя Бориса и привести войско к присяге молодому царю, как своему государю и главе всего московского царства¹²¹.

Басманов отправлен к войску как главный воевода

Еще до того как Басманов прибыл в лагерь, воины Дмитрия кричали московскому войску, что Борис умер, но москвиты не хотели этому верить, пока сам Басманов не явился к войску с этим известием.

Меж тем молодым царем были отозваны от войска в Москву князь Федор Иванович Мстиславский и оба князя Шуйские, и они должны были передать все управление в руки Басманова, вступившего в должность; и они прибыли в Москву весьма дурно и тайком (heel sleecht en invisibel) и держали себя смиренно, хотя и были первыми боярами земли; при войске однако остались родственники Годунова в помощь Басманову.

В Москве после смерти Бориса повсюду началось волнение и народ становился все бесчинней, большими толпами сбегался ко дворцу, крича о знатных боярах, бывших при Борисе в немилости и ссылке, другие кричали о матери Дмитрия, старой царице, что ее надобно посадить у городских ворот, дабы каждый мог услышать от нее, жив ли еще ее сын или нет.

Народ в Москве ропщет

Между вельможами также была сильная распря, ибо Годуновы были почти низвергнуты и потому не переставали завидовать тем, что уцелели из знатных родов, ибо страшились, что они возвысятся, когда Дмитрий станет царем. Да Симеон Никитич Годунов убил бы Мстиславского, когда б тому кто-то не помешал, и он называл его, [Мстиславского], изменником Московии и другими подобными [именами].

Народ ежедневно роптал и взывал о старой царице и старых боярах, которые жили в бедствии в разных местах, так что [Годуновы] принуждены были обещать, что все старые бояре, которые остались в живых, будут в скорости возвращены в Москву; но о матери Дмитрия царице не хотела и слышать, а повелевала строго стеречь ее в пустыне, страшась, что она скажет, что Дмитрий еще жив, чтобы избавиться от заточения и отмстить врагам своим. Народ, [угрожая] силою, требовал [ее возвращения] и говорил весьма дерзко, так что великий страх обуял двор, и князь Василий Иванович Шуйский вышел к народу и говорил с ним и держал прекрасную речь, начав

с того, что они за свои грехи навлекли на себя гнев божий, наказующий страну такими тяжкими карами, как это они каждый день видят; сверх того его приводит в удивление, что они все еще коснеют в злобе своей, склоняются к такой перемене, которая ведет к распаденню отечества, также к искоренению святой веры и разрушению пречистого святилища в Москве, и клялся страшными клятвами, что истинный Димитрий не жив и не может быть в живых, и показывал свои руки, которыми он сам полагал во гроб истинного [Димитрия], который погребен в Угличе, и говорил, что это расстрига, беглый монах, наученный дьяволом и ниспосланный в наказание за тяжкие грехи, и увещевал [народ] исправиться и кунно [gesamenderhant] молить бога о милости и оставаться твердым до конца; тогда все может окончиться добром.

Эта речь немного поуспокоила народ; и сверх того, получив помилование, каждый день возвращались в Москву опальные, которые были сосланы Борисом; сверх того прибыл также в Москву и князь Иван Михайлович Воротынский, бывший по воле Бориса около двадцати пяти лет в изгнании; и он был знатного происхождения и весьма древнего рода.

Мы уже рассказали, как Петра Федоровича Басманова послали в лагерь, и он прибыл туда 21 апреля и принял главное начальство над войском, и к нему [в помощь] были приставлены некоторые из Годуновых, как-то Иван Иванович и другие, а также два князя Голицыных.

Басманов тотчас повелел объявить о смерти Бориса и увещевал войско служить верно молодому государю и быть ему послушным как главному воеводе, поставленному царем, также повелел он вторично прочесть помянутое письмо короля польского, но меж тем рассылал каждый день по всему лагерю людей, которые подслушивали, что там говорили, и доносили обо всем ему, так что открылось, что больше [людей] на стороне Димитрия, чем на стороне московитов. Басманов, зрело поразмыслив обо всем, постарался употребить все средства, чтобы привлечь все войско на сторону Димитрия с возможно меньшим кровопролитием, и послал тайно к Димитрию, дабы рассудить вместе с ним, как сие привести в исполнение.

Однако Басманов наперед оправдывал себя тем, что не знал ничего иного, и полагал, что то истинный Димитрий, и притом для большего уверения приводил слова Симеона Никитича, сказанные ему, когда он выходил из покоев Бориса, и Борис поставил его главным воеводою. И весьма оправдывал себя, говоря, что его поступок не измена, ибо он

Басманов убеж-
дается, что то
истинный Ди-
митрий

принесет отечеству не несчастье, а гораздо больше счастья, и, наконец, приводил в свое оправдание великую тиранию Бориса, искоренение древних родов, также бедствия, бывшие во время его [Бориса] правления, полагая, что они произошли не от чего другого, а оттого, что Борис незаконно овладел престолом и был жив законный наследник, ныне открывшийся по благодати всемогущего провидения; того ради он, [Басманов], будет служить тому, кто пришел законно, одним словом, он повел дело так искусно, что потом ни одна сторона не знала, как это происходило, и никто также не знал, ни в Кромах, ни в московском войске, где был Димитрий.

Меж тем кромляне вели себя тихо, и только иногда делали вылазки, ибо в то время была оттепель и везде выступила вода, так что каждый думал как бы уберечь самого себя, и болота мешали осаждающим [москвитам] подступить [к крепости], и они без надобности стреляли, словно для того, чтобы понапрасну расточать порох и свинец, и ночью многие перебежали в Кромы и передавали все, что происходило в лагере, и как совещались о внезапном нападении на лагерь.

Басманов, согласившись обо всем с Димитрием, назначил день 7 мая по старому стилю, кромляне должны были в тот день быть настороже, а также готовыми напасть, и Басманов должен был рано утром повелеть схватить в палатках и перевязать всех полковников и капитанов и провозгласить: да хранит бог Димитрия, даря вся Русь! Каким бы диковинным и невероятным казался этот план, однакож был осуществлен, ибо на то, очевидно, было божье соизволение, и Басманов имел верные известия, что большая часть [войска] была на стороне Димитрия, а не на стороне Москвы, и казалось, что схватиться могли со дня на день, так что до назначенного дня все время держали наготове [воинов] на нескольких постах (*in senige quartieren*), но в этот день как раз не соблюли этого.

7 мая около четырех часов утра кромляне, а также те, что были изменниками в московском войске, во главе со своим предводителем Басмановым были настороже; и тотчас примчался из лагеря на вороном коне всадник почти к самому кромскому валу, и то было сигналом, и тотчас кромляне, подобно быстрому вихрю, напустились со всех сторон на лагерь, так что ни часовые, ни кто другой не успели единого слова вымолвить, а меж тем в лагере перевязали по рукам и ногам всех начальников и отправили их с димитриевцами в Кромы, а те, что были в московском войске, подожгли со всех концов собственный лагерь. Москвиты, не звавшие об этом умысле, приведены были в такой

Басманов вероломно предает все московское войско Димитрию

великий страх, что некоторые побросали оружие, другие одежду и так быстро рассыпались в разные стороны, что на это нельзя было взглянуть без удивления¹²².

Меж тем все приверженцы Димитрия тысячами перебегали на другую сторону; да и бежали так быстро, что мост, [наведенный] через реку, текущую под Кромами, на котором стояло три или четыре священника с крестами, чтобы привести народ к присяге, что совершается у них целованием креста, этот мост погрузился, так что иные всплыли наверх, иные, думая добежать по воде (*door water loopen*), тонули, иные плыли верхом на лошадях, одним словом, было такое смятение, что, казалось, земля и небо переходят; помимо того один бежал в свой край, другой в свою деревню, третий в Москву, иные бежали в леса, не разумея, что происходит, и стреляли и кололи друг друга, как разъяренные звери, и никто не знал, чего ради он побежал; один кричал: «да хранит бог Димитрия», другой: «да хранит бог нашего Федора Борисовича», третий, никого не называя, говорил: «я буду служить тому, кто возьмет Москву». Итак, большая часть войска передалась Димитрию, а те, что не передались ему, разбежались каждый своим путем, а многие во время бегства были обуреваемы страхом столь великим, что побросали дорогою свои повозки и телеги, выпрягли из них лошадей, чтобы бежать скорее, полагая, что их преследуют. А гоньба и бегство (*jagen en vluchten*) через Москву продолжались три дня; и когда их спрашивали, чего ради обратились они в столь скорое бегство, они не умели ничего ответить; и когда бояре кремлевские хотели дознаться от них, они сварливо отвечали: ступайте сами туда и посмотрите; народ в Москве становился все более своевольным и ни о чем не спрашивал, но если бы кто-нибудь пришел, то отворил бы ворота и впустил его.

В это время прибыло в Москву около семидесяти немцев, тоже бежавших [из-под Кром], и молодой царь, весьма опечаленный, сердечно благодарил их, говорил с ними, сожалел о грядущем несчастье, и некоторые бояре, сидевшие подле него, смеялись в кулаки, но Годуновы помышляли об ином, хорошо зная, что им предстоит смерть, поэтому они роздали по монастырям все свои поместья и сокровища.

Во время великого смятения и поспешного перехода и перемены был связан и Басманов¹²³, дабы показать вид, что все случилось не с его ведома, но на другой стороне [реки] его вместе [с его людьми] скоро освободили; но Иван Иванович Годунов со многими другими воеводами лежал связанным в поле, как животное, и при нем стоял мальчик, опахалом отгонявший от него мух.

Князь Андрей Телятевский, родственник Годуновых, до последней возможности оставался у пушек, крича: «Стойте твердо и не измените своему государю», но так как на эти пушки скоро напали все, что были по близости, то он принужден был со своими [людьми] их покинуть и обратиться в бегство.

Басманов послал свой шиняк со значками ротмистру, начальствующему над немцами, которые еще держались возле своего знамени, и просил его перейти [в другой лагерь] и присягнуть законному государю и служить ему. Капитан не захотел, но когда его много раз призывали к тому, он передался вместе с другими, но семьдесят [воинов] соблюли присягу и бежали в Москву.

Эти немцы передавали нам, что никто не мог уразуметь, как и каким образом это случилось, и не знали, кто враг, кто друг, и метались, подобно пыли, ветром вздымаемой. Отсюда можно заключить, была ли на то воля божия, чтобы Дмитрий процарствовал некоторое время, которое было ему назначено, дабы он стал бичом для истязания московитов.

На другой день стало тише и все войско, пребывая вместе, как те, что сидели [в Кромах], так и находившиеся вне их, [в московском лагере], говорили: «Ах, когда бы нам хоть раз увидеть нашего царя Дмитрия, коему мы присягнули, не выдав его». На что некоторые отвечали: «Он в Курске [Curpsa], что в тридцати милях от Кром, и скоро прибудет сюда». Другие говорили: «Он в Рыльске, в пятидесяти милях от Кром». На другой день говорили, что он еще в Путивле; а день спустя говорили, что он бежал в Польшу, что он не истинный [Дмитрий], а злой дух, смутивший всю землю; итак, вселился в них новый страх, который, однако, уняли их начальники, говорившие: «Дождитесь конца, а до тех пор молчите». Многие также были в страхе при мысли о женах и детях и непрестанно сокрушались о том, что не бежали в Москву, и стыдились, что так постыдно передались [Дмитрию] и не соблюли клятву, которую они нележно принесли в Москве. Одним словом, они жили в страхе, не ведая, к какому еще все придет окончанию.

Три дня спустя после этой перемены вечером прибыло с одним московским дворянином, Борисом Лыковым (Boris Liicoff), письмо от Дмитрия, в коем он объявлял им о своих милостях, повелевая каждому по своей воле воротиться домой или же остаться с ним до тех пор, пока он въедет в Москву; так что многие отправились по домам, считая Дмитрия своим царем и великим князем.

В Москве еще все оставалось по-старому и еще каждодневно про-

ходили новые отряды ратников (*nieu volc*), словно следуя к войску. Но пройдя пять или шесть миль за Москву, они избирали другой путь: одни домой, а некоторые к Димитрию.

Димитрий
овладевает
почти всей
землею и посылает
письма к
народу в Мос-
кве

И Димитрий с войском, которое было с ним, самолично явился под Кромы и принял к себе большую часть поляков и казаков и некоторых русских, коим доверял, а остальных отправил частью в Тулу, частью в Калугу, город, лежащий неподалеку от Москвы, на реке Оке. И [они], взяв этот город, пошли затем на Серпухов, город в восемнадцати милях от Москвы, а под этим Серпуховым стояло много стрельцов или московских стрелков, кои, пребывая верными до конца, сражались за Москву; и это случилось 28 мая. Тогда великий страх овладел Москвой, и полагали, что все уже свершилось. Тогда стояла в Москве такая тишина, что можно было подивиться.

Димитрий отъехал в Тулу, где пробыл несколько дней, распустив часть своего войска, как поляков, так и других¹²⁴, наградив их деньгами и оставив при себе только казаков и некоторых поляков, а также обещав некоторым наградить их деньгами в Москве, когда бог возведет его на отцовский престол. И затем он повелел послать грамоты по всей стране и отправить гонцов возвещать повсюду о его победах, спрашивая также, уверились ли они в том, что он законный наследник. От чего все города заколебались, хотя гонцов принимали приветливо не повсюду и многих дорогою поубивали.

В Москве было тихо, только простой народ попрежнему роптал и помышлял предаться Димитрию, как только появится кто-нибудь из его приверженцев.

30 мая, около десяти часов утра, подошли к городу к Серпуховским воротам двое юношей, и им показалось, что они увидели вдалеке повозки или едущих людей, ибо дорога была весьма пыльная от песка, значит стояла жара, и они возомнили, что то не иначе, как [движется] неприятель, и как только они вошли в город, то закричали: «Люди, люди!» («Loedi, loedi»), и те, что были в городе, полагая, что то, не иначе как неприятель, побежали все, кто только мог, восклицая: «Войско, войско!» («Crysvolck, crysvolck») и, обращая друг друга в бегство, с такой прытью бежали по всем улицам Москвы, что тотчас весь город припел в волнение, и всяк бежал своим путем, полагая, что враг гонится за ним по пятам, и Москва загудела, как пчелиный улей. Кто спешил домой за оружием, кто спешил на рынок, чтобы купить хлеба и соли и идти встречать [вступавших в город], дабы снискать милость,—таков у них обычай, когда хотят кого принять, то встречают его, поднося хлеб-соль.

Одним словом, вся Москва была в волнении, и всякого обуял страх и никто не помышлял о защите, но всяк был готов впустить неприятеля; также бояре, царя и молодой царь не ведали, что происходит, и были полумертвы от страха, и чтобы узнать, что происходит [в городе], послали из Кремля людей, которые, видя, что народ так неистовствует и кричит, устали сами и поскакали своим путем, полагая, что все оставшие будут перебиты. И когда, наконец, смятение улеглось, то увидел, что ни с кем ничего не случилось и никого не было [из неприятелей], и даже не могли указать, кто возбудил это волнение. Потом подвергли некоторому наказанию тех двух [помянутых] юношей, и снова водворилась тишина.

Затем некоторые бояре вышли на большую площадь перед Кремлем, где было великое стечение народа, и спрашивали, что побуждает их каждодневно производить такое смятение, когда у них в Москве есть свой избранный царь, коему они, как христиане, присягнули быть верными до самой смерти и послушными, как своему господину, коего они сами над собой поставили, и когда была бы надобность в какой перемене, то могли бы они это сказать добром, а впредь не заводить такую суматоху, и что у них не было никакой причины так поступать, и увещевали [народ], повелев, чтобы каждый шел домой, а возмутителей, что вознамерятся произвести мятеж, повелели схватить, дабы подвергнуть их надлежащему наказанию; и так каждый пошел своей дорогою.

На следующий день пришло известие, что атаман Корея стоит со своими казаками в шести милях от Москвы, после чего в городе тотчас начали делать приготовления и подвозить пушки к стенам, но делали все так перадиво словно дурачились, так что и народ, [глядя на то], потешался и глумился; и я думаю, что все это делали для того, чтобы обуздать народ, ибо чрезвычайно страшились простого народа (*gemeyn peupel*), который был нищ и наг и сильно желал пограбить московских купцов, всех господ и некоторых богатых людей в Москве, так что воистину в Москве более страшились жителей, нежели неприятеля или димитриевцев. Ибо почти все они, то есть главные начальники, получали письма от Димитрия, но не подавали вида и ожидали его прибытия или посланий к народу, чтобы каждому приказать, что надлежит делать; но Годуновы перехватили много писем [Димитрия] и умертвили гонцов, так что ни одно письмо не дошло в Москве до слуха народа¹²⁵.

Я думаю, что в Москве в то время все драгоценные камни и деньги были схоронены, ибо в Московии таков обычай, что в бедственное время зарывают деньги и добро в земле, в лесах, погребях и разных

удиненных местах, от чего также многое пропадает, ибо они оставляют и никому не говорят где.

1 июня 1605 г., около девяти часов утра, впервые смело въехали в Москву два гонца Димитрия с грамотами к жителям, чтобы прочесть их на большой площади во всеуслышание перед всем народом, что поистине было дерзким предприятием, так явиться в город, который был еще свободным и за которым стояла вся страна, где еще был царь, облеченный полной властью; нет сомнения, они знали, куда клонятся сердца большинства вельмож и жителей и потому так откровенно въехали; также знали они, что молодой царь хотел идти навстречу Димитрию, пасть к ногам его и просить о милости и прощении, но его, [даря], мать этому воспротивилась. Того ради все вельможи в Москве пришли в смятение, не повинаясь ни дарице, ни одному из Годуновых, все более и более склонялись на сторону Димитрия, не считая добрых патриотов, коих поистине было мало, и они не смели и пикнуть, так как за это могли поплатиться жизнью.

Оба упомянутые гонца, прибыв верхом на площадь, тотчас были окружены тысячами простого народа, и тут узнали, что одного [гонца] звали Гаврилом Пушкиным (Gabriel Poescin), а другого Наумом Плещевым (Naum Plesecof), оба дворяне, родом из Москвы, кои первыми бежали к Димитрию; и они прочли во всеуслышание перед всем народом грамоту, которая гласила:

«Димитрий, божиею милостию царь и великий князь всея Руси, блаженной памяти покойного царя [Ивана] Васильевича истинный сын, находившийся по великой измене Годуновых столь долгое время в бедственном изгнании, как это всякому хорошо ведомо, желает всем москвитам счастья и здоровья; это уже двадцатое письмо, что я пишу к вам, но вы все еще остаетесь упорными и мятежными, также вы умертвили всех моих гонцов, не пожелав их выслушать, также не веря моим многократным правдивым уверениям, с которыми я столь часто обращался ко всем вам. Однако я верил и понимал, что то происходит не от вас, а от изменника Бориса и всех Годуновых, Вельяминовых, Сабуровых, всех изменников Московского царства, притеснявших вас до сего дня; и мои письма, как я разумею, также задержаны ими, и по их повелению умерщвлены гонцы. Того ради я прощаю вам все, что вы сделали против меня, ибо я не кровожаден, как тот, кого вы так долго признавали царем, как можно было хорошо заметить по моим несчастным подданным, коих я повсегда берег, как зениду моего ока, а по его [Бориса] повелению их предавали жалкой смерти, вешали, душили и продавали диким татарам; оттого вы легко могли приме-

тить, что он не был вашим законным защитником и несправедно завладел царством. Но все это вам прощаю опять, схватите ныне всех Годуновых с их приверженцами, как моих изменников, и держите их в заточении до моего прибытия в Москву, дабы я мог каждого наказать, как он того заслужил, но больше пусть никто в Москве не шевельнет пальцем, но храните все, и да будет над вами милость господня»¹²⁶.

Как только прочли это письмо, вся толпа пала ниц (or hangesichtigen), моля о милости и оправдываясь во всем, что они делали против [него], желая счастья царю и великому князю Димитрию Ивановичу всея Руси. И затем с великой яростью [народ] устремился в Кремль и схватил всех, кто принадлежал к роду Годуновых; также схватили они, царя с сыном и дочерью и посадили на воловозную телегу и так перевезли из дворца в их дом, где они жили до того, как Борис стал царем, и [этот дом] также был в Кремле и все время стоял пустым, ибо Борис считал недостойным жить в нем¹²⁷. И зная об этом доме, что в нем жил Борис, они, придя туда, поломали все на куски, швыряя и говоря, что все осквернено тираном, и ничего не оставили в целости, но разорвали и ломали всюду, куда приходили, также кинулись в город во все дома Годуновых и разграбили и расхищали их, так что даже не оставили ни одного гвоздя в стене, но расхищали все: лошадей, платья, деньги, мебель, и другие вещи; и схватили всех, кто был против Димитрия; также были ограблены некоторые невинные, как например доктора, аптекари и хирурги царя, хотя им самим и не причинили вреда¹²⁸; и те, у кого был враг, уж знали, как до него добраться. Но бояре, не принадлежавшие ни к одной партии (neutrale heeren), тотчас приняли меры и все привели в добрый порядок, хотя отнятое у тех, что были невинновы, пропало и его нельзя было сыскать, ибо грабила вся толпа; одним словом, Годуновых связали и заточили по темницам, каждого отдельно, равно как Вельяминовых и Сабуровых и всех их приверженцев; и все их дома были отданы на разграбление, и они были дочиста расхищены, так что грабители убивали друг друга, и во время грабежа некоторые забрались в погреба, где стояло вино, и они перевернули бочки, выбили днища и принялись пить, черпая одни шапками, другие сапогами и башмаками, и они с таким жаром предались пиятию, — на что они все там падали, — что потом нашли около пятидесяти [человек], упившихся до смерти; и когда расхищали все, то каждый пошел своею дорогою, но денег они почти совсем не добыли, ибо они были зарыты [в землю] или розданы по монастырям, ибо те, [что были ограблены], ожидали

свою участь и полагали тем приобрести царство небесное; итак, после полудня ярость [народа] утихла, да и многие, мужчины и женщины, были донага ограблены, однако принуждены это терпеть.

Около полуночи вновь началось большое волнение, так что ударили в набат во все колокола, и это было учинено несколькими негодаями, которые намеревались во время этого волнения вновь начать грабить, и они кричали друг другу, что некоторые из Годуновых были наготове с четырьмястами лошадями и вознамерились бежать через городские ворота, и будто бы они освободились из темницы, однако все это было ложью и напрасной тревогой, но тех, кто первые учинили ее, не могли пайти.

После того по всей стране, во все города отправили гонцов с грамотами от Димитрия, чтобы присягали истинному наследнику, коего так долго хранило провидение божие, и далее [были изложены] разные другие обстоятельства, которым, увы, все поверили, и приняли его за истинного Димитрия и велели по всем церквам молиться за Димитрия Ивановича, царя всея Руси.

Димитрий выпускает войско и отправляется в Тулу, куда ему привозят из Москвы много разных вещей

Также многие отправились из Москвы в лагерь, расположенный близ Тулы, в тридцати шести милях от Москвы, каждый привез подарок царю, просил прощения и изъявлял желание видеть его в Москве, куда тот должен был скоро прибыть; но в Туле он распустил много войска; также привезли туда из Москвы лошадей, кареты, снесь и припасы всякого рода и много денег из московской [царевой казны], чтобы раздать войску по повелению царя.

О, как были они ослеплены и в какую густую сеть тьмы уловлены, прогневив бога, который покарал их, ими же самими уготованным бичом!

Меж тем в Москве происходили диковинные события, ибо там вырыли усопшего царя Бориса и вынули его из гробницы и с большим презрением отвезли в предместье города, где погребли подле одного древнего небольшого монастыря, считая, что он недостоин покониться рядом с царями.

После того как все сие совершилось на наших глазах, всемогущий бог наслал на них еще и другое ослепление, ибо многие не верили, что Борис действительно умер, хотя они его сами дважды похоронили, и одни говорили, что он убежал и вместо него в могилу положили другого, другие говорили, что он верно бежал в Татарию, третьи говорили, что в Швецию; а большая часть верила тому, что английские купцы увезли его в Англию вместе с несметными сокровищами ¹²⁹.

Во время великого смятения, когда расхищали царские покои, некоторые нашли ангела, слепленного из воска, коего ангела повелел сделать покойный царь Борис, чтобы потом по нему отлить [такого же] из чистого золота, подобно тому, как он повелел сделать двенадцать апостолов для церкви Святая святых («Sweeta sweeti»), которую хотел воздвигнуть. Некоторые вытащили этого ангела и, за всю жизнь не выдав ничего подобного, кричали: «Смотрите, вот что нашли мы в гробу, где, полагали, лежит погребенный Борис, и он достоверно бежал», [в чем] весьма клялись, и всякий волей или неволей принужден был им верить, а некоторые также клялись, что видели Бориса сидящим за бочками в подвалах Годуновых и у него [там] была и пища и питье; одним словом, казалось, все люди обезумели и стали глухими, так легко они были поражены безумной слепотой.

Да, и ослепление было столь велико, что по всем дорогам на триста и четыреста миль от Москвы разослали гонцов, дабы повестить народу, что Борис бежал, так что вся земля пришла в волнение, твердо в том уверившись; и так твердо были уверены, что некоторые казаки искали Бориса на Волге, по деревням, а также в лесах; также мы [иноземцы] весьма страшились, что нас ограбят и умертвят, и мы были в дороге, направляясь к Архангельску, чтобы здесь вести торговлю и ожидать прибытия кораблей, и так как повсюду кричали, что нас преследуют, а также говорили, что мы увезли казну Бориса и его самого, то дорогою мы только и помышляли во всякий час, что нас ограбят, но по милости божией мы чудесным образом от этого убереглись. Можно только помыслить о том, как рука и гнев божий карали людей, но невозможно описать всего, что происходило в Московии.

Жестокая кара постигла Московию

Итак, вся земля уже была под властью Димитрия, только Астрахань еще противилась ему, и ее еще держали в осаде казаки, которых послал туда зимой Димитрий, чтобы занять ее, но они не могли ее взять и получили последний ответ от воеводы, принадлежавшего к роду Сабуровых, родственников Годунова, что он не желает сдавать такое могущественное царство и будет ожидать, кто завладеет Московским государством, тому он и передаст Астраханское царство; за такой ответ Димитрий оказал ему милость, и он не понес наказания, постигшего всех его родственников, и казаки ушли из-под Астрахани и отправились каждый во-свояси.

Димитрий с каждым днем подступал все ближе и ближе к Москве, проезжая за день не более одной мили по причине множества народа, каждодневно стекавшегося к нему со всех сторон, чтобы уз-

реть его и просить о милости, также многие бояре, также священники, епископы и монахи из Москвы, каждый с подарками; также каждодневно привозили из Москвы все, что было надобно для [содержания] царского двора; меж тем Димитрий вел продолжительные беседы с именитыми людьми (*metten volcke van aensien*), рассказывая им о своих приключениях, так, чтобы утвердить их в лучшем мнении о себе и стать любезным народу, и он наставлял тем людям многое, и они всему поверили, а были некоторые, которые [обо всем] знали лучше, но принуждены были на все говорить «аминь».

Все знатные
роды впадают
в немилость и
сылаются Ди-
митрием как
изменники оте-
чества.

Тем временем из Москвы были высланы все знатные семьи, бывшие сродни Борису, и многие их приверженцы¹³⁰. Ивана Васильевича Годунова с семьею сослали в опалу на татарскую границу, Степана Годунова также куда-то сослали в опалу и так далее; со всеми остальными поступили точно так же, как они прежде поступали с другими, но Симеона Никитича Годунова, который во время Бориса был великим тираном по отношению к народу, сослали в Переяславль и посадили в [темничный] погреб и, когда он просил есть, ему приносили камень; так постигла его жалкая смерть от голоду; из той же темницы освободили человека, которого он [Симеон Годунов] держал неповинно в заточении шесть лет; ему [этому узнику] привелось увидеть на своем месте первого после царя человека, который навлек на него это заточение. Так всякий находит возмездие, как говорит следующий стих:

*Sine caede ac sanguine pauci
Descendunt reges et sicca morte tyranni*

(Немногие цари уходят в тот мир без убийства и крови; сухою смертью умирают тираны...) ¹³¹

Убийство цари-
цы и ее сына

Меж тем Димитрий послал в Москву Андрея Шереметина (Andre Serevedinoff), большого негодяя, перебежавшего к нему одним из первых, с повелением тайно умертвить царицу, жену Бориса, а также сына ее таким способом, чтобы никто не проведал, что они умерщвлены, но распустил слух, что они сами отравились, а дочь [Бориса] оставить в живых и беречь ее до его [Димитрия] прибытия в Москву; и этот Андрей Шереметин отправился к царице и сыну, — который поистине был юный витязь и писанный красавец и все время подавал народу твердую надежду, что будет добрым, благочестивым даром, — и задушил их между двумя подушками, и таким жалким образом они лишились жизни¹³².

Отсюда можно видеть непостоянство счастья, и мы восплачем о нашей жизни здесь на земле и скажем вместе с мудрецом: *vanitas*

vanitatum et omnia vanitas, суета сует и всяческая суета¹³³, — или вос-
помянем также стихи Эобануса Гессуса, который так говорит о не-
постоянстве счастья:

Бедствия зем-
ные и непо-
стоянство сча-
стья

Qui nunc nascuntur, morientur tempore certo.
Quae plantata vides, auferet hora sequens,
Olim planta fuit, quae nunc succiditur arbor,
Quae nunc destruimus, structa fuere prius.
Nunc fletu nimio deducimus anxia vitae.
Tempora, nunc risu solvimur immodico
Omnia deprendi, nihili res esse, nec ulla.
Semper in infracto parte manere gradu.

(И те, которые ныне рождаются, умрут в определенное время, что видишь посаженным, следующий час унесет. Некогда было ростком то, что ныне срубается деревом; что ныне разрушаем, прежде было сооружено. То с чрезмерным плачем влачим трудные времена жизни, то разражаемся неумеренным смехом. Все отнимается, ничто не является вечным и ни в какой части вечно не пребывает в ненарушном движении.)¹³⁴

Как только царя и ее сын были умерщвлены—дочь оставлена в живых — туда, [где они были], привели несколько человек из [просто]го народа, и [убийцы] рассказали им, как мать и ее сын отравились, а дочь, говорили они, не выпила из кубка, в котором был яд, столько, чтобы от этого умереть¹³⁵; и видя мать и сына, лежащими в объятиях друг друга мертвыми, поверили тому, что им рассказали, и тотчас пошел по всей стране слух, что они сами себя отравили, и оба трупа, не совершая [над ними] никаких обрядов, отвезли в тот монастырь, где погребен был Борис, и закопали в землю, как животных¹³⁶. Тогда многие сердца были омрачены и не ведали о том [убиении], скорбя о бедственном положении страны, и отлично видели, что все идет неладно, и дню и ночи оплакивали свое несчастье и падение своего отечества, также весьма сожалели и никогда не могли забыть об юном витязе Федоре Борисовиче, но на все это была воля божия.

Димитрий весьма приблизился к Москве, но вступил в нее только, когда достоверно узнал, что вся страна признала его царем, и вступление свое он совершил 20 июня¹³⁷. И с ним было около восьми тысяч казаков и поляков, ехавших кругом него, и за ним следовало несметное войско, которое стало расходиться, как только он вступил в Москву; все улицы были полны народом так, что невозможно было протолкаться; все крыши были полны народом, также все стены и ворота, где он [Димитрий] должен был проехать; и все были в лучших нарядах и, считая Димитрия своим законным государем и ни-

Димитрий с
войском всту-
пает в Москву,
где его торже-
ственно встре-
чают

чего не зная [о нем] другого, плакали от радости. И миновав третью стену и Москву-реку и подъехав к Иерусалиму, — так называется церковь на горе, неподалеку от Кремля, — он остановился со всеми окружающими и сопровождавшими его людьми и, сидя на лошади, снял с головы свою царскую шапку и тотчас ее надел опять и, окинув взором великолепные стены и город, и несказанное множество народа, запрудившее все улицы, он, как это было видно, горько заплакал и возблагодарил бога за то, что тот продлил его жизнь и сподобил увидеть город отца своего, Москву, и своих любезных подданных, которых он сердечно любил. Много других подобных речей [говорил Димитрий], проливая горючие слезы, и многие плакали вместе с ним; но, увы, когда бы они знали, что то были крокодиловы слезы, то не плакали бы, а учинили бы что-нибудь шпос, но, повидимому, воля божия должна была исполниться.

Итак, когда он [Димитрий] остановился, навстречу ему вышли патриарх, епископы, священники и монахи с крестами, хоругвями и всею святынею, дабы проводить во дворец, и поднесли ему икону богородицы, чтобы он, по их обычаю, приложился к ней (*om dat te omhelsen en te cussen*), что дозволено только государям, и он [Димитрий] сошел с лошади и приложился к иконе; но совершил это не так, как надлежало бы по обычаю, и некоторые монахи, увидев это, весьма усомнились в том, что он москвит [родом], а также усомнились и в том, что он истинный царь, но не смели говорить; он же отлично приметив, что они на него так уставились и, быть может, хорошо их зная, на другой день велел их тайно умертвить и бросить в воду; и так проводили его в Кремль в торжественной процессии, под звон колоколов и всеобщих кликах: «Да здравствует наш царь Димитрий Иванович всея Руси!» И так ввели во дворец, где посадили на царский трон, и все вельможи поклонились ему до земли и признали его своим царем; и казаки и ратники были расставлены в Кремле с заряженными пищалями и в полном вооружении, и они даже вельможам отвечали грубо, так были они дерзки и ничего не боялись.

**Перемены в
Московском го-
сударстве**

Тотчас же последовали перемены при царском дворе, и все прежние чиновники, как то: дьяки (*cancelieren*), подьячие (*secretarissen*), конюшие (*stalmeesters*), ключники (*keldermesters*), стольники (*hoofmeesters*), ковары и слуги (*camerlingen*), были удалены и замещены теми, коим царь более доверял; также сменили правителей (*gouverneurs*) по всем областям, городам и другим владениям; и в придворные служители и пажы он взял к себе одних поляков, которые были проворнее

и расторопнее, также образованнее и умнее, чем московские придворные и дворяне, нигде, кроме своей родины, не бывавшие и большей частью не умевшие ни читать, ни писать и жившие, по обычаю русскому, как животные.

Меж тем послали за мнимой матерью Димитрия, которую, как о том выше сказано, Годуновы отправили в пустынь и перед своим концом повелели умертвить, но ее уберегли; и во всех городах, через которые она проезжала, народ торжественно встречал ее, как бывшую дарицу и седьмую жену царя Ивана Васильевича; в то время она была инокиней.

Подъехав к Москве, она остановилась в [селе] Тайнинском (Taininco), что в двух милях от Москвы, где был царский дворец, и сюда выехал навстречу к ней Димитрий с множеством вельмож и других людей. И они [Димитрий и Марфа] приветствовали друг друга, и весь народ вопил и плакал, ибо царственные мать и сын ее старались показать народу, что они долго не видались; увы, нет ничего удивительного, что она признала его своим сыном, хотя хорошо знала, что это не он, от чего ее жизнь не стала горше, но напротив, с нею обращались, как с дарицею, и ее торжественно ввели в Москву в Кремль, где ее поселили в Вознесенском монастыре¹³⁸ (Vosnesenie of hemelvaert Cristi) и где ее содержали и прислуживали ей, как дарице, и молодой царь каждодневно навещал ее, как свою мать, и молодых монахинь, живших с нею.

При въезде Марфы в Москву Димитрий сошел с лошади и вместе со всеми вельможами шел с обнаженною головою подле ее кареты до ее кельи, к великому изумлению народа. О, сколь искусны козни дьявола!

Потом он повелел начать приготовления к венчанию, хотя, по московскому обычаю, оно не могло быть совершено ранее 1 сентября, но он пожелал, чтобы день венчания был назначен скорее, что многим показалось странным, но они молчали; итак, 20 июля 1605 года¹³⁹ его венчали на царство в церкви богородицы, по московскому обычаю, подобно тому, как венчали прежних царей в Москве, с большим великолепием и торжеством. Епископы с коленопреклонением и большой церемонией возложили на его голову корону, перед ним бросали золотые монеты, и он ступал по золотой парче, и затем послали во все города гонцов возвестить о венчании, и все города прислали ему подарки, утверждая его тем на царство.

Он отпустил алебарщиков и многих других [воинов], вознаградив их за службу, и отправил их в Польшу; также некоторые на-

Димитрий
делает пригото-
вления к вен-
чанию

Распускает
войско

чальники были не весьма довольны, в том числе Адам Вишневедкий, вельможа из Белоруссии (Alba Russia), разгласивший, что он один издержал на него [Димитрия] несколько тысяч [гульденов] своих собственных денег, и его не вознаградили и не возместили ему [издержек], однако не упоминал о причине, быть может, он то заслужил, что с ним так поступили, но нам незачем обо [всем] этом говорить.

Также все казаки были щедро одарены и распущены, но некоторые также роптали, ибо каждый из них весьма охотно сам стал бы царем.

Он оставил в Москве атамана Корелу с частью казаков и хотел его возвысить, но Корела невысоко чтил мирские почести, сокровища и деньги, вел беспечную жизнь, каждодневно бражничал и не хотел быть вельможею по причине [принимаемых на себя] трудов.

Также отрешил он старого патриарха Иова¹⁴⁰ и повелел его проклясть перед всем народом, называя его Иудою и обвиняя в том, что он был виновником предательства Бориса, и сослал Иова в Старидский монастырь (Nastaretza), где он вел бедственную жизнь, и на его место был возведен другой патриарх, родом грек, лукавый негодяй, содомит и распутник (hoerenjager), которого ненавидел народ, однако это совершилось по воле царя.

И он назначил по собственному усмотрению всех начальников и офицеров, на которых он, как ему казалось, мог положиться, и тех, которые были слишком допытливы и чересчур много знали, он отставил, а также некоторых устранил.

Высшие бояре и патриоты земли, взирая на все это, были весьма опечалены, отлично приметив, что он не законный [царь], также были многие, которые слишком много болтали, и то были по большей части монахи и духовные особы, отлично знавшие тайны государства. Но тех, на кого пало подозрение, лишили жизни и устранили; также многих простых людей и граждан (borgers) в Москве, так что ночью и втайне только и делали, что пытали, убивали и губили людей, но все равно люди не могли молчать; на каждого, что-либо промолвившего против царя, доносили и лишали жизни и имущества. В таком положении была Москва, когда состоялся тайный заговор (datter al heymelycke weder teegen hem geconspireert), чтобы убить его [Димитрия], и главным зачинщиком (instrument) был Василий Иванович, Шуйский, хорошо знавший, что [Димитрий] не был законным [царем] и всегда это утверждавший, как уже было сказано; этот Василий Иванович Шуйский не оставил своего намерения, но часто советовался со своими приверженцами, коим он более всего доверял и среди

Многие погибают по воле Димитрия

Заговорщики против Димитрия пойманы в Москве

коих были как бояре, так и многие купцы, как убить Дмитрия, улучив для того удобное время; но это открылось, ибо некоторые проболтались, но они не знали обо всем с уверенностью и не могли привести тому надежных доказательств, однако некоторых [из оговоренных] подвергли жестоким пыткам, и одни из них признались, другие же нет, и этого Шуйского схватили и объявили изменником, который покушался убить царя, и присудили (geoordeelt) отрубить ему голову, что должно было свершиться 25 августа¹⁴¹, и его [Шуйского] привели в тот день на большую площадь перед Кремлем, окруженную восемью тысячами¹⁴² стрельцов, во главе с Басмановым, все хорошо вооруженные; и объезжая [народ], который был с виду весьма опечален тем, что этого боярина должны казнить, [Басманов] обратился к нему, сказав, что им [всем] надлежит быть твердо уверенными, что он [Шуйский] вознамерился снова возмутить землю, а также замыслил многие предательства ко вреду отечества, и [Басманов] говорил: «Наш царь милостив, он никого не велит казнить даже, если кто того вдвойне заслужил», и [говорил так], чтобы ожесточить сердца людей против этого боярина, ибо в народе была заметная печаль; и так он [Шуйский] стоял, окруженный [народом], перед большою плахою, в которую был воткнут топор, и пришел палач и стал раздевать его, и когда палач захотел снять с него также рубашку, весьма искусно обшитую золотой каймой и жемчугом, то он [Шуйский], желая умереть в ней, не пожелал ее отдать, меж тем медлили [с казнию], как бы ожидая помилования, что было весьма не по сраду Басманову и многим другим, желавшим, чтобы с ним тотчас покончили.

Наконец, из Кремля выехал дьяк, который не очень торопился, ибо сам желал смерти Шуйского, и [этот дьяк] привез [царский указ] о милости, что царь даровал ему [Шуйскому] жизнь, чему все граждане и жители Москвы весьма обрадовались; Басманов же, разъезжая кругом, говорил и восклицал: «О, сколь милостивого царя даровал нам бог, что он милует даже своих изменников, искавших лишить его жизни». И нет сомнения, все было сделано главным образом для того, чтобы склонить сердца людей к Дмитрию, чтобы и богатые и бедные твердо верили, что то истинный Дмитрий, и причиной этой милости, как [тогда] говорили, было заступничество старой царицы, его матери.

Потом был Иван Бучинский (Johan Boetsinsei) с братьями, поистине разумные вельможи (verstandige heeren), которых Дмитрий вывез с собой из Польши, и один из них был его главным секретарем,

находился во всякое время при нем и всегда советовал ему, чтобы он берег бояр, которых немного уцелело в Московии, и обращался с ними ласково и благосклонно, чем он достигнет большего, нежели убивая их, ибо, если он будет губить их, то люди могут возыметь подозрения (*achterdencken sygen*) и начнут помышлять, что он не истинный [Димитрий]. Один из этих Бучинских принадлежал к реформатской церкви, и они были по происхождению немцы.

Итак, Василию Ивановичу Шуйскому была дарована жизнь, и его вместе с двумя братьями, Димитрием и Иваном, отправили в ссылку или тюрьму (*in ballinescap oft in gevangenisse*) в Вятку, однако незадолго до праздника (*kersmisse*) по великим просьбам Бучинских [Шуйские] были помилованы и возвращены в Москву, но не переставали пещись об отечестве и противоборствовать всем ересям, которые, как они полагали, должны были распространиться, и с той же настойчивостью втайне составляли заговор, чтобы при удобном случае убить Димитрия, и каждый день то там, то здесь умерщвляли много людей, и бог воочию предостерегал Димитрия, но он был слеп и не примечал за москвитями, полагая, что они не дерзнут сделать то, о чем ему доносили.

Теперь надлежит нам сказать несколько слов о его жизни и домашних делах; прежде всего он послал много денег в Польшу для уплаты долгов всем, кто ему давал в долг; также наехали многие из Польши, которые добывали в Москве деньги, доставляя во дворец с купцами множество прекрасных драгоценных камней и другого узорочья, и он все покупал, и если приносили вещи не диковинные, то он был такой охотник до покупок, что те, кто их приносил, тотчас получали деньги и отъезжали обратно.

Он повелел выстроить над большою кремлевской стеною великолешные палаты (*wooninge*), откуда мог видеть всю Москву, ибо они были воздвигнуты на высокой горе, под которою протекала река Москва, и повелел выстроить два здания, одно подле другого, под углом (*gelys senen winkelhaeck*), одно для будущей царицы, а другое для него самого, и вот приблизительно верное изображение этих палат, возведенных наверху кремлевской стены в Москве; и так стояли палаты на высоких тройных стенах (*op de hooge mueren die 3 dubbel dick syn*)¹⁴³.

Внутри этих описанных выше палат он повелел поставить весьма дорогие балдахины, выложенные золотом, а стены увесить дорогою парчею и рытым бархатом, все гвозди, крюки, цепи и дверные петли покрыть толстым слоем позолоты; и повелел внутри

Новый дворец,
построенный
Димитрием

искусно выложить печи различными великолепными украшениями, все окна обить отличным кармазиновым сукном; повелел также построить великолепные бани и прекрасные башни; сверх того он повелел построить еще и конюшню, рядом со своими палатами, хотя уже была одна большая конюшня при [большом] дворце (palleyse); он повелел в описанном выше дворце также устроить множество потаенных дверей и ходов, из чего можно видеть, что он в том следовал примеру тиранов, и во всякое время имел заботу [об этом] (altyt wat op de leeden hadde).

Также повелел он разыскивать по всей стране самых лучших и злых собак, и почти каждое воскресенье он тешился с ними на заднем [дворцовом] дворе, куда привозили в клетках множество медведей, и он выпускал их на собак; также приказывал он некоторым знатнейшим дворянам, которые по большей части были отличными охотниками, выходить на медведей с рогатиною (swynspriet), и некоторые [охотники] проявляли поистине геройскую отвагу, и я сам видел, как многие выходили на большого, свирепого медведя с одною рогатиною и так ловко вонзали ее ему в горло или в грудь, что было прямо невероятно, и хотя по большей части их руки бывали изранены, они одерживали победу, но ежели бы кто промахнулся, то мог бы поплатиться жизнью; вокруг стояли охотники с вилами, следившие за медведями, и в случае промаха [борца] тотчас пронзали медведю горло; поистине отвратительное зрелище (afgryselijke speculatie); он и сам пожелал выйти на злобных медведей, но по неотступным просьбам вельмож отложил свое намерение.

Также часто выезжал он из Москвы охотиться в поле, куда по его повелению выпускали медведей, волков и лисид, и он преследовал их с великой отвагою; он в один день загонял по нескольку лошадей и часто менял платье. Поистине он был лихой наездник (helt te peerde)¹⁴⁴, как бы ни была дика лошадь, он укрощал ее своими руками, чему все дивились, хотя там все хорошие наездники, ибо они с детства до самой смерти ездят верхом; в Москве каждый купец, даже не богатый, держит лошадей, и из одной усадьбы в другую пересезжает верхом, и лошади и их прокорм там дешевы, ибо в урожайное время содержание лошади там может стоить четыре ливра в год; он также был искусным правителем и все установленные им законы в государстве (alle wetten stellende in den regimente) были безупречны и хороши и он сам нередко наставлял чиновников¹⁴⁵.

Он также возмнил, что ему недовольно владеть Московиею, но помышлял о завоевании всей Татарии, Швеции и Дании, полагая,

Любит охоту

Величие Дмитрия

что то будет нетрудно привести в исполнение, но прежде всего он устремил взоры на Татарию; он был отважным воином и охотно смотрел на кровопролитие, но не давал этого приметить и держал все в глубокой тайне (*maer hiel de dief noch in de mouwe*), также обладал неимоверной силой в руках.

Начинает
узнавать мос-
ковитов, уст-
раивает креп-
кую стражу

* Присмотревшись к обычаям московитов, он стал осторожнее и удвоил стражу во дворце, также отобрал из немцев и ливонцев триста самых рослых и храбрых воинов и поставил из них двести алебардщиками и сто трабантами (*hartsiers*), и во время его выходов они всегда окружали его; велел им роскошно одеваться, он дал им большое жалованье и весьма возвысил их, также велел одеть их в немедкое платье; над трабантами, среди которых было много шведских и ливонских дворян, он поставил капитаном Якова Маржерета (*Mar-gueret*), бывшего прежде капитаном немецкого отряда, и они были весьма роскошно одеты в бархат и золотую парчу, носили дорогие плащи и позолоченные протазаны с древками, покрытыми красным бархатом и увитыми серебряною проволокою. И каждая сотня алебардщиков имела своего капитана; один из них был шотландец, по имени Альбрехт Лантон (*Albrecht Lanton*), и его воины носили кафтаны фиолетового сукна (*in peerts laecken*) с обшивкой из зеленого бархату, другой капитан был Матвей Кнутсен (*Matthys Snoetsen*) из Дании, который при Борисе, после [смерти] герцога Иоанна, поступил на царскую службу, и его воины также носили кафтаны фиолетового сукна с обшивкой из красного бархату; и эти три капитана вместе с лейтенантами были пожалованы деревнями и землями и сверх того ежегодно получали большое жалованье. Также алебардщики и трабанты были щедро одарены и должны были всегда окружать царя, а некоторые из них — поочередно держать почной караул во дворце; и когда царь выезжал верхом, то трабанты также должны были следовать за ним верхом, ибо у каждого из них была лошадь; а алебардщики провожали царя пешком до ворот, где и ожидали его возвращения, и трабанты имели при себе каждый раз, когда выезжали, заряженные пистолеты ¹⁴⁶.

Стража преж-
них государей

Это казалось московитам весьма диковинным, ибо они ничего подобного не видали и не знали, что об этом думать, ибо все московские прирожденные цари выезжали верхом в сопровождении одних стрельцов. И последних Димитрий держал постоянно при себе, две или три тысячи человек, вооруженных длинными пищалями; он повелевал также отливать много пушек, хотя их было много в Москве. Сверх того он иногда приказывал строить крепостцы и брать их приступом

и обстреливать из больших пушек, в чем принимал участие сам, как простой воин, и не пренебрегал никакою работою, желая вселить в московитов доброе разумение, как вести войну, и однажды повелел сделать чудище—крепость, двигавшуюся на колесах, с многими маленькими полевыми пушками внутри и разного рода огнестрельными припасами, чтобы употребить [эту крепость] против татар и тем устрашить как их самих, так и их лошадей, и поистине это было измышлено им весьма хитроумно. Зимой эту крепость выставили на реке Москве на лед, и он [Димитрий] повелел отряду польских всадников ее осадить и взять приступом, на что он мог взирать сверху из своих палат и все отлично видеть, и ему мнилось, что эта [крепость] весьма удобна для выполнения его намерения, и она была весьма искусно сделана и вся раскрашена; на дверях были изображены слоны, а окна подобно тому, как изображают врата ада, и они должны были извергать пламя, и внизу были окошки, подобные головам чертей, где были поставлены маленькие пушки. Поистине, когда бы эту крепость употребили против таких врагов, как татары, то тотчас же привели бы их в замешательство и обратили в бегство, ибо это было весьма искусно придумано. Того ради московиты прозвали ее чудищем ада, и после смерти Димитрия, которого они называли чародеем, говорили, что он на время запер там чорта, и там его [Димитрия] также сожгли¹⁴⁷.

Он повелел также отлить много мортир (mortieren), чтобы стрелять ядрами (vierballen), и часто испытывал их; сверх того он часто вместе с дворянами принимал участие в военных забавах (lustich stormende crychswyse) и часто подвергал себя опасности (alte bloot gof), и однажды заговорщики положили убить его во время подобной игры, но страх помешал им; и он также возвысил князя Федора Ивановича Мстиславского и подарил ему весь дом покойного царя Бориса, и когда Мстиславский уверял, что он не достоин такой милости, то он [Димитрий] сказал: «Ты лучше Бориса, который был предателем отечества», и дал ему также жену из рода Нагих, родственников старой царицы, его [Димитрия] мнимой матери, и они [Нагие] снова возвысились, после того как во время Бориса столь долго пробыли в нужде и опале; и он выдал дочерей из этого рода за многих московских бояр, а их дочерей выдавал в свою очередь за Нагих, и удостаивал своим посещением; также велел устраивать веселые охоты и потехи; все это он делал для того, чтобы показать, что его родственники или свойственники сближаются с боярами, не-причастными ни к одной партии (neutralen heeren), и [чтобы] та-

Возвышение
Мстиславского

ким образом с помощью брачных союзов рассеять все их подозрения.

Меж тем он [Димитрий] отправил посла в Польшу¹⁴⁸ объявить королю и другим [лицам] о том, что бог утвердил его [Димитрия] на престоле, а также пригласить нареченную невесту, дочь воеводы Сандомирского, Юрия (van Georgius), посылая невесте много сокровищ и узорочья драгоценного из жемчуга, золота и камней, также множество денег, чтобы собрать ее в дорогу и снабдить всем необходимым, как то подобает царице. Старая царица также послала много подарков своей, как она подавала вид, будущей дочери; невесту звали Мариною. Все подарки, которые он [Димитрий] отправил в Польшу, будут, как мы увидим, перечислены в этом сочинении¹⁴⁹. Также королю польскому послал он прекрасные подарки; повелел привести в порядок все сокровищницы в Москве и сделать новые ларцы и каждое узорочье положить отдельно в особые ларцы; да и переверостили все древние сокровища, лежавшие схороненными сто лет и более, расставили и разложили по его усмотрению; также купил он много дорогих товаров у англичан, голландцев и других чужеземцев; также наехало из Польши много евреев торговать драгоценным узорочьем.

Дочь Бориса, Ксению (Oxinia), над которою он в течение некоторого времени проявлял свою волю, велел постричь в монахини и сослать в Кирилловский монастырь (Kirilowa), расположенный в ста милях от Москвы, где находилось уже много инокинь из знатных родов¹⁵⁰.

И князя Василия Массальского, своего лучшего друга, которого Димитрий высоко ценил за то, что он первый перешел к нему и оставался ему верен до конца, отправил к Польше, но не за рубеж, а в княжество Смоленское, с дорогими подарками и золочеными саними, чтобы везти в них, ежели кто прибудет зимой по делу его невесты; и Массальский, которому в Смоленске оказывали царские почести, забрал себе самые лучшие поместья, какие только мог захватить, и стал несметно богат.

Сверх того в Москве его самыми близкими и надежными друзьями были: Петр Басманов, которого он поставил главным воеводою над всеми войсками, и Михаил Молчанов (Moltsanoff), который перешел к нему в Польшу и всегда оказывал ему помощь и содействие, но это был большой плут и льстец, не боявшийся ни бога, ни людей; эти трое сообща творили бесчестные дела и распутничали (bedreven groote scelmerye en hoegerye), ибо Молчанов был сводником (coppelaer) и повсюду с помощью своих слуг высккивал красивых и пригожих девиц, добывал

их деньгами или силою и тайно приводил через потаенные ходы в баню к царю; и после того как царь вдосталь натешится с ними, они еще оказывались довольно хороши для Басманова и Молчанова. Также, когда царь замечал красивую монахиню, коих в Москве много, то она уже не могла миновать его рук, так что после его смерти открыли, по крайней мере, тридцать брехатых.

Такую жизнь вел он дома (hinnln), во всех делах внешних он поступал, как воин и герой (cnygsman en een helt). Не было ни дьяка, ни приказного (officier), который не испытал бы его немилости, также немало палок обломал он об их ляшки, уча их приличным манерам и развязности, что им не очень то нравилось, и те, что были недовольны, также терпеливо ожидали, пока настанет благоприятное [для них] время.

16 октября прибыл посол от короля польского¹⁵¹ с подарками царю Димитрию, чтобы передать ему поздравления от короля. Подарки были: прекрасные лошади, золотая цепь и большой кубок; и в том же месяце [посол] отъехал. Также приезжал панский легат для возобновления союза, заключенного им в Польше, и он [легат] был отпущен с подарками¹⁵².

Посольство из
Польши и от
папы

В это же время снова помиловали Шуйских, и они прибыли в Москву и вновь принялись составлять заговор, только в строжайшей тайне.

В декабре привезли в Москву взятого в плен стоящими близ Азова донскими казаками турецкого капитана, который повсюду на Дону причинил много вреда, и звали его Дус Бахмет (Doesbagmeth).

Также принял царь на службу одного польского ротмистра, верно служившего ему при завоевании Московии. И он [царь] сам обучал своих всадников, то были отважные молодцы (jonge cloccke helden) и дворяне хороших фамилий, и он положил им большое жалованье, и они ничего не должны были делать, как только жить в Москве и во всякое время сопровождать царя на охоту, и когда он выезжал куда-нибудь верхом, все в прекрасных кирасах и полном вооружении; ротмистра звали пан Матвей Домарацкий (Matthias Domaratzci).

Нанимает лю-
дей на службу

Также наехало в Москву много молодых поляков, чтобы посетить царя, которого они знали в Польше в ином состоянии и кому они в Польше оказывали какое-либо добро, и они приезжали не напрасно; также прибыл в Москву родственник невесты по фамилии Казановский (Cosonoffsci), и ему отвели особый дом, это был человек молодой, но весьма надменный (groot dominateur). Этот и многие другие [поляки]

каждодневно принимали участие в его [царя] охотах и забавах и не помышляли ни о чем ином, как только о веселии.

Осенью царь повелел сделать все приготовления к тому, чтобы зимою с большим войском осадить Нарву, но вельможи отсоветовали ему и упростили, так что он уступил, не ведая по какой причине.

Также призвал он из Углича Густава, сына короля шведского, о котором мы довольно говорили при изложении [истории] царствования Бориса, и повелел ему принести клятву и присягу московской короне в том, что он будет верно служить, когда будет нужда призвать его, но Густав, человек сумасбродный (*dullen eygenen sor hebbende*), сказал, что он сам сын короля и с ним нельзя так говорить, но лучше бы оказали ему милость и пособили бы овладеть шведским королевством, что ему подобает; на что Димитрий разгневался и повелел его [Густава] связать и бросить в сани и вместе со шведским слугою, которого звали Симоном, заточить в темницу в Ярославле, что в пятидесяти милях от Москвы, где он и умер¹³³; и как я полагаю, его отравили.

Каждый день прибывали в [Москву] гонцы как от невесты и отца ее, воеводы, так и от папы и легата его, пребывавшего в Кракове, а также отбывали из Москвы в Польшу.

8 января 1606 г., ночью, случилось великое волнение в Кремле: показалось, что некие люди очутились близ царских покоев, так что сам царь с двумя стрелецкими капитанами, взяв оружие, пошел в большую палату (*groote camer*); и этих двух капитанов звали Федором Брензиным (*Brensin*) и Романом Дуровым (*Raatman Doeroff*); но никого не могли найти, кто был [тому волнению] причиной, однако схватили двух или трех человек, которые и под пыткой ни в чем не признались и были казнены; удивительно, как всемогущий бог оберегал Шуйского, бывшего главою и руководителем (*instrument*) всех заговорщиков.

После этого [происшествия] стража была весьма умножена. И кажется, убить Димитрия был подкуплен Андрей Шефередин, который по повелению Димитрия удавил (*versmacht*) царицу Марию и ее сына, ибо никто не знал, где этот молодчик находился с тех пор, полагая, что его также умертвили.

Одним словом, каждодневно доносили на многих [людей], которые слишком много болтали, и их устранили, и то были по большей части монахи; я считаю, что то было чудо из чудес, что весь заговор не был открыт, так бог ослепил его [Димитрия].

Также были некоторые среди стрельцов, которые поговаривали о том, что невозможно почесть его за истинного Димитрия, что дошло

до слуха Басманова, под начальством которого было около восьми тысяч стрельцов, и он донес царю и увещевал его, дабы он поостерегся и был осторожнее, ибо его особе грозит великая опасность; одним словом, после учиненного тайно большого розыска из всего множества [заговорщиков] открыли и схватили семерых, но так, что никто из их людей не узнал, и на другой день по повому делу призвали всех стрельцов на задний двор, где по воскресеньям обыкновенно травили медведей; туда все они явились на суд (*comproeerdten*), и никому из них не было ведомо, что из того воспоследует, и все были охвачены страхом, не ведая, что должно означать, что созвали их всех без оружия. Тотчас вышел царь, окруженный всеми телохранителями и алебардщиками, сверх того сопровождаемый Басмановым, Мстиславским, Нагпми и многими польскими дворянами, и взшел на высокое крыльцо, бывшее на заднем дворе (*op den hoogen trap van den achter hove*), и повелел затворить кругом все ворота. Они [стрельцы], увидев его [царя], тотчас пали ниц, по их московскому обычаю, и, обнажив головы, обратили на него свои взоры, и он, видя такое множество обнаженных голов, лежавших одна подле другой, не мог удержаться от смеха и сказал: «Когда б они все были умны!» Усевшись, он обратился к народу с прекрасною речью. Сперва [приведя] из священного писания [слова] о промысле божием, сверх того весьма жаловался на их коснение и неверие, говоря: «Доколе хотите вы чинить раздор и несчастье? Не довольно ли того, что вся земля разорена вконец, и неужто должна она совсем погибнуть? (*verdelcht worden*)». Перечисляя им все измены Годуновых, как они истребили все знатнейшие роды в стране и незаконно овладели царским престолом, по какой причине, говорил он, страна была так наказана, и «теперь, когда бог сохранил меня и избавил от всех умыслов на мою жизнь, вы все еще не спокойны и желаете моей гибели, употребляя все хитрости, чтобы снова завести крамолу». Спрашивал, есть ли у них что сказать против него или могут ли они привести какие-либо доказательства тому, что он не истинный Димитрий. И когда они смогут это сделать, то пусть на месте лишат его жизни. «Моя мать и все эти вельможи будут мне в свидетели; и статочное ли дело, чтоб кто-нибудь мог, почти не имея войска, овладеть таким могущественным царством, когда бы у него не было на то права. Бог бы того никогда не допустил; я подвергал жизнь свою опасности не для того, чтобы самому возвыситься, но дабы освободить вас от крайней нужды и рабства, в которое поверг вас изменник отечества, правивший им и угнетавший [вас], когда исполнил меня ревности всемогущий бог, чья владыч-

ная рука возвратила мне царство, принадлежащее мне по праву». Между тем вопрошал их [стрельцов], чего ради они составили заговор, и [требовал], чтобы они в его присутствии прямо высказали причину своего недоверия.

Они все были весьма тем удивлены и со слезами пали ниц, моля его о помиловании, клялись, что ничего не знают, и просили царя оказать им милость, указать им тех, кто столь несправедливо обвинил их. Царь тотчас повелев Басманову вывести к толпе вышеупомянутых семерых стрельцов, что и было исполнено. И как только их привели, он [Димитрий] сказал: «Смотрите, вот те, которые говорили, что вы все заговорщики и преисполнены изменническими злыми умыслами против вашего законного царя и повелителя». Тотчас они всем скопом набросились все на этих людей, схватили их и растерзали на куски, столь отвратительно, что никто не сможет поверить, ибо у всего множества не было ничего в руках, ни оружия, ни палок, однако они напали на этих помянутых семерых [стрельцов] и своими руками растерзали их на тысячу кусков, так что их платья были залиты кровью, словно они забили много быков, и некоторые [стрельцы] рвали зубами куски мяса из этих семерых, словно собаки, которые рвут и кусают оленя, и один стрелец откусил своими зубами ухо, которое он с великой злобой еще долго жевал, да так долго, что мог проглотить, и изжевал в крошки; одним словом, и голодные львы не могли бы наброситься на молодых ягнят, как эти люди набросились на своих братьев. По совершении сего они [стрельцы] громко кричали: «Так надлежит поступать со всеми врагами и изменниками нашего царя». И хотя он [Димитрий] был жестокосердным (tirannisch), однако не мог смотреть на то и все время, пока это происходило, находился в одном из покоев, и, выйдя к [стрельцам], он еще раз для обеспечения своей особы постарался уверить их, что он истинный Димитрий, и распустил их по домам. Они все снова пали ниц, моля его о милости, [после чего] каждый пошел своею дорогою, и разошлись, и куски от тех [растерзанных] трупов подобрали и сложили на телегу и, [вывезя за город], бросили на съеденье собакам; и телегу везли по городу непокрытою, так что и у всех видевших становились дыбом волосы ¹⁸⁴.

Это [происшествие] навело столь великий страх на жителей Москвы, что они даже немного говорили о том и каждый боялся проронить лишнее слово, но некоторые так были ожесточены, что не примечали ни смерти, ни пыток. Поистине я думаю, что эти помянутые 7 человек не были виновны и не вели таких речей, как он

Жалкая смерть тех, которые позволяли себе много говорить
• Димитрий

[Димитрий] объявил перед толпою [стрельцов], и он поступил так для того, чтобы вселить в каждого из них страх.

Димитрий вознамерился по совершенно своей свадьбы выступить со всем войском в поход на крымских татар, для чего всю зиму посылали великое множество амуниции, припасов и провианту в Елец, город на татарской границе; и все это свозили туда, чтобы сопровождать войско, так что к весне запасли много муки, пороху, свинцу, сала и всяких других вещей на триста тысяч человек, и было велено все сберегать до его [Димитрия] прибытия; затем он отправил посла в Крым объявить хану, что он должен возвратить московскому царю все подати, которые Московское государство прежде принуждено было уплатить хану, а не то он обреет хана и весь его народ наголо, как мех, который он ему посылает и который был начисто обрит, совсем наголо (en heel gescoren was, cael totten gronde)¹³⁵; но гонец, отправленный с этим [посланием], не возвратился.

Наступала весна, и каждый день стали ожидать прибытия воеводы с его дочерью, невестой, о чем в Москве ежедневно получали известия, и царь повелел приготовить все, что казалось необходимым, повелел всем дворянам приготовить самые красивые уборы как для себя, так и для своих лошадей, также он выдал почти всем стрельцам новое платье и красные кармазиновые кафтаны, повелел каждому быть готовым к встрече дарицы; он повелел также весьма красиво убрасть кельи в монастыре, где жила его мать, ибо прежде всего невесту должны были отвезти туда на восемь дней, дабы она могла научиться московским обычаям; также были украшены и искусно убраны ее и его покои [во дворце].

Сверх того из Польши и через Польшу наехало в Москву много богатых купцов с различным узорочьем и драгоценностями (juweelen en costelycheyt), чтобы продать их царю к свадьбе, и главнейшие из них были:

Многие купцы
приезжают из
Польши

Поляк Немтесский (Nevesky), родовитый дворянин (groot edelman), присланный госпожою Анною в Москву с драгоценным узорочьем, чтобы продать его, и эта госпожа Анна была сестрой короля польского, имевшая у себя узорочья на 200 000 талеров.

Вольский (Volscy), родственник королевского маршала, привезший дорогие шитые обои (tapysseryen) и шатры, которые он продал за 100 000 талеров.

Еще Николай Полуцкий со множеством других.

Амвросий Челари (Ambrosius Celari) из Милана с товаром на 66 000 флоринов.

Двое слуг Филиппа Гольбейна (Philips Holbain) из Аугсбурга с товаром на 35 000 флоринов.

Андрей Натан (Andreas Nathan) из Аугсбурга с узорочьем на 300 000 флоринов.

Николай Демист (Nicolay Demist) из русского Лемберга (Ruslemburg), также привезший много товара.

Сверх того было весьма много других польских купцов и много евреев, привезших великое множество [товаров], и все это добро было у них куплено по дорогой цене, так что они остались бы с большим барышем, когда бы тотчас же получили деньги, и те, кому уплатили, были счастливы, но таких было немного¹⁵⁶.

Большие приготовления к свадьбе

Царь повелел также приготовить много дорогих шатров и повозок; также выдал всем капитанам, ротмистрам и придворным деньги, чтобы они приготовили себе и своим слугам самые дорогие наряды; также по всем деревням и царским поместьям были разосланы гонцы; богатые деревни обложили повинностями, и они каждодневно доставляли в Москву яйца, кур, быков, овец и различные другие съестные припасы, каждый сообразно с тем, сколько было наложено, ибо [в Москву] должно было из Польши прибыть множество [гостей], которых надобно было прокормить, и ожидали шесть или семь тысяч человек; также было велено запастись на каждом дворе овес, сено, солому, и для того назначили повсюду смотрителей, знавших, что им надобно делать; также некоторые купцы в Москве должны были на время уступить лучшие жилища на своих дворах и принять на постой польских свадебных гостей; одним словом, повсюду было большое движение.

Тайный заговор против Димитрия

Меж тем заговорщики делали возможные приготовления к другому празднику и собирались в большом числе, и связали друг друга великими клятвами, что в свадебные дни убьют его [Димитрия] вместе со всеми поляками, находившимися в Москве; и так они полагали вернуть и свои сокровища, отправленные Димитрием в Польшу; и было их [заговорщиков] добрых три тысячи в Москве, Новгороде и других местах, и то было великим чудом, что ничего не открылось; и главой их был князь Василий Иванович Шуйский, радевший [о благе] отечества и религии.

Московский посол Афанасий Иванович Власов, отправившийся в Польшу за невестою, а также для того, чтобы отвезти подарки, прибыл вместе с нею и воеводою в польский город Краков, где король и его сестра оказали ей великие почести. Также посол от имени царя заключил брак¹⁵⁷, и невеста сидела против короля, в присутствии папского легата, а также агента, которого тот постоянно

держит при короле, молодого принца и сестры короля. Затем они отъехали, и воевода Сандомирский отправился вперед в Москву и прибыл в Смоленск, где его встретил с большим почетом и великолепием князь Василий Массальский, и далее в сопровождении многочисленной свиты вместе с московским послом Афанасием Ивановичем Власовым отправился в Москву, и здесь бояре, дворяне и весь народ поистине встречали его с тою же торжественностью, как датского герцога Иоанна в царствование Бориса. [И воевода въехал в Москву] на царской лошади, и в Кремле поместили его в доме Бориса рядом с палатами царя, и ему [воеводе] услуживали по-царски и каждый день служили в его доме мессу, ибо при нем были те людишки (volcseep), которые могли это исполнять.

Прибытие вое-
воды Сандо-
мирского в
Москву

И его въезд был совершен 24 апреля, и он был представлен царю, и они обменялись изъявлениями уважения и взаимным пожеланием счастья.

На другой день царь Димитрий повелел раскинуть много дорогих шатров на превосходном месте, в одной миле от Москвы, и повелел расположить их подобно вытканному городу (gelyc een geborduerde stat), снабдив всякими яствами и винами, чтобы царица могла подкрепиться и приготовиться к торжественному въезду, и [Димитрий] отправился туда [к шатрам], взяв с собою воеводу Сандомирского, который ехал позади его, и князя Василия Шуйского, снова попавшего в большую милость. И Сандомирский ехал по правую руку от Шуйского, а за ним следовали все дворяне и провожающие; алебардщики принуждены были, невзирая на жару, идти пешком до вышеописанных шатров, что многих раздосадовало, ибо они к тому не привыкли; пообедав там, царь отправился охотиться на медведей, которых он сам, будучи верхом, весело преследовал, и убил свирепого большого медведя, и когда бы конь, на котором он [царь] сидел, не был выучен, то он подвергся бы большой опасности, ибо он был невероятно дерзок и отважен, когда был при оружии и на коне. Так, проведя весь день в потехах, он возвратился в Москву, где каждый день продолжал готовиться к свадьбе.

В то время сатанинская пророчица Елена юродивая, о которой мы говорили в жизнеописании Бориса, начала предсказывать Димитрию смерть, что навело на заговорщиков великий страх, но когда Димитрию донесли об этом [предсказании], он посмеялся над ним, не обращая внимания на болтовню безумных и одержимых старух, и то было поистине счастьем для заговорщиков, что ничего больше не предприняли, ибо она могла бы при помощи своих чар выдать кого-

Елена юродивая—пророчица в Москве

нибудь из них; речи, которые она говорила против царя, были велики и их можно передать словами поэта:

Dumque paras thalamum, sors tibi fata parat—

(И пока ты готовишь брачный покой, рок вершит твою участь.)

И это предсказание сбылось.

1 мая *царицу*, или невесту, встретили у описанных выше шатров¹⁵⁸, и на другой день, 2 мая, рано утром по всей Москве было объявлено *бирючами*, чтобы все князья, бояре, дьяки, дворяне и дети боярские (*ridders*), купцы и все прочие нарядились в самые богатые одежды и оставили всякую работу и торговлю, ибо надлежит встретить *царицу*. И всем, у кого были лошади, было велено выехать верхом в два часа утра, что и было все исполнено по тому повелению с большим торжеством; через Москву-реку, с той стороны, откуда должна была прибыть *царица*, построили новые мосты, также на лугу близ берега разбили два дорогих шатра, тут ее должны были встретить и пересадить из ее повозки в царскую *колымагу* (*triumphwagen*).

Торжествен-
ный въезд ца-
рицы-невесты
в Москву

Все дворяне и вельможи, ехавшие верхом, были в драгоценных нарядах, шитых золотом и жемчугами, и лошади их были увешаны золотыми и серебряными цепями, и на них были золоченые и посеребренные седла, унизанные драгоценными камнями; за каждым следовало множество слуг как пешком, так и на лошадях, и они были одеты почти так же великолепно, как их господа. Также вывели царскую *колымагу*, которая была весьма красиво и искусно отделана, как театр, позолочена и убрана золотой парчой, внутри лежали подушки, унизанные жемчугом, и даже колеса ее были вызолочены, и внутри сидел красивый маленький араб, державший на золотой цепочке обезьяну, с которою он играл; и эту *колымагу* везли двенадцать белых лошадей с круглыми черными пятнами, так что поистине можно было подумать, что они были так раскрашены, но я знаю, что они были такими от природы и были задолго [до того] присланы в Москву из Татарии. Позади *колымаги* шла сотня телохранителей, роскошно одетых, с капитаном, который так же, как и два капитана *алебардшиков*, ехал верхом; и двести *алебардшиков* составляли как бы два крыла, с каждой стороны *колымаги* по сто; также шли с каждой стороны по двое знатных бояр из Москвы, в одеждах, увешанных и расшитых жемчугом и драгоценными камнями, и так проводили *колымагу* до двух помянутых выше шатров и, поставив ее неподалеку от них, выстроили в ряд по обоим сто-

ронам алебардщиков, одетых в немецкое платье, а позади их поставили телохранителей¹⁵⁹.

Басманов выехал с великой пышностью, подобно самому царю, в сопровождении многих молодых конников; также выехала рота (Compagnie) польских всадников со своим ротмистром Домарацким, все с цветными копыями и значками, каждый одет в великолепнейшее [платье], и, встретив царицу, весело трубили в трубы и соединились с двумя ротами всадников, сопровождавших царицу, и поехали вместе с ними.

Когда [поезд] приблизился к шатрам, королевский посол с большою свитою выехал вперед, потом все дворяне и волонтеры, прибывшие вместе с невестою из Польши, во многих красивых каретах (coetskens), в которых запряжено было по шесть, восемь и десять лошадей одной масти.

Меж тем, как только начался въезд [Марпны], царь, обрядившись в простое платье, в красной простой шапочке, тайно выехал из дворца в сопровождении князя Василия Шуйского и одного слуги поляка, также ехавших верхом, строго приказав не оказывать ему почестей, дабы он никем не был узнан, и он объехал все войска и всех поляков, будучи никем не узнан, и расставил в добром порядке всех дворян, бывших на лошадях, равно как и стрельцов, которых было числом четыре тысячи, и все на царских лошадях, и одеты по большей части в платье красного кармазинного сукна (roet scamosyn), каждый со своим значком (levegue) и ружьем при седле. Он расставил их в добром порядке от реки к городским стенам столь искусно, что издали казалось было их втрое более, и приказал им, как только царица въедет [в Москву], тотчас, проехав через другие ворота, выстроиться в том же порядке у второй внутренней большой стены, что и было исполнено; и все устроив, не будучи узнан никем из простонародья или по крайности немногими, царь возвратился в город; но мы, отправившись верхами посмотреть на въезд, видели его хорошо.

И когда царица, или невеста, подъехала к шатрам, ее встретили с большим почетом и торжественным величанием от имени царя Дмитрия и посадили в царскую колымагу и повезли в Москву, продвигаясь весьма медленно, так что въезд совершался в продолжение почти целого дня.

Впереди в добром порядке шли два отряда (vendelen) гайдуков, или польских стрелков. У каждого из них был на плече мушкет, а сбоку висела турецкая сабля, а у некоторых из них были бердыши (strythamer), и все [гайдуки] были одеты в [кафтаны] синего сукна

с серебряными накладками и у большей части из них были белые перья на шапках; они были весьма бравы и по большей части высокого роста; их знаменщик шел посредине, подле него [шли] трубачи и флейтисты, которые весьма изрядно играли, а также были в барабаны.

Затем шли две роты польской конницы с разноцветными коньями и флажками на них; а также присоединившаяся к ним рота Домарадского, и все были одеты по-старинному, несли большие позолоченные турецкие и персидские щиты, на которых были изображены драконы и змеи, также были у них дорогие луки и колчаны, все это были отважные и статные молодые люди, и они весьма громко трубили в трубы во время шествия. Но из того, что я видел, мне больше всего полюбилися их прекрасные величественные (*triumphante*) лошади, которые все время резвились и были в красивых (*lustig*) чепраках, а некоторые украшены крыльями и, казалось, не шли, а летели; по большей части это были венгерские лошади.

Потом вели трех коней, столь прекрасных, каких я еще за всю жизнь не видал, хотя мне довелось видеть много красивых лошадей; и каждого коня вели на длинных золотых поводях, концы конх держали турки, и хотя ноги этих коней были спутаны золотыми подвязками и вели их на поводях, однако их не могли удержать; они скакали и ржали так, что пена стекала с их золотых удили; и на них были седла, сделанные весьма искусно и унизанные бирюзой. Также многие ехали на лошадях, преизящно (*seer exelent*) выкрашенных красной, оранжевой и желтой краской, и [эти лошади] были весьма красивы, и даже, если они ехали или плыли в воде, то краска все же с них никогда не сходила; и эту краску, называемую китайскою, привозят из Персии. Затем следовало много вельмож и дворян, каждый со своими слугами, в самых красивых и диковинных нарядах. За ними ехала триумфальная царская колымага, окруженная алебардщиками и трабантами с их капитанами; по обеим сторонам ее шли четыре знатных боярина с обнаженными головами, с ними шесть слуг в платье зеленого бархата, обшитого золотыми позументами, с золотыми цепями, и в багряных, шитых золотом, плащах; затем следовало много дворян; за ними вся толпа московских бояр, вельмож, дьяков и дворян с их слугами; потом шли и купцы со всеми прочими, и улицы были полны народа, одетого в самые лучшие наряды, так что всё походило на поле, полное различными красивыми цветами.

Когда дарига проехала третью городскую стену и въехала на большую площадь перед Кремлем, на помостах, нарочно для того

устроенных, принялись играть на флейтах, трубить в трубы и бить в литавры, также принялись играть на различных инструментах и [музыканты, помещенные] над кремлевскими воротами.

Она [Марина] была одета, по французскому обычаю, в платье из белого атласа, все унизанное драгоценными камнями и жемчугом; против нее сидели две польские графини, ее родственницы, за ними следовало множество карет с госпожами и знатыми девицами, и это были весьма роскошные кареты с золотыми столбами, в каждую былопряжено шесть или восемь лошадей. И так проводили ее [Марину] в Кремль, и здесь все кареты с другими госпожами отделились, и развезли их по приготовленным для них дворам, и некоторые из девиц горько плакали, а ее [Марину] отвезли в Вознесенский монастырь, к старой царице и матери Димитрия, куда скоро тайно прибыл он сам и приветствовал ее.

Наконец, все стали расходиться по домам, а простому народу наговаривали, что невеста должна изучить обряды московитов, к чему она была расположена еще до обручения, и [эту молву распустили], чтобы она [Марина] понравилась народу, но я полагаю, что Димитрий учил ее в это время чему-нибудь другому.

Во все время моего пребывания в Москве я неотступно прилагал великие старания, дабы заполучить верное изображение (counterfeiting) города Москвы, но мне не удавалось, ибо там нет художников, и они не заботятся о них, так как не имеют о том никакого разумения; правда, там есть иконописцы и резчики, но я не осмелился побудить их сделать для меня изображение Москвы, ибо меня на-верное схватили бы и подвергли бы пыткам, заподозрив, что я замышляю какую-нибудь измену. Так подозрителен этот народ в подобных вещах, что никто не отважится предпринять что-нибудь подобное; но в это время жил в Москве некий дворянин, который во время осады Кром был ранен в ногу, вследствие чего принужден был все время сидеть дома, и он пристрастился к рисованию, у него в доме среди слуг был иконописец, который и обучил его рисованию, и между прочим он начертил пером [изображение] Москвы. И этот дворянин был знаком с моим хозяином, у которого я учился торговле, и меня иногда посылал к [помянутому дворянину] с камкою и атласом, которые он покупал, и часто расспрашивал меня об обычаях нашей страны, также о нашей религии, о наших принципах и государственных людях (overheeren), на что я обстоятельно отвечал и давал ему также гравюры (printen), изображающие походы его княжеской светлости, а также битву при Турнгуте¹⁶⁰ во Фландрии и все завоевания, со-

вершенные там, что так порадовало и удивило его, что он не знал, чем ему одарить меня, дабы засвидетельствовать свое дружеское расположение, и сказал: «Просите, что вам полюбится, и я дам вам, и когда я могу оказать вам какую-нибудь службу при дворе, то не премините этим воспользоваться»; и он велел своей жене выйти ко мне, так что я ее видел, и она подарила мне узорчатый платок, а показать кому-нибудь свою жену означает у московитов величайшую честь, какую они только могут оказать, ибо они держат своих жен взаперти так, что никто не может их видеть. И так как он [этот дворник] весьма хотел подарить мне что-либо и всегда был рад видеть меня у себя, ибо я всегда поведывал ему [различные] истории, насколько их знал, то я попросил у него подарить мне изображение Москвы. Услышав о том, он клялся, что, пожелай я скорей его лучшую лошадь, он охотнее отдаст ее мне, но так как он почитал меня истинным своим другом, то дал мне изображение Москвы с тем, чтобы я поклялся не проговориться о том никому из московитов и никогда не называть его имени, ибо сказал он: «Это может стоить мне жизни; когда откроется, что я снял изображение Москвы и дал его иноземцу, то со мною поступят, как с изменником». И это изображение, сделанное пером, я приложил к сему сочинению. Поистине, когда бы Вам самим довелось увидеть Москву, Вы бы нашли ее именно такою, какою она изображена и представлена здесь, и, посвящая моему лучшему, после всемогущего бога, другу эту недостойную книгу, я посвящаю от всего сердца ему также и сей рисунок со смиренною просьбою не пренебречь им, а принять в знак моего доброго усердия и приверженности к Вашей достойной особе, моля всемогущего бога: да ниспошлет Вам здравие и долгую жизнь на спасение души.

Гнев Дмитрия
на польского
посла

В последующие три или четыре дня в Москве была совершенная тишина. Тем временем польский посол был у царя и поднес ему подарки: две красивые лошади, чаши и золоченые кубки и прекрасную большую собаку; окончив свою речь, посол представил грамоту, на коей не было титула и стояло только: великий князь Московии, что разгневало [Димитрия], и он возвратил грамоту, на что посол отвечал ему от имени короля: «Пусть он [Димитрий] сперва покорит Татарнию и Турдию, и тогда его будут называть царем и монархом, но не теперь», на что [Димитрий] так разгневался, что в злобе хотел бросить свой скипетр в посла, но бояре и Садомирский, который весьма напугался, опасаясь [возможного] несчастья, остановили [царя], и посол удалился и почти не выходил из своего дома до самой свадьбы ¹⁶¹.

Димитрій увеличил титул прежних московских князей, прибавив к нему: монарх (monarche) и непобедимый, что произошло по наущению литовских вельмож, ибо некоторые из них не любили короля и помышляли в благоприятных обстоятельствах подчинить Польшу Димитрию; таково было их намерение, но не господня воля.

6 мая, рано утром, дарину перевезли в великолепной карете из монастыря в приготовленные для нее прекрасные палаты, и в Кремле устроили перед большой столовой палатой помосты для трубачей, свирельщиков и барабанщиков; также было объявлено всем стрельцам, коих было числом восемь тысяч, чтобы они во все время свадебного праздника оставались в Кремле, в полном вооружении, также большая часть немецких телохранителей и алебардчиков должна была содержать караулы под начальством своих капитанов и иметь заряженные ружья.

8 мая затрезвонили во все колокола, и всем жителям запрещено было работать, и все снова надели самые красивые наряды, и все бояре в великолепных одеждах поехали ко дворцу, также все дворяне и молодые господа, одетые в платья из золотой парчи, унизанные жемчугом, обвешенные золотыми цепями; и [бирючи] возвестили, что настал день радости, ибо царь и великий князь всея Руси вступит в брак и предстанет в царственном величии, и весь Кремль был наполнен боярами и дворянами как поляками, так и москвитами, но все польские гости (heeren), по их обычаю, имели при себе сабли; за ними следовали слуги с ружьями, и Кремль был оцеплен кругом помаянутыми стрельцами, числом восемь тысяч, все в кафтанах красного кармазинного сукна с длинными пищалями.

Празднование
свадьбы Димитрия в Москве

Весь путь, по которому он должен был шествовать, был устлан красным кармазинным сукном, [от самого дворца] до всех церквей, что подлежало ему посетить; поверх красного сукна еще разостлали парчу в два полотнища; и прежде вышли патриарх и епископ новгородский, одетые в белые ризы, унизанные жемчугом и драгоценными камнями, и пронесли вдвоем высокую царскую корону в Успенский собор (na de Kerske Maria), вслед за тем пронесли золотое блюдо и золотую чашу, и тотчас затем вышел Димитрій; впереди его некий молодой дворянин нес скипетр и державу, за этим прямо перед царем другой молодой дворянин, по имени Курлятов (Coerletof), нес большой обнаженный меч; и царь был убран золотом, жемчугами и алмазами, так что едва мог идти, и его вели [под руки] князь Федор Иванович Мстиславский и Федор Нагой¹⁶², и на голове у него [царя] была большая царская корона, блестящая рубинами и алма-

зами, за ним шла принцесса Сандомирская, его невеста, убранная с чрезвычайным великолепием в золото, жемчуг и драгоценное камень, с распущенными волосами и венком на голове, сплетенным из алмазов и одененным дарским ювелиром, как я сам слышал, в семьдесят тысяч рублей, что составляет четыреста девяносто тысяч гульденов; и ее вели жены упомянутых бояр, сопровождавших дая.

Впереди дая шествовали по обе стороны четыре человека в белых, унизанных жемчугом платьях, с большими золочеными топорами на плечах; и эти четверо вместе с меченосцем оставались перед церковью, пока дарь не вышел из нее; и так они [дарь и Марина] дошли до Успенского собора, где были обвенчаны по московскому обряду патриархом и епископом новгородским, в присутствии всего духовенства, московских и польских вельмож.

О, как раздосадовало московитов, что поляки вошли в их церковь с оружием и в шапках с перьями, и если бы кто-нибудь подстрекнул московитов, то они на месте перебили бы всех [поляков], ибо церковь их была осквернена тем, что в нее вошли язычники, коими они считают все народы на свете, полагая и твердо веря тому, что только они христиане, того ради в своем ослеплении они весьма ревностны к своей вере¹⁶³.

Перед кремлевскими воротами стояла сильная стража, большие ворота были открыты, но в них никто не смел въезжать, кроме поляков, бояр, дворян и иноземных купцов, а из простого народа никого туда не пускали, что всех раздосадовало, ибо полагали, что так повелел сам дарь, и что весьма возможно, ибо иначе в Кремле нельзя было бы двигаться.

По выходе из церкви [даря и царицы] после венчания вышли и все вельможи. Дьяк Богдан Сутупов, Афанасий Власов и Шуйский помногу раз полными горстями бросали золото по пути, по которому шествовал дарь, державший за руку свою супругу, и на голове у нее была большая дарская корона, и их обоих проводили наверх польские и московские вельможи и княгини.

Золото было самое лучшее, [от монет] величиною в талер и до самых маленьких, в пфенниг.

Едва дарь взошел наверх [во дворец], тотчас зазвучали литавры, флейты и трубы столь оглушительно, что нельзя было ничего ни услышать, ни увидеть, и дая и его супругу провели к трону, который весь был из позолоченного серебра. И к нему вели ступени, и рядом с ним стоял такой же трон, на который села царица, и перед ними стоял стол; внизу расставлено было множество столов, за

которыми сидели вельможи и дамы, и всех угощали по-дарски; сверх того [во время пира] слышалась прекрасная музыка на различных инструментах, и [музыканты] стояли на помостах, устроенных в той же палате и убранных с большим великолепием, и этих музыкантов вывез из Польши воевода Сандомирский, среди них были поляки, итальянцы, немцы и брабантцы, и на пиру было великое веселье, сопровождаемое сладостной гармонией.

Но в тот день приключилось и много несчастий, кои многими были приняты за худое предзнаменование, ибо царь потерял с пальца алмаз, ценою в тридцать тысяч талеров. Также воеводе Сандомирскому стало дурно за столом, так что его отвезли в карете домой; и в Кремле один поляк был ранен стрелами, стоявшими на карауле, и многие приняли это за дурной знак, но не говорили [об этом].

На другой день, в пятницу, был большой храмовой праздник в честь их патрона Николая угодника, и в этот день ни за что на свете нельзя было играть свадьбу, того ради их вконец раздосадовало, что сам царь этот день употребил во зло, нарушив их обычай, и они ожесточили против него один другого; также с народом, желавшим попасть в Кремль, обошлись дурно и отгоняли многих почтенных людей, и большая часть [народа] была огорчена, видя, что негодяи из Польши в большей чести у царя, нежели прирожденные москвиты. Одним словом, все это было подстроено заговорщиками, чтобы без больших потерь [достигнуть своей цели], и они удачно выбрали время; также из Новгорода и других мест прибыло в Москву со скрытым оружием три тысячи человек, ревнующих об отечестве, и они уговорились о сигнале, по которому совершат нападение.

На третий день после свадьбы все бояре, епископы, дьяки, чиновники, а также купцы всех [иноземных] наций были допущены к царю для поднесения подарков, и, принося поздравления, они целовали ее руку и передавали свои подарки, которые были приняты; и она вместе с царем пригласила их в тот же день к обеденному столу, за которым все иноземцы сидели за столами лицом к царю, большая же часть москвитов поместилась [за другими столами]; и все яства приносили наверх на блюдах чистого золота, а вниз — на серебряных. Однакож ни царь, ни царица в присутствии этих гостей почти ничего не ели, но обедали после в своих покоях вместе с некоторыми вельможами и весьма повеселились.

В воскресенье царю передали от посла польского короля, что ему надлежит оказать такие же почести, какие были оказаны московскому послу в Польше; на что ему ответили: его посадят выше вое-

воды Сандомирского; но посол был тем недоволен и пожелал, чтобы его посадили за царский стол. Однако он был приглашен, и рядом с царским столом поставили столик, за который его посадили, и он воображал, что он сидит за царским столом, и он поднес подарки лучше прежних.

В понедельник и во вторник [музыканты] громко играли на различных инструментах, также трубили в трубы и били в барабаны, также была назначена травля зверей в Кремле, а также приготовлена крепостица, которую для потехи намеревались брать приступом. Но все это было оставлено по причине дурных предзнаменований (*presagien*), явившихся как на небе, так и замеченных по другим предметам, чего никак не могли уразуметь; также и самую свадьбу играли не так, как бы надлежало; все шло на ней так скучно и угрюмо, что можно было диву даваться.

Чудесные не-
бесные знаме-
ния, виденные
в Москве

Что же касается до знамений на небе, то я сам видел их вместе с моим хозяином, у которого я жил, с нашими домочадцами и двумя или тремя москвитями, и это было весьма диковинное [зрелище], но немногие приняли его во внимание.

Около четырех часов пополудни на прекрасном голубом и совсем безоблачном небе со стороны Польши поднялись облака, подобные горам и пещерам. И так как перед тем их не было видно на горизонте, то казалось, что они упали с небесного свода. Посреди них мы явственно видели льва, который поднялся и исчез, затем верблюда, который также исчез, и наконец, великана, который тотчас исчез, словно заполз в пещеру, и когда все это исчезло, мы явственно увидели висящий [в воздухе] город со стенами и башнями, из которых выходил дым, и [этот город] так же исчез; все это было поистине так совершенно, словно расположено в изрядном порядке искусным художником; и многие видевшие это люди были повергнуты в страх, но многие обратили на это внимание только для того, чтобы рассмеяться.

В четверг до слуха Дмитрия дошли какие-то известия¹⁶⁴, [заключенные] как в предостережениях, что давали ему некоторые его приверженцы, так и в письмах, подброшенных алебарщиками, которые хотя ничего толком не знали, однако предостерегали [царя]; того ради повсюду была расставлена сильная стража и полякам велено было бодрствовать всю ночь, и они стреляли всю ночь, думая тем удержать Москву, и в эту ночь несколько тысяч стояло под оружием, чтобы привести в исполнение свой замысел, но заметив, что почти все открыто и они не в безопасности, устрашились

чрезмерного кровопролития и стали держать себя еще тише и скрыли оружие.

На другой день стража снова была уменьшена, и полякам ни в одной лавке не продавали ни пороха, ни свинца, говоря, что все вышло, но что скоро получат, сколько им будет нужно. И в Москве повсюду стояла тишина, приводившая в изумление, и тишина эта не была обыкновенною; она должна была служить предостережением тем, кто по воле божией не слышали, имея уши, не видели, имея очи, что погрязли в чувственных утехах, разврате и пьянстве и никого не уважали, почитая московитов хуже собак, и жили по своему глупому разумению.

В тот вечер несколько поляков сплюй вытащили одну знатную боярыню из повозки с намерением ее изнасиловать, невзирая на то, что ее окружало много слуг, и народ ударил в набат и отнял ее у них невинною, и они [поляки] разбежались¹⁶³.

Полагая, что где-нибудь сделался пожар, ибо не в урочное время зазвонили в колокола, я выбежал на крышу посмотреть, что случилось, но, ничего не видя и не слыша, я взглянул на луну, которая была совершенно кровавою, что меня весьма устранило, и в эту же ночь мы схоронили нашу утварь (meublen) и добро, и многие люди зарыли в землю свои драгоценности, деньги и сокровища. И мы, подобно другим, страшась несчастья, заперли наши ворота и поставили сторожей. Меж тем не знали ни первых, ни последних в заговоре, в котором состояло несколько (quel) тысяч человек, но и простой народ также не знал о том.

В ту же ночь в царских палатах была радость и веселье; польские дворяне танцевали с благородными дамами, а царица со своими гофмейстеринами готовила маски, чтобы в следующее воскресенье почтить царя маскарадом, и не думали ни о чем дурном и утопали в утехах, не помышляя о пословице: *extremum gaudi luctus occipit* (веселье завершается бедой).

В субботу поутру, семнадцатого мая, около двух часов, ударили в набат сперва в Кремле, а потом во всем городе, и было великое волнение, и [многие] с оружием поскакали на лошадях к Кремлю, и по всем улицам бирючки заговорщиков кричали: «Эй, любезные братья! Поляки хотят умертвить царя; не пускайте их в Кремль!» По этому знаку все поляки, напуганные этими криками и сидевшие в своих домах, по большей части вооруженные, были задержаны толпой, обложившей их дворы, чтобы грабить и убивать, и все поляки и люди в польском платье, застигнутые на улице, поплатились

Дмитрия убивают в Москве вместе с тысячею семистами поляков

жизнью, и когда появился отряд польских всадников, его тотчас осадили, и закинули улицы рогатками; а эти рогатки у них устроены на всех улицах, так что они с лошадьми не могли проехать, а где не было рогаток, тотчас набросали бревна, выломыв их из мостовых, которые выложены там из бревен; и повсюду происходило великое избиение поляков, которых находили, и врывались в дома, в которых стояли поляки, и тех, что защищались, поубивали, те же, что позволили себя ограбить донага, по большей части остались живы, но их ограбили так, что они лишились даже рубашек; смятение было во всем городе. Даже маленькие дети и юноши и все, кто только был в Москве, бежали с луками, стрелами, ружьями, топорами, саблями, копьями и дубинами, крича: «Бейте поляков, тащите все, что у них есть!»

Меж тем заговорщики наверху [в Кремле] убили царя, и случилось это так: они склонили к тому одного дьяка, который был для них святым, ибо весьма усердствовал в их вере, а также не пил крепких напитков и был воздержан в еде, так что они его почитали за святого, и звали его Тимофеем Осиповым (Timofe Osipoff). И в тот день, когда назначено было присягать царю и деловать крест ей, как царю Московии, он должен был выйти и воспротивиться тому словами, а они [заговорщики] должны были меж тем напасть на Димитрия. И этот Тимофей Осипов причащался два раза и получил отпущение у священника или духовника, а также получил благословение, данное ему со многими церемониями, как человеку, идущему на смерть за отечество и ради общего блага, и утром в тот день простился со своею женою и детьми, ничего о том не знавшими, но мать его полагала, что он намерен уйти в монастырь.

Итак, он прямо пошел наверх [во дворец], где надлежало принести присягу, однако он объявил, что Димитрий не царев сын, а беглый монах, по имени Гришка Отрепьев, который с помощью ворожбы и бесовского навождения вступил в Московию и незаконно завладел ею; также не хочет он [Осипов] приносить присягу пезунтке, считая ее язычницею, которая своим телом осквернила святыню московскую и была причиной гибели Московии. Он говорил бы далее, но его тотчас умертвили и выбросили из окна. Потом заговорщики ударили в колокола и с заряженными пищалями взбежали по всем лестницам как передним, так и задним, и были [заговорщики] по большей части московские дворяне и купцы, и многие из Новгорода, а также из Пскова и иных мест, задолго до того прибывшие тайно в Москву, чтобы совершить свое предприятие.

И прежде всего схватили стоявших на карауле в сенях дворца алебардщиков, обезоружили их, заперли всех в одном покое внизу [дворца], наказав им не перечить и не обмолвиться ни единым словом (*niel een woort te kicken noch tegenspreesken*), ежели они желают сохранить жизнь. И как раз их [алебардщиков] и половины не стояло на карауле, но они разошлись кто куда; одним словом, то было угодно богу, чтобы так приключилось с ними по их собственной вине, что они вполне могли ожидать; и заговорщики тотчас разбежались по всему дворцу, убивая всех сопротивляющихся, они кинулись к покоям [Димитрия], стреляя из пищалей (*goers*)¹⁶⁶.

Меж тем он [Димитрий] вышел и спросил, что произошло, чего ради такой шум и беснование, но по причине [всеобщего] испуга не получил ответа. И он крикнул, чтобы ему подали его меч, но тот, кому надлежало во всякое время стоять с ним наготове, успел убежать с мечом, и он [Димитрий], почуяв беду, тотчас схватил алебарду и убежал обратно, заперев дверь изнутри; услышав, что стреляют в окна и рубят топорами двери, он через потайные двери перебежал из одного покоя в другой и прыгнул в залу, которая была расположена ниже других покоев; но он сделал большой прыжок, и при выходе попал в руки ливонского дворянина по имени Фюрстенбергер (*Furstenberger*), который охотно бы укрыл его, ибо он [Димитрий] истекал кровью (*ab bloet spooch*), но этот Фюрстенбергер был убит; однако Димитрий ускользнул через один переход в баню, и через двери, выходящие наружу (*op de ruymte*), намереваясь уйти и скрыться в толпе, уже собиравшейся в числе нескольких сот человек на заднем крыльце и когда бы ему [удалось] пройти, то он, нет сомнения, был бы спасен, и народ истребил бы всех вельмож и заговорщиков: ибо не ведая о заговоре, [народ] полагал, что поляки вознамерились умертвить царя, а заговорщики его спасают, и так ему было объявлено для того, чтобы задержать поляков в городе. И заговорщики настигли его [Димитрия] в этом переходе, скоро покончили с ним, стреляя в него и рубя саблями и топорами, ибо они страшились, что он убежит.

Говорят, что бояре (*heeren*), схватив его, долго расспрашивали, однако это невероятно, ибо у них не было времени для провоочки. И так, увидев народ, Димитрий вскричал: «Ведите меня на площадь и допросите меня; я поведаю вам, кто я такой!» Но, страшась народа, который стал теснить их, они тотчас убили его, восклицая: «То был расстрига, а не Димитрий, в чем он сам повинился». И связали ему ноги веревкою и поволокли его нагого, как собаку, из Кремля, и бро-

сили его на ближайшей площади, и впереди и позади его несли различные маски (maskensichten), восклицая: «То были боги, коим он непрестанно молился». И эти маски раздобыли они в покоях царицы, где они были припасены для того, чтобы почитать царя маскарадом; однако москвитам не было ведомо, что это такое, и они не разумели [назначения] подобных предметов и были твердо уверены, что то боги, коим он поклонялся.

Различные
мнения о смер-
ти Дмитрия

Некоторые уверяют, что он [Димитрій] был еще в постели и его убили в одной рубашке, когда он бросился бежать, но это невероятно, ибо чего ради тогда убили этого дьяка [Осипова]; однако некоторые говорят, что этого дьяка убили вечером, но то неправда, ибо те, что передавали мне это [известие], были вместе с заговорщиками и сами при том присутствовали.

Меж тем царица была полумертва от страха, ибо вокруг ее покоев сновало много народа, ломавшего и разорявшего все что ни попадалось, и один дворянин, принадлежавший к заговорщикам, отвел ее в надежный каменный покой (in een sterke steene kamer), где вместе с некоторыми другими [своими товарищами] крепко стерег ее. Но молодые гофмейстершны (hofmeesteressen) были донага ограблены и обесчещены, и повлекли их каждый в свою сторону, как добычу, подобно тому, как волки овец; да вели их нагими по улицам, наносили им всевозможные оскорбления и совершали над ними все непотребства, а многие были так разгорячены, словно одержимы бешенством; да и многие убивали друг друга из-за добычи.

Удивительно было смотреть, как бежал народ с польскими постелями, одеялами, подушками, платьем, лошадьми, узлами, седлами и всевозможною домашней утварью, словно все это спасали от пожара.

В начале мятежа Басманов был еще в бане, ибо, говорят, он переспал ночью с двумя женщинами и потому был в бане по их обычаю: когда они возлежат с женщинами, то [после] идут в баню, чтобы очиститься. И как только он слышал набат, тотчас вскочил на лошадь, надев вторых [только] псподнее платье, и в сопровождении десяти или двенадцати слуг с заряженными пистолетами со всею поспешностью поскакал в Кремль, полагая, что приключилась беда между вельможами, москвитами и поляками, ибо не помышлял об ином. И прибыв во дворец (boven), он вошел в палату, однако один новгородский дворянин обругал его изменником, а царя называл расстригою. И едва Басманов собрался ответить, его тотчас умертвили, поразив десятком ударов, и сбросили со стены и также поволокли его на площадь и положили Басманова на скамейку, а расстригу, или Димитрия, на стол, и Бас-

манов лежал у ног Димитрия, и лежали они там на позор перед всем светом¹⁶⁷.

Дом Сандомирского был окружен солдатами, и его крепко стерегли вместе со всеми, живущими в нем, а также [охраняли] двор посла [польского] короля; Сандомирский послал сказать ему, чтобы он вел себя тихо и сидел дома, также и сыну Сандомирского, на дворе у которого стояло добрых триста всадников при оружии¹⁶⁸.

По убийстве Димитрия бояре поскакали в разные стороны, увещевая народ перестать грабить и убивать, и прежде всего освободили эти три помянутых двора и окружили их сильною стражею, затем поехали повсюду, упрощая поляков, еще сидевших в некоторых домах с оружием, выдать оружие, чтобы их не умертвили, что по большей части и случилось. На улице, которая называется Покровка, стоял двор, в котором засело много поляков, и они долго защищались; сюда прибыл князь Василий Шуйский, глава заговорщиков, и убеждал их вести себя смирно, дабы остановить беснование и убийства. Но они потребовали от него клятву, которую он обещал им; но так как они не верили ему, то выслали одного из своих за ворота для переговоров, и Шуйский обнял и поцеловал его и поклялся ему, что им не делается ничего дурного. И так уладилось с обеих сторон, и простой народ стал расходиться; все дома, где было показано сопротивление, разграбили и перебили [защитников], но те, что отдали все, были донага ограблены, однако сохранили свою жизнь; почти всех музыкантов умертвили, также польского вельможу, приглашенного на свадьбу московским послом в Польшу, [умертвили] вместе со всей челядью, и многих других вельмож и дворян.

Двор, на котором стоял пан Вишневедкий, храбро защищался до самого окончания [мятежа]; и когда бояре повсюду разогнали [народ], он собрался вокруг этого двора, ибо он стоял на большой площади у речки Неглинной, и его обложило несметное множество народа (*veelle dusenden*), стреляя и рубя все в куски, и разграбили кухни, конюшни и нижние покои, но поляки, засев в верхних покоях, оказали большое сопротивление и, отважно стреляя из окон, положили много московитов, и как только [московиты] наступали толпами, чтобы [завладеть] золотом и дорогими платьями, что кидали из окон поляки, то их подстреливали, словно зверей или птиц, и как только собиралась толпа, поляки стреляли в нее, также три раза показывали намерение сдаться, и русские, поверив этому, целыми сотнями устремлялись по лестнице, чтобы пачать грабеж, ибо поляки отворяли наверху сени, и как только московиты начинали тесниться в сенях, поляки сразу стре-

ляли по ним из сорока или пятидесяти пищалей, и московиты падали и летели вниз по лестнице, словно крысы, которых гонят с чердака. Одним словом, все продолжалось весьма долго, и некоторые привезли туда пушки, снятые со стен [города], и палили из них по дому и калечили своих же, которые беспрестанно устремлялись по лестницам, так жадны они до грабежа.

Наконец, прибыли туда все вельможи и прилежными мольбами и просьбами уговорили их отступить, и [там] полегло более трехсот московитов и многие были ранены, а у поляков полегло всего двое или трое. И так бывшее в Москве великое волнение (*furie*), грабежи и убийства прекратились, и многие разбогатели, скупая награбленное добро у тех, кто учинил грабеж, и то были по большей части пренегоднейшие из бездельников, воров и плутов, коих там немало. И тотчас было велено все награбленное добро отнести в Кремль на Казенный двор (*chatshove*), дабы каждый мог взять свое; но немногие послушались, только лошадей по большей части получили обратно, ибо их нельзя было скрыть и их тотчас бы опознали, также [вернули] кареты; но узорочье, золото, платье, мебель и домашняя утварь — это все пропало и не было возвращено.

После полудня вследствие просьб и уговоров бояр волнение было утишено, и простой народ был весьма доволен этими убийствами, ибо поляки были им [всем] врагами, и они прославляли эти деяния и восхваляли зачинщиков как ревновавших об отечестве и святыне московской. И повсюду была поставлена стража, и в Москве снова настала совершенная тишина, и нашли, что было убито полторы тысячи поляков и восемьсот московитов, и среди поляков полегло много панов и молодых храбрых дворян; их нагие изрубленные тела три дня пролежали на улицах, точно так же, как и [тела] Дмитрия и Басманова. И русские (*Russen*) собирались вокруг и предавали мертвые тела поношению и поруганию и постыдным проклятиям, но они того не слышали; и самыми важными среди убитых поляков были: Склиньский (*Sklinsci*), Вонсович (*Vonsovitz*), Дамарацкий старший, ксендз Помецкий (*Pometzci*), Липницкий (*Lipinitzci*), Иваницкий (*Iwanitzci*), Бал Ян Пологовский (*Bal Jan Pologofsci*) и еще много других дворян и молодых панов, и некоторые из них бросались с кремлевской стены в реку, и здесь поражали их стрелами, и они обретали жалкую смерть; Бучинский (*Boetsinsci*) схоронился под кустами и деревьями на заднем дворе, неподалеку от царских палат, и его там схватили и строго охраняли вместе со многими другими, также и всех тех, что были во дворе [польского] посла.

Великого сожаления достойны были благородные и невинные люди, прибывшие по своим торговым делам, ибо некоторых признали за поляков, потому что они носили польское платье, и Немтесский (Nevesky), Вольский, Андрей Натан, Николай Демист, привезшие, как о том сказано выше, целые сокровища, дочиста были ограблены на много тысяч [флоринов]. И тем, что продали в дарскую казну, Шуйский отвечал, что они должны получить деньги с расстриги, который у них покупал; и сверх того сказали [им], что в казне ничего нет и что он [Димитрий] всю казну опорожнил и переслал в Польшу; другого ответа они не получили. И это приключилось еще со многими другими купцами различных наций; слуг Филиппа Гольбейна из Аугсбурга смертельно ранили, после того как ограбили донага; также миланец Амвросий Челарп, после того как он дочиста был ограблен и отдал грабителям все золото, деньги и все добро и остался в одной рубашке, не желая ее отдать, чтобы было чем прикрыть стыд, тогда они захотели ее получить и вонзали ему нож в живот, так что он пал мертвым и с него сняли рубашку; и [тело] его не могли найти среди других трупов, как ни искали.

Невинные люди, убитые во время мятежа

Также был убит брабантец Иаков Марот, [тело] его нашли и похоронили вместе с другими, получив на то дозволение от правительства и как только кончилось волнение.

Он [Димитрий] был мужчина крепкий и коренастый (sterck onder-set), без бороды, широкоплечий, с толстым носом, возле которого была синяя бородавка, желт лицом, смугловат, обладал большою силою в руках, лицо имел широкое и большой рот, был отважен и неустрашим, любил кровопролития, хотя не давал это приметить¹⁶⁹. В Москве не было ни одного боярина или дьяка, не испытавшего на себе его строгости, и у него были диковинные замыслы, ибо он собрался зимою осаждать Нарву и предпринял бы это, когда б его не отговорили бояре по причине неудобного [для осады] времени [года]; также отправил он, о чем мы рассказывали при изложении его жизни, много амуниции и припасов в город Елец, с тем чтобы прежде всего напасть на Татарскую, но втайне замыслил напасть на Польшу, чтобы завоевать ее и изгнать короля или захватить с помощью измены, и полагал так совсем подчинить Польшу Московии.

Наружность Димитрия

Прежде всего это советовали ему многие поляки, как то: Сандомирский, Вишневецкий и другие. Одним словом, у него были великие и диковинные замыслы, и он вознамерился истребить всех московских бояр и [все] знатные роды, и назначил для того день, и повелел исподволь вывезти за [город] много пушек, чтобы, как он говорил, устроить

Его предприятия и великие замыслы

Его намерение
переманить ре-
лигию в Моско-
вию, истребить
все знатные
роды

большое потешное сражение (groote scermutsinge uut genuchte), в кото-
ром должны были участвовать все бояре, и это должно было случиться
после свадьбы, и все шляхтичи (pools heere), также капитаны и пол-
ковники, равно как и Басманов и все приверженцы [Димитрия], знали,
что им надлежит делать и кого каждый [из них] должен убить и
кому остаться в Москве и Кремле. И сам [Димитрий] должен был
находиться [за городом] со всеми пушками, польским войском и сво-
ими приверженцами, и когда бы он успел в своем намерении, то кто
бы посмел противиться ему в Москве, ежели вся амунитция была
[за городом] и в его руках? Но бог не допустил до того и сделал
так, что московиты оказались проворней его и застigli его врасплох ¹⁷⁰.

Один только Бучинский говорил ему [Димитрию], что то против
воли бога и что он [Димитрий] не должен того учинять, но, напротив,
привлекать к себе ласкою и давать им [боярам] такие должности
(officien), чтобы они не могли войти в силу, и со временем свыклись
бы с тем; но он, зная лучше московские обычаи, говорил, что таким
образом нельзя править московитами и надобно управлять ими со стро-
гостью, что вполне справедливо, ибо московитов можно удержать
[в повиновении] только страхом и принуждением, и ежели им дать
волю, то они ни о чем не помышляют; того ради он почел за лучшее
устранить бояр (opperste), чтобы потом распорядиться дурным, глупым
народом по своему желанию и привести его к тому, что он найдет
полезным.

И это было после его смерти верным оправданием [для моско-
витов] перед всеми государями, ибо после его смерти нашли [грамоту,
в коей] было все описано, кого надлежало умертвить, а также, кого
из поляков он назначит заступить места убитых, и это прочли во все-
услышание перед всем народом, который был тем весьма обрадован
и успокоен, и копию послали в Польшу и другие государства (oorden),
чтобы объявить о том во всеуслышание.

Нет сомнения, когда бы случилось [все] по его умыслу и по совету
иезуитов, то он сотворил бы много зла и причинил всему свету вели-
кую беду с помощью римской курии (roomse gaet), которая одна была
движительницею этого. Но бог, управляющий всем, обратил в ничто
эти намерения, за что все истинно верующие должны возблагодарить
его.

Он [Димитрий] хотя и был героем и воином, [но также] и рас-
путником, ибо всякую ночь растлевал новую девицу, и он обрюхатил
также многих молодых монахинь, он также растлил одного благород-
ного юношу из дома Хворостинных (Guorostinin), которые принад-

лежат к знатному роду, и держал этого молокососа в большой чести, чем тот весьма величался и все себе позволял.

Едва только его [Димитрия] убили или едва успел распространиться о том слух, как Михаил Молчанов, который был его тайным пособником во всех жестокостях и распутствах, бежал в Польшу, и [после его бегства] пропали скипетр и корона, и не сомневались, что он взял их с собою.

Некоторые лица убежали, другие были схвачены

Также и другой его ближайший советник, Григорий Микуллин (Micolin), усакал на царевой лошади и намеревался пробраться в Польшу, но его настигли в Вязёмах (Veesum)¹⁷¹, в шести милях от Москвы; также в начале волнения несколько польских слуг усакали на лошадях своих господ, с одними только саблями в руках, и, не зная дороги, блуждали по полю и были настигнуты отрядом дворян, которые дружно напали на них и большую часть положили на месте, ибо у дворян были пистолеты и они перестреляли всех [поляков], однако и дворян, хотя они и были в большем числе, полегло убитыми одиннадцать человек.

Мы, равно как и английские купцы, пребывали в немалом страхе, ибо царские доктора также были ограблены, однако бог по милости своей сохранил нас, и мы были [от того] избавлены.

Однажды, когда волнение утихло, я вышел из дому, чтобы посмотреть на мертвые тела, над которыми некоторые еще продолжали испытывать свои сабли, и два трупа, Димитрия и его друга Басманова, также лежали там на столе в течение трех дней; кругом стояло множество народа и грустилось [над ними], но некоторые, видя непостоянство всего земного, искренно плакали. И я внимательно осмотрел его и поистине не мог приметить ничего иного, как только то, что это был царь, коего я неоднократно видел, и что они умертвили того, кто в течение года управлял государством, хотя во время этих новых войн хотят уверить, что истинный Димитрий опять не был убит, а [умертвили] другого на его месте.

Я сосчитал его раны, их было двадцать одна, и сверх того череп его был рассечен, так что оттуда вывалились мозги, и на третий день его бросили в яму, а Басманова похоронил его брат, получивший [на то] разрешение от правительства (van den hove)¹⁷².

Тело Димитрия брошено в яму

Мы уже довольно говорили, какая натура была у этого царя, но многие уверяют, что то был сам дьявол, впоследствии явившийся в том же самом лице, под тем же именем и причинивший в десять раз больше бед, чем прежде, и чудо ли, что все это произведено именем Димитрия? О, здесь видна справедливость божия, многообразно и

чудесно карающая народы и города, о чем знаменитый поэт Гомер прекрасно сказал:

Aspicit deus res mortalium ac punit peccatores.

Non probant nefanda opera dii beati.

Sed amant justitiam ac justa facta hominum.

(Бог взирает на дела смертных и карает грешников. Святые боги отвергают дело разрушения, они любят справедливость и праведные дела людей.)

ДИМИТРИЙ РАССТРИГА

КТО БЫЛ ОН, СТОЛЬКО ЗЛА
МОСКОВИИ С СОБОЮ
ПРИНЕСШИЙ? СРОК ПРИШЕЛ
И ТО, ЧТО ТЫ С ЧУЖОЮ
СУДЬБОЮ ПРОИЗВЕЛ,
СВЕРШИЛОСЬ НАД ТОВОЮ.

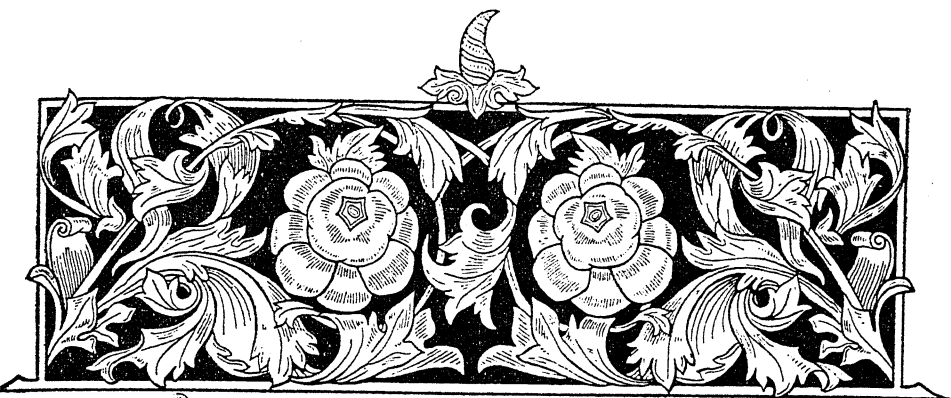
НО ИМЯ ВНОВЬ ЗВУЧИТ
И ЧУДО! — ВСЕХ МОРОЧИТ.
ДИМИТРИЙ — ТАК ТВЕРДИТ
МОЛВА — ПОДНЯТЬСЯ ХОЧЕТ,
МОСКВУ ОН УМАЛИТ
И БЕДЫ ЕЙ ПРОРОЧИТ.

НО БОГ, ЧТО ВСЕ ДЕЛА
ПРОВИДИТ И СТРЕМЛЕНЬЯ
НЕ ДАСТ, ЧТОБ ПОНЕСЛА
ДЕРЖАВА УМАЛЕНЬЕ,
И НЕ ДОПУСТИТ ЗАА
ГОСПОДНЕ ПРОВИДЕНЬЕ.

ОГДА ТЕЛО [Димитрия] убрали, в ту самую ночь в окрестностях Москвы содеялось великое чудо, ибо все плоды, как злаки, так и деревья, посохли, словно они были опалены огнем, да, и так [было] на двадцать миль вокруг Москвы, да и вершины и ветви сосен, которые все время, и зимой и летом, бывают зелеными, повисошли так, что жалостно было глядеть ¹⁷³.

Того ради московиты говорили, что он [Димитрий] и мертв, но душа его с помощью дьявола творит чары, поэтому почли за лучшее сжечь его тело и, отыскав, взяли его, а также крепость, которую он повелел зимой выставить для потехи на лед и которую прозвали чудищем ада, и отвезли за Москву на речку Котел (rivierken Katiol) и там сожгли и прах развеяли по ветру, и полагали, что, совершив все это, будут жить без страха и заботы ¹⁷⁴; и бояре из своей среды избрали в цари Шуйского; и вывели его на большую площадь, и велели созвать весь народ, объявив, что они избрали из своей среды в цари Василия Ивановича Шуйского, и не могли найти между собой лучшего и более достойного, который много раз подвергал жизнь свою опасности ради общего блага и преуспейания отечества, и вопрошали народ, доволен ли он таким [выбором царя], ибо Москва не может и не должна долго оставаться без царя, на что народ [ответил] громкими криками, что доволен и что никто, кроме него [Шуйского], того не достоин ¹⁷⁵.

Труп (Димитрия) сжигают
28 мая

Василий Иванович Шуйский становится царем московским

Итак, они сделались его подданными и пали ниц перед ним, желая счастья дарю и великому князю Василию Ивановичу всея Руси, и бояре отвели его наверх [в Кремль] в церковь, где совершили благодарственное молебствие за свое спасение.

Затем во всей стране наступил жестокий мороз, который также погубил большую часть плодов, так что они и не знали, что сказать, ибо он [Димитрий] уже был сожжен; и они глядели друг на друга, не ведая, по какой причине это случилось.

И даря Василия Ивановича венчали по их обычаю, подобно тому как венчают дарей московских, и перед ним также бросали золото.

30 мая снова созвали весь народ на большую площадь, куда вышла большая часть бояр, прочитавших статьи, в коих было изложено, по какой причине убили венчанного даря, и [эти статьи] были следующие:

Обвинения
против Димит-
рия

Во-первых, его [Димитрия] обвиняли в том, что он не был прирожденным государем и сыном блаженной памяти даря Ивана Васильевича, а был чародей и вор (scelm), действовавший по наущению дьявола, звали его Григорием Отрепьевым, и он был родом из Галича (Galettz), и отец и мать его, бедные люди, были еще живы, и их отыскиали, и они сами признались, что то был их сын, и сказали, что когда он овладел землею [Московией], то послал в Галич и повелевал схватить всех своих родственников и заточить в темницу и крепко стеречь, чтобы ничто не открылось, и было их добрых шестьдесят душ. Также сказали они, что, утвердившись на престоле, он [Димитрий] подкупил одного плута (boef), чтобы он выдавал себя за Григория Отрепьева и, прикинувшись юродивым, ходил в монашеском клобуке; и по убийстве Димитрия этот монах повинился в том, что был им к тому подкуплен, и он был в одном из московских монастырей и поведал обо всех обстоятельствах, изложенных мною в рассказе о первом его [Димитрия] появлении, как он бежал с некоторыми бумагами и списками (scriften en soryen) в Польшу, выдавая себя за Димитрия.

Теперь некоторые говорят, что то был сам дьявол; но другие уверяют, что он поляк и послан в Московию проискамп иезуитов, и [он] научился языку и шатался повсюду, как бродяга и нищий, разведав обо всех делах [Московской] земли и также ознакомившись с ее историей и происшедшими там событиями и со всеми [этими] сведениями воротился в Польшу, и впоследствии иезуиты вместе с своими приспешниками и с самим папой совещались о том, как им вступить в игру, как о том рассказано, что весьма возможно и многие считают достоверным.

Во-вторых, его [Димитрия] обвиняли в том, что он был чародей и водился с дьяволом, что подтверждал также его учитель, поляк, говоривший, что он [Димитрий] был весьма привержен к таким [черлопнижным] искусствам, и многое другое, и москвиты доказывали это многими предметами, как-то чудищем ада, сделанным по его повелению, и многими другими подобными баснями.

В-третьих, его [Димитрия] обвиняли в том, что он был еретик, ибо не чтит праздников и не соблюдал постов, а также не ходил в церковь.

В-четвертых, показывали народу письма от папы, полученные во время его [Димитрия] царствования с напоминанием, что наступает время преобразования страны и надобно начать с повеления строить школы, чтобы обучать детей, так как это делают в Польше, и ему надлежит приступить к очищению церкви от всех греческих алтарей и икон и освятить римско-католическими иконами с помощью людей, присланных для того [папою], и многие другие подобные бредни.

В-пятых, они [бояре] предъявили договор, который он [Димитрий] заключил в Польше с воеводою Сандомирским, [обещав] ему отдать княжество Псковское с уездом (*en alle toebehoorten*), а также и Новгород, а сыну его, брату царя, всю землю Сибирь (*Sibiria*)¹⁷⁶, а также Самоедскую (*Samojeda*) и соседние земли; также обещал некоторым княжество Смоленское, но прежде надлежало перебить всех здешних [московских] бояр, как о том было сказано, и повсюду поставить правителями польских вельмож и иезуитов.

В-шестых, жаловались на то, что он [Димитрий] не уважал их [москвитов], ибо поляки поносили и ругали их, и они [москвиты] не могли сыскать правосудия, но их еще пуще того награждали побоями и, наложив опалу, ссылали, чтобы погубить.

В-седьмых, жаловались на его [Димитрия] чрезмерные траты и издержки, [которые он производил], не справляясь о том, сколько может спести страна, также [повеле]л сделать для себя трон, больше, чем был при прежних царях московских, и повеле]л носить перед собою скипетр, державу, корону, а также большой меч; давал албартшикам, трабантам и капитанам жалованье, так же как боярам, не помышляя о том, что скоро придет [ему] конец.

В-восьмых, [Димитрия] обвиняли в том, что он был невоздержан и похотлив, а также и легкомыслен, как никто на свете, не почитал святых инокинь и множество их обесчестил по монастырям, оскверняя таким образом святыню; сверх того впал в содомнию; также справлял свою свадьбу в день святого Николая, коего они чтят второй раз по

весне, и такой проступок считается у них [москвитов] великим грехом, ибо Николая они ставят почти наравне с Христом, да и чтут его в десять раз более.

Также часто занимал он [Димитрий] в святых монастырях тысячи и никогда их не отдавал; священников, монахов и других духовных особ повелевал жестоко наказывать кнутом, к чему они не привыкли, и они [москвиты] принуждены были отплясывать танцы, которым никогда не учились (*welcke courante sy noyt en hadden geleert diese doen dansen mosten*).

Он также поставил по своему усмотрению в Москве патриарха, не избранного епископами и духовенством, и сместил хорошего патриарха, наложив на него опалу, сослал и возвел на его место безбожного плута.

В-девятых, обвиняли его [Димитрия] в том, что он вызвал [появление] человека (*geest*), который в крайней нужде мог оказать ему помощь, и он со множеством казаков явился на великой реке Волге, причиняя повсюду много вреда, грабя нагруженные товарами корабли, шедшие из Астрахани, и творя убытки на миллионы, и он выдавал себя за Петра Федоровича, незаконного сына (*bastaert*) царя Федора Ивановича, а царь Федор Иванович никогда и не помышлял пойти от своей жены к другой [женщине], чтобы прижить от нее бастарда, но жил как святой, как мы о том уже говорили ¹⁷⁷.

В-десятых, жаловались на великие притеснения от поляков, которые повсюду своевольствовали, а также забирали в лавках всё даром и не спосили ни одного слова от русских, но тотчас рубили их саблями, и когда на них приносили жалобы, то [русские] не находили правосудия, но их презирали и отвергали, словно собак, несправедливые судьи, поставленные им [Димитрием] по своему желанию; также поляки учиняли бесчинства на улицах, не чтя княгинь и боярынь, по вечерам вытаскивали их из карет, хотя их и сопровождало много слуг, и так повсюду учиняли волнения, что было нестерпимо.

И заканчивали тем, что он [Димитрий] мог бы делать, что хотел, когда бы только жил смиренно, и взял себе в жены московскую княжну, и держался бы их религии, и следовал бы их [московским] законам, то вовек бы оставался царем; но, увы, они [москвиты] не знали, что бог чудесным образом карал их за многие тяжкие грехи, в коих они с каждым днем все более и более коснели.

Междоусобная
война

Все эти упомянутые выше обвинительные статьи разослали по всей стране и по всей стране также объявили об избрании в цари Василия Ивановича Шуйского, и все города приняли [это известие]

с радостью, за исключением только тех, откуда пришел Димитрий, и они возмутились и убили гонцов, и во главе их стояли Путивль и Елец; и так началась в Московии новая война, междоусобная.

Теперь мы перечислим [подарки], посланные Димитрием в Польшу в начале своего царствования, не считая тех денег, коими он уплатил свои долги и на что весьма жаловались, так как казна была совсем опустошена; с достоверностью известно, что Димитрий послал следующее:

Подарки, о которых известно, что он послал их из Московии [в Польшу]

От имени его матери был послан княжне Сандомирской (princesse van Sandomiria) образ троицы, украшенный драгоценными камнями, оцененный в	20 000 фл.
От Димитрия был послан алмазный перстень ценою в	14 000 »
Платье	16 000 »
Ожерелье (sarkant)	48 000 »
Полный убор, на котором изображен зверь с крыльями из гелиотропа	12 000 »
Чаша гиадинтовая с ручкой из золота	32 000 »
Чаша золотая, полная драгоценных камней	26 000 »
Серебряный золоченый пеликан, весом в 50 марок . .	1 600 »
Крестьянин, сидящий на олене, проданный десять лет тому назад Филиппом Гольбейном	7 000 »
Часы из черного дерева от него же	10 000 »
Корабль серебряный с позолотою от него же	5 600 »
Две птицы	2 240 »
Сорок фунтов крупного жемчуга, по тридцать три талера за унцию	48 128 »
Три узды и дорогие сабли	60 000 »
Двенадцать кусков дорогого бархата и атласа	4 000 »
Через посла Афанасия Власова, отправленного в Польшу, отдано в Кракове по повелению его государя следующие подарки: городу Кракову — персидский ковер, изображающий сражения, чрезвычайно искусно сделанный, ценою в	16 000 »
Еще несколько сабель примерно [ценою] в	14 000 »
Еще ожерелье с большим кольцом	38 000 »
От старой дарицы несколько сабель примерно [ценою] в	10 000 »
Сверх того, считая на деньги	400 000 »
Итого на сумму	784 568 фл.,
что на московские деньги составляет	130 761 руб.

И это только то, что достоверно известно, не считая того, что тайно было отправлено в Польшу еще много ценных [вещей], и

невеста вполне могла снарядить себя и свою свиту для торжественного въезда в Москву, как о том было рассказано выше¹⁷⁸.

Впоследствии говорили, что он [Димитрий] также отправил в Польшу [изображение] Христа, отлитое из чистого золота по повелению Бориса, вместе с многими кубками, сосудами и редкостями, некогда присланными персидскими шахами московитам; сверх того не был забыт и папа.

Старая царица, которую он [Димитрий] называл матерью, без всякого ущерба осталась жить в своих покоях, хотя ее весьма бранили за то, что она нарекла его своим сыном; она говорила, что совершила это из страха, а также [потому], что была рада избавиться от бедствий, и она сама не понимала, что делает, и ее оставили [жить] попрежнему.

Тотчас всех поляков, как то: гайдуков, стрелков и других, которые были низкого звания и во всем бесполезны, по отобрании у них оружия выслали из страны под большим конвоем и, переправив через рубеж, отпустили их на свою волю; и дорогою поляки одних приставов [bewaerders] убили, других ранили, учинивших же это тотчас задержали.

Всех панов, дворян и видных купцов держали под строгим караулом и [потом] отправили в разные места; к одним приставили стражу, других посадили в тюрьму на скудное содержание.

Воеводу вместе с его дочерью, бывшей царицей, и дворянами, которых было около четырех сот, сослали в Ярославль, что на реке Волге, и там отвели им двор, который стерегла со всех сторон крепкая стража; также и горожане должны были поставлять стражу¹⁷⁹.

Его [Сандомирского] сына, брата царицы, вместе с тремястами дворян и панов отправили в Кострому, также город на Волге, где их строго стерегли.

Двор в Москве, на котором расположился польский посол, примерно с тремястами человек, как принадлежавшими к его свите, так и с теми, что бежали к нему во время волнения, и им было лучше, нежели другим, этот двор строго стерегли и еще оградил решетками и столбами и охраняли день и ночь.

Так же точно охраняли и дом пана Вишневецкого из Киева (Kiof) со свитою, в которой было более трехсот человек, так отважно защищавшихся, как мы уже говорили.

И всем этим людям отпускалось довольствие, но не столько, сколько им было надобно. Того ради они продавали московитам многие из своих вещей за половинную цену, чтобы купить необходимое.

Выше мы говорили, что все города были довольны тем, что случилось в Москве, кроме тех, что были расположены по соседству с Польшей и Татарией [die na de poolse en tarterse syde lagen], в земле Северной и волости Комарицкой, а именно: Путивль, Елец, Тула, Кромы, Рыльск и многие другие рядом с ними, и [жители их] умертвили гонцов, а также сожгли присланные из Москвы письма царя и его самого ругательски поносили, как бесчестного предателя [scelmsen verrader], и хотели мстить ему до последней капли крови, и хотели узнать, почему, не спросив у них совета, убили венчанного царя без всякой к тому причины¹⁸⁰. И они вслед за собою возмутили еще много других городов, также все Поволжье, также и Астрахань со всеми прилежащими к ней областями, и все поклялись между собою отмстить за него и призвали к себе в предводители с Волги Петра Федоровича, который выдавал себя за незаконного сына царя Федора Ивановича, как мы уже говорили при изложении обвинений против Димитрия. И [у них] было запасено амуниции и припасов на три года, также много пушек, ибо, как мы говорили выше, Димитрий, намереваясь напасть на Татарию, отправил в Елец много припасов и амуниции на триста тысяч человек¹⁸¹ и даже более; все это они заполучили в свои руки и были готовы к войне.

Против этих мятежников, что на Волге у Астрахани, послали из Москвы большое войско под начальством знатного боярина Петра Шереметьева (Seremetoff), который, подступив к Астрахани, нашел, что астраханцы также возмутились и среди них несогласие, и он принужден был со своим войском обратиться в бегство и укрепился на острове, на Волге, в трех милях от Астрахани, называемом Балчик (Baltsick), или Бузан (Boesan). Там же было примерно полторы тысячи купцов из Астрахани и других мест по берегам Каспийского моря, бежавших туда со всем своим имуществом, и они были принуждены оставаться там в течение двух лет, терпя великие бедствия, и не могли никак выйти, ибо были осаждены неприятелями], и многие перемерли, так как среди них распространились жестокие поветрия от холода, голода и лишений.

Купцы, бывшие в Саратове, Самаре и других местах, претерпевая бедствия, блуждали по стране, и каждый бежал своей дорогой, и некоторые из них достигли Москвы; также и ногайцы, видя по всей Московии междоусобные войны, снова отпали от Московского царя, и около тридцати улусов (oloesen) или родов, из коих каждый мог выставить тридцать тысяч воинов, соединились вместе и стали грабить повсюду, куда только они могли дойти; изнутри Астрахань была полна мятежем и один убивал другого.

Когда все эти вести дошли в Москву до слуха народа, страх и трепет обуяли всех и каждый призывал на себя смерть. Царь возмел твердое намерение постричься в монахи, однако бояре не допустили его до того, полагая, что раз он начесал кудель, то ему и прясть (*dat hyt geroect hebbende ooc spinnen moeste*), и стали делать большие приготовления, чтобы одолеть мятежные города, и поставили главными воеводами братьев дая Дмитрия и Ивана Шуйских, и также молодого Скопина и многих других бояр, дворян и начальников, и отправили войско в поход, также послали во все города грамоты с повелением собрать ратников для войны; но города повсюду горько жаловались на совершенное разорение от прежних бедствий, так что им было не на что выставить ратников; после долгих проволочек выставили большое бесполезное войско.

Меж тем в Москве были некоторые пемедские и другие иноземные капитаны, как то французы и шотландцы, которые, видя, что по всей стране распространился мятеж, и страшась дальнейших несчастий, стали просить отпустить их домой навестить родину и с помощью друзей добились того, что получили отпуск. И свыше пятисот возвратились на родину¹⁸² и то было удивительно, что они получили отпуск как раз тогда, когда в них была наибольшая нужда, и еще многие тому дивились, ибо когда кто поступает на службу московскую, то [обыкновенно] до конца жизни не может ее оставить; однако некоторые остались и продолжали служить; а капитан Скотницкий [*Scotnisci*] с некоторыми другими перебежал к противникам Москвы.

Войско, отправленное против этих коварных мятежников царем Василием Ивановичем под начальством двух братьев его, молодого Скопина и многих других, не имело большого успеха, но бунтовщики повсюду с отвагою побивали в сражениях [царское войско], так что и половины не уделало. Невзирая на эти поражения, [в Москве] не переставали набирать ратников, привлекая одних ласкою, других силою, и снова собрали войско в сто восемьдесят тысяч человек под начальством поименованных воевод.

Новые войны.
Московиты вы-
сылают войско
против мятеж-
ников

Также князь Иван Михайлович Воротынский (*Worotinsco*) был послан с особым войском взять Елец, стоявший во главе возмущившихся, но был побит в прах, и все его войско расстроено, и он сам едва успел убежать в Москву¹⁸³.

Другие [воеводы] также часто давали сражения, но мятежники всегда одерживали победу, и они были искусные вонтели и отважные воины, свободные и вольные (*vry en liber*) и, занимая страну, изобилующую плодами, так как это—плодородная страна и за два

этих [последних] года опять сильно разбогатела, так что они могли иметь больший успех, нежели их противники с севера, и они как воины всегда побеждали.

Московиты отправили посольство в Польшу, дабы уведомить обо всем короля [польского], по какой причине умертвили они царя Димитрия, также оправдывая себя, как только это было возможно, говоря, что во время всех этих убийств не погиб ни один из подданных короля или близких к нему, за исключением только одного королевского дворянина (camerling) с его свитою, который был приглашен на свадьбу московским послом, и был убит во время возмущения, что весьма огорчило [московитов], и передали королю список [поляков], которых они содержали под стражею.

Посольство в
Польшу

Они старались разведать, не оказывает ли король помощи мятежникам и разные другие обстоятельства¹⁸⁴, стараясь о своей выгоде, но прежде чем они добились приема или аудиенции, они трижды получили отказ, но наконец польский сенат (gaet) почел за благо их выслушать, и послами были: Григорий Константинович Волконский (Wolcensci), боярин, и Андрей Иванов, дьяк¹⁸⁵.

На то дан был им достаточный ответ, и [поляки утверждали], что не подавали мятежникам никакой помощи и даже еще ничего не знали о мятеже, и король никогда не оказывал Димитрию заступления, о чем было уже довольно говорено через послов, посланных в царствование Бориса, что у них [поляков] не было причины учинять возмущение против Москвы, нарушая клятву, но теперь они не связаны клятвою, ибо московиты сами нарушили ее и убили невинных поляков, подданных короля, а главное, предали позорной смерти приглашенного на свадьбу королевского дворянина и его свиту; сверх того вопреки *jus gentium* задержали в Москве его [королевского] посла. Того ради у них [поляков] было довольно причин подать помощь мятежникам против Москвы, а также самим пойти войною на Московию, дабы отомстить за нанесенные обиды, как было и в прежнее время.

Жалобы поляков на великое избиение их соотечественников в Москве

На то русские послы хотели возражать в свое оправдание, но их увели и заключили под стражу и освободили только на другой год.

Московиты также отправили посла в Крым, чтобы возобновить мир, а также с ведомостью о том, что Димитрий, враг крымцев, убит ими [московитами], и также о всех его деяниях и преступлениях, чтобы вполне оправдать свой поступок.

Сверх того в Швецию, к королю Карлу, отправили грамоты с изъявлением дружбы, а также с ведомостью об убиении Димитрия,

чему король Карл обрадовался, ибо очень страшился Дмитрия по причине, которая чужда [нашему рассказу], и о ней излишне говорить (om oorsaecke die vreemt was en onnodich te verhalen). Король обещал в крайней необходимости послать войско на помощь москвитам. Это их несколько порадовало.

Меж тем мятежники были искусными воителями и побивали посылаемые против них войска точно так же, как во время вступления Дмитрия в пределы Московии, и счастье всегда сопутствовало им. Да и они вошли во все города по всей Северской земле (die in de gantse lantstreecke waren vant Siveria) и переманили на свою сторону всех [жителей], также перебежали к ним многие из московских ратников, как немцы и ливонцы, так и русские; и немцев, которые были доблестные смельчаки, поставили ротмистрами и капитанами, также правителями завоеванных городов, так что они из низкого звания высоко поднялись, из солдат стали наполовину королями.

**Болотников
принимает на-
чальство над
мятежниками**

Также находился в войске мятежников некий человек, коего звали Иван Исасвич Болотников (Ivan Isaivitz Bolotnicooft); он был в Москве крепостным человеком боярина Андрея Телятевского (Teletoffsci)¹⁸⁶, но бежал от своего господина, сперва отправился в степь к казакам, а также служил в Венгрии и Турции, и пришел с казаками числом до десяти тысяч на помощь к этим мятежникам, и он был детина рослый и дюжий (stere groot kerel), родом из Московии, удалец, отважен и храбр на войне, и [мятежники] выбрали его главным атаманом или предводителем (ottoman oft hooftman) своего войска. Меж тем Петр Федорович оставался в городе Туле, осажденном москвитами; и этот Болотников пошел со всем своим войском на Серпухов (Sirpag), лежащий в восемнадцати милях от Москвы, и сразу занял его, а также Коломну, город при реке Москве неподалеку от Оки, и стал станом против московского войска в двенадцати милях от Москвы.

Эти известия возбудили в Москве великий страх, так что тотчас же выставили пушки на все стены и произвели все приготовления к обороне и за городом устроили укрепленный обоз (wagenborch), и в Москве учинили перепись всем [людям] старше шестнадцати лет, чтобы, вооружив, отправить их против неприятеля, и во все города послали за помощью, так что в Москву каждодневно прибывало много войска, и москвиты во второй раз присягнули дарю в том, что будут стоять за него и сражаться за своих жен и детей, ибо хорошо знали, что мятежники поклялись истребить в Москве все живое, так как, говорили они, [мятежники] все повинны в убийстве Дмитрия. Того ради [москвиты] принуждены были храбро сражаться и отражать [нападения].

И [одному только] богу ведомо, откуда вдруг пошел по стране новый слух и [распространилась] молва, что Димитрий, которого считали убитым в Москве, еще жив, да и многие твердо тому верили, также некоторые и в [самой] Москве. И все, взятые в плен, неприятели и мятежники, коих каждодневно приводили пленными в Москву и претягостным образом топили сотнями, как виновных, так и невиновных, и они до последнего вздоха уверили, что Димитрий еще жив и снова выступил в поход. Одним словом, совершилось новое чудо: Димитрий второй раз восстал из мертвых, и никто не знал, что о том сказать и подумать, но все наполовину помутилось разумом.

Появление нового Димитрия в Москве

Вообще были две партии [среди москвитов]: одни говорили и верили, что он [Димитрий] жив и что он бежал за два или три дня до [мятежа] и что вместо него по неведению умертвили кого-то другого; другие же говорили, что он мертв и что умертвили того самого, о коем доподлинно знали, что он выдавал себя за Димитрия и был почти год царем; и я согласен с этими [последними], ибо я весьма хорошо видел его живым, а также прилежно осмотрел его по убийству и не мог приметить ничего другого, как только то, что убили настоящего, в чем нет сомнения.

Партия, [сторонники которой] верили тому, что он еще жив, и были как между мятежниками, так и в Москве, приводила в пользу того следующие доказательства:

Доказательства тех, которые утверждают, что Димитрий жив, и возражения на эти доказательства

Во-первых, говорили, что тот, кто три дня лежал нагою на площади и кого принимали за Димитрия, до того был покрыт пылью и ранами и так растерзан, что его невозможно было узнать.

Во-вторых, говорили, что тот, кого умертвили вместо Димитрия, имел длинные волосы, тогда как царь незадолго до того велел их срезать перед самой свадьбой.

В-третьих, говорили, что у того, кто лежал убитым на позоренье перед всем светом, не было бородавки у носа, которую имел Димитрий, а также знака на левой [стороне] груди, меж тем как его [Димитрия] собственный секретарь Бучинский уверял, что у него [царя] знак на левой [стороне] груди, и он [Бучинский], будучи с ним [царем] в бане, этот знак видел.

В-четвертых, говорили, что пальцы на ногах убитого были весьма нечисты и ногти слишком длинные, более схожи с пальцами мушкетера, нежели царя.

В-пятых, говорили, что, когда его убивали или умерщвляли, он кричал, что он не Димитрий, и говорили, что то был ткач-камчатник

(damastwever), вывезенный дарцею Сандомирскою из Польши, и он был весьма схож с царем, и [этому ткачу] в то утро, когда должно было совершиться убийство, назначили в царском платье лечь на царскую постель или по крайности прохаживаться в царском покое, ибо Дмитрий, говорили, бежал; и камчатник ничего не ведал о таких вещах и полагал, что то какая-нибудь шутка, или то быются об заклад, или то маскарад (mommege), и потому, когда они [заговорщики] подступили к нему с оружием, чтобы убить его, он вскричал: «Я не Дмитрий, не я Дмитрий» («Ja ne Demetri, ne ja Demetri, dat ic en ben Demetrius niet»); того ради заговорщики и бояре тем более стали разить его, говоря, он сам теперь повинился, что он не Дмитрий и не законный наследник престола, а расстрига, и убили его, страшась, что он убежит. И [передавали] еще другие подобные басни (fratsen), не заслуживающие доверия.

В-шестых, еще говорили, что у них [заговорщиков] было много причин сжечь его [труп Дмитрия], чтобы его более не видели, и говорили, что его надлежало набальзамировать, чтобы он был в наличности на случай нужды показать его и сравнить с портретом, и еще говорили, что народ приносит страшные клятвы и умирает, убежденный в том, что он [Дмитрий] жив, и, стоя на том, претерпевает различные пытки и мучения, и многие люди уверяют, что будто бы видели его с тем самым скипетром и короною, с какими видели его в Москве, корона и скипетр были похищены из Москвы во время первого волнения, также три или четыре царские лошади, как мы о том рассказали. Так они хотели заставить верить в то, что Дмитрий жив.

Против этих помянутых выше доказательств я могу по доброму своему намерению и малому разумению привести такой ответ и полагаю, что партия, утверждающая, что он [Дмитрий] мертв, со мной в том согласится.

Во-первых, я его хорошо узнал, когда он лежал там [на площади] весьма истерзанный, в крови и пыли, [ибо стояли] жаркие дни, и я отлично (perfect) видел по его лицу (physiognomie), широким плечам и росту его тела, что то был тот самый, кого звали по Москве царем Дмитрием в 1605 и 1606 году и кто в эти два года почти год царствовал.

По второму пункту, что касается волос, то никто не может утверждать с достоверностью, велел он их срезать или нет, ибо он всегда ходил с покрытою головою и ни перед кем ее не обнажал, но мы и его подданные снимали перед ним шапки.

По третьему пункту, что касается бородавки у носа, то я и множество других людей вместе со мною видели ее на убитом, но о знаке на левой [стороне] груди, что рассказывал секретарь его [Димитрия], я ничего не знаю и никакого знака не приметил и тому не верю; секретарь мог сказать это нарочно, а не истинно.

В-четвертых, что касается до нечистых пальцев на ногах и длинных ногтей, то это ребячья болтовня (kinderclap), он как раз мог не чистить своих пальцев во все время, хотя и часто бывал в бане, но возможно ему было слишком много дела с молодыми монахинями и девками, которые не спрашивали, грязны ли его пальцы и коротки ли или длинны его ногти.

В-пятых, что касается ткача-камчатника, то это ложь и глупая басня, ибо, когда бы он [Димитрий] наперед знал о том [намерении умертвить его], то мог бы спастись раньше и иначе, и его друзья остерегли бы его, да и так как вся власть была в его руках до последнего часа, то заговорщиков схватили бы, ибо у него было довольно власти, чтобы совершить это по своей воле; также и поляки не спали бы так долго, а были бы на стороже.

Что же касается пропажи скипетра, короны и четырех царских лошадей, то это достоверно, так как во время великого смятения и возмущения для каждого все стояло открыто и пропало все, что лежало открыто, как в царских покоях, так и [в домах], где жили поляки, и пропало всего столько, что и не сравнить с [названным], но в тысячу раз больше узорочья, платьев и драгоценной утвари.

В-шестых, зачем было сжигать труп, когда его надлежало набальзамировать? Как же это так? Разве надлежало бальзамировать того, кого почитали вором и чародеем? Чего ради было оказывать ему такую честь? И кто мог тогда предвидеть несчастье? И его сожгли по требованию всего народа, кричавшего, что они желают, чтобы его сожгли, и говорившего, что его дух продолжает творить чары, вина его в том, что он истребил все плоды вокруг [Москвы].

Касательно того, что, как говорили, все взятые в плен мятежники до самой смерти своей уверяли, что они видели его [Димитрия] в той самой короне на голове и с тем самым скипетром в руках, с каким видели его в Москве, и никакие пытки и мучения не могли принудить их отступить от своих уверений, то это правда, но таких, схожих с ним лицом, и людей, что походили на него, можно было найти много, и я сам после его смерти видел с добрый десяток людей, на него похожих, также во время волнения бежали некоторые, что каждодневно бывали у него, и могли в том подражать ему, ибо

в таких делах пускаются на всякие хитрости; или то, быть может, [действовал] сам дьявол, коему всемогущий бог дал власть карать землю за ее многие страшные и тяжкие грехи, беспрестанно творимые людьми, которым усердно содействуют пезунты, помощники дьявола (duvels trawanten).

Совещание в
Москве о том,
чтобы уничто-
жить ложное
верование в
Димитрия

Убиенного мла-
денца Димит-
рия с помощью
обмана выры-
вают (из моги-
лы) и выдают
за чудо

Царь долго советовался со всею московскою думой (гает), как бы искоренить в народе пагубное верование и вздорное мнение, будто он [Димитрий] еще жив, и, зрело обсудив и рассудив, почли за благо послать в Углич и там похоронить ребенка, который походил бы на того Димитрия, что был истинным [царевичем] и убит Борисом; и так как они хорошо знали, что тело этого младенца [царевича] уже сгнило, ибо оно пролежало [в земле] много лет; в этом повествовании довольно было изложено, как в царствование Федора Ивановича по повелению Бориса был погублен и убит (omgebrocht en vermoort) младенец Димитрий; и этого [другого] ребенка должны были снова выкопать, объявив народу, что [тело] убиенного Димитрия еще сохранилось, дабы все уверовали, что то все плутни, как первое, так и последнее спасение Димитрия; и сверх того они приняли намерение привезти его в Москву и распустить слух, что от него совершаются чудеса (dat hy miraescelen deede), и его должны были в присутствии всего народа поставить в Архангельском соборе, где погребены все цари. Итак, ночью тайно похоронили в Угличе одного ребенка в той самой могиле, в коей было погребено тело убиенного Димитрия, а его останки положили в другой гроб и снова тщательно заделали¹⁸⁸.

И нарядили из Москвы в Углич князя Ивана Михайловича Воротынского, чтобы [вырыть] из могилы [тело] истинного юного Димитрия [и] привезти в Москву, и, приблизившись [на возвратном пути] к Москве, [князь] послал известить о своем [прибытии], так что это тело встретили с большой процессией, в коей царь и все бояре шли пешком, а все епископы, монахи и священники с иконами, крестами и хоругвями, а также старая царица, мать истинного младенца Димитрия, и за ними следовал весь народ, и [все] вышли за город, чтобы его принять. Я из любопытства побежал за всеми, чтобы посмотреть, чем это кончится.

Выйдя за город, [увидели] тело, лежавшее на носилках, поставленных на телегу, и [вокруг], взирая на него, стоял царь с боярами, епископами и старой царицей, восклицая: «Днесь зрим мы истинного юного Димитрия, убиенного в Угличе, и божие провидение сохранило его столь же свежим (vers), как если бы его только положили во гроб». Того ради весь народ тотчас стал славить и благо-

дарить бога, и носилки тотчас были покрыты; я бы и сам охотно посмотрел [на тело], когда бы меня допустили, также многие монахи и священники, весьма того желавшие; но, возможно, страшались, что у нас слишком длинные языки, и заботились о том, чтобы мы не осквернили святое тело, и привезли его в Москву, как святого и угодника (*sanct en heiligen*), и поставили на носилках в Архангельском соборе, но никто не смел приблизиться к нему, кроме главнейших бояр и епископов, посвященных в это дело.

Я не думаю, чтобы [в это время] в Москве был хотя один колокол, который бы не гудел, ибо [люди] были оглушены звоном, и едва только поставили [мощи] в собор, как стали свершаться над некоторыми чудесные исцеления: слепые прозревали, калеки начинали ходить, немые—говорить, глухие—слышать, и едва только совершалось над кем-либо чудо, припимались звонить во все колокола и петь «gaudeamus».

Да и были некоторые, которых слышали [в церкви], и когда [они] выходили оттуда, то становились немыми, когда их о чем-нибудь спрашивали, и, по меньшей мере, заикались; однако туда никто не входил, только те, кого впустили. Я полагаю, что ежели б мне дозволили войти туда, то я, по меньшей мере, ослеп бы от того дыма, что накадили там, и оглох бы от крика попов.

Однажды шествие едва не было открыто, ибо привели человека больного или, по меньшей мере, почитаемого за больного, и его привели для исцеления, но он умер там в церкви, и его были принуждены вынести оттуда мертвым; однако и тут сумели привести такие объяснения (*relacs*), что все чудеса, совершенные [мнимым Димитрием], почли за добро, ибо сказали, что у этого [человека] не было твердой веры и потому он должен был умереть; и все бедные, так и богатые были столь ослеплены, что верили в истину всех этих выдумок и басен, так ослеплены были люди.

Я часто из усердия [к вере] говаривал им, чтобы они взяли слепых, сидящих и просящих милостыню у дверей нашего и других домов, или хромых и калек, сидящих на всех углах улиц, и отвели их в церковь, дабы они прозрели, стали ходить и слышать, но мне возражали, что эги [люди] не тверды в своей вере. Я спросил, откуда им ведомо, что те, кого туда приводят, точно веруют в святых, они отвечали: ангел божий открывал епископам и священникам тех, кому будет дана помощь, и потому они за ними посылают. Одним словом, они умели отвечать на все мои вопросы и сами твердо веровали, хотя шествие было осязательно, ибо негодая, получавшие видимое

исцеление, были для того подкуплены, чтобы клятвами доказывать свое исцеление, и они портили себе глаза каким-то веществом, также представлялись хромоногими, и другие подобные шутки, и большая часть этих молодчиков (vogels) была незнакома в Москве и [собиралась] из чужих мест.

Одним словом, москвиты были слепы, а теперь ослеплены еще больше. Да просветит их бог святым своим духом и всех, еще блуждающих во тьме!

Таким образом искореняли в народе веру в то, что Димитрий, как говорили, все еще жив, и эти чудеса совершались не долго и вскоре прекратились.

Своеволие на-
рода

Также народ домогался того, чтобы все бояре, возвысившиеся при Димитрии, или расстриге, были казнены, хотя они были невинны, и к числу их принадлежали: Михаил Татищев и Афанасий Власов, отправленный в Польшу за невестою. И хотя вельможи просили за них, но это не помогло утишить народ: многих пришлось для виду отправить в опалу или ссылку, и Афанасия и Никиту Годунова отправили в Казань, [город] при реке Каме (Cham), Михаила Татищева отправили в Новгород, а прочих в другие места.

Меж тем московское войско вновь было разбито, и Болотников одержал верх и послал со всей поспешностью отряд в десять тысяч человек прямо на Москву, намереваясь последовать за ним со всем войском, и этот [передовой] отряд скоро подошел к Москве на расстоянии одной мили от нее, стал у речки Даниловки и занял селение Загорье (Sagoria), которое тотчас укрепили шанцами (bescansten), и у них было несколько сот саней, и поставили их в два и в три ряда одни на другие, и плотно набили сеном и содомою, и несколько раз полили водою, так что все смерзлось, как камень. И у них был также скот, быки и лошади, довольно на несколько дней, и [они] стали ожидать Болотникова с главным войском¹⁸⁸.

Победа мятеж-
ников; они под-
ступают к
Москве; с по-
мощью измены
обращены в
бегство; многие
взяты в плен
и казнены

Меж тем московское войско засело в обозе (wagenborch) перед самыми городскими воротами, и воеводами были царские братья; и они часто учиняли большие нападения со множеством пушек на упомянутые шанцы [мятежников], но без всякого успеха. Также упомянутое селение было обстрелено множеством бомб, но там их тотчас тушили мокрыми кожами, и так как неприятели держали на примете Красное Село (Crasna Zela), лежащее неподалеку от них, большое и богатое селение, подобное [целому] городу, откуда они могли угрожать почти всей Москве, то москвиты, страшась этого, выставили у речки Яузы (Janus), через которую они [мятежники] должны были перейти,

сильное войско под начальством молодого боярина Скопина, чтобы воспрепятствовать переправе, а сами со всеми своими силами, числом в двести тысяч ратников, в течение двух дней осаждали их, но не смогли одержать победы и сами понесли большие потери.

Меж тем Болотников прислал им на подмогу тридцать тысяч человек под начальством воеводы (overste) Истома Пашкова, и этот Пашков прибыл туда на третий день и, делая вид, что он намерен напасть на московитов, обошел сзади своих товарищей и спявших в осаде; но Пашков, [сговорившись] почти со всеми своими главными начальниками и капитанами, тайно заключил наперед с дарем условие (contract) перейти к нему и все свое войско передать московитам¹⁸⁹.

Московиты, зная об этом, с большим войском напали на осажденных, а также послали отряд против Пашкова, который сперва передался с пятьюстами человек, и его войско от [такой] неожиданности пришло в расстройство, и московиты захватили множество пленных; и осажденные, увидев это, также обратились в бегство, и половина их была захвачена, ибо лес, через который они принуждены были бежать, был занят московитами; и там произошла невероятная сеча (een onuitsprekelycke moort gesciet), также и в плен захватили до шести тысяч, так что в Москве все темницы были полны, и сверх того многие жители (lieden) московские должны были стеречь по два или по три пленника, и множество их было посажено в подвалы под большими палатами (groote salen) и приказами (cancelryen), так что было жалко смотреть на них, и были то по большей части казаки, прирожденные московиты, и чужеземцев [среди них] не было вовсе, или было мало¹⁹⁰.

Эти люди недолго пробыли в заточении, но каждую ночь в Москве их водили сотнями, как агидев на заклание, ставили в ряд и убивали дубиною по голове, словно быков, и [тела] спускали под лед в реку Яузу, творя так каждую ночь; также во время этого поражения был захвачен в плен один из главных атаманов, по прозванию Аничкин (Anitzcim), который разъезжал повсюду с письмами от Димитрия и возбуждал народ к восстанию, и этого [Аничкина] живым посадили на кол, и он должен был так умереть, и покуда он, будучи посажен на кол, еще был жив, прислал к нему царь дворянина Истома Безобразова (Istoma Bihobrahoff), который стал его [Аничкина] просить, чтобы он, так как ему предстоит умереть, сказал перед всем народом, кто снова выдает себя за Димитрия. На что он [Аничкин] прямодушно (vrymoedich) ответил, что это никто другой, как брат царя, которого также зовут Димитрий, и он-то и учинил эту измену, хотя

и был на стороне московитов; он сказал это ни для чего иного, как для того, чтобы возбудить в Москве новое волнение в народе; и хотя царь со всеми боярами клялся перед всем народом, что то неправда и он знает брата и его помыслы, но огонь остался под пеплом.

Из Москвы послали двух монахов, чтобы они перебежали к неприятелю и разведали, что это за Димитрий; и приблизившись к тому месту, неподалеку от Коломны и Серпухова, где раньше московское войско было разбито мятежниками, они встретили двух человек, которые называли себя перебежчиками, направлявшимися в Москву, и они поклялись перед монахами, что Димитрий еще жив и они его видели, так что монахи не осмелились идти далее, а эти [люди], встретившиеся с ними, отошли от них.

Болотников нимало не сомневался, что отправленные им войска займут Москву, и когда бы не помешала измена Пашкова, то это могло случиться по причине великого смущения и непостоянства (*wanckelmoedicheyt*) народа в Москве. И когда он [Болотников] узнал от беглецов о поражении, то бежал со своим войском в город Калугу (*Soloega*), расположенный на реке Оке, и он нашел (это место) удобным для того, чтобы провести там зиму, и тотчас запаса всею необходимым; и это был город многолюдный, и в нем всегда шла большая торговля солью (*southandel*)¹⁹¹ с землей Северской, Комарицкой волостью и другими соседними местами, откуда привозили [в Калугу] мед, воск, лен, кожи и другие подобные товары, так что она хорошо была снабжена [всякими припасами]; и перед тем московиты побили много [его] войска, и он [Болотников] бежал с оставшимися в Калугу и здесь укрепился.

Петр Федорович, выдававший себя за незаконного сына царя Федора, как мы говорили выше, еще сидел в Туле, осажденной московитами, и верх брала то та, то другая сторона, но Петр, хотя и находился в крайней нужде, держался с большой храбростью.

Когда Болотников укрепился в Калуге, туда подступило все московское войско, еще более многочисленное, чем то, что стояло под Кромами, как мы поведали, рассказывая о вступлении Димитрия в Московию, ибо Болотников сидел в Калуге, как Корела в Кромах, и [осажденные] каждодневными вылазками причиняли московитам большой вред; да и почти не проходило дня, чтобы не полегло сотрок или пятьдесят московитов, тогда как осажденные теряли одного; в [московском] войске только и делали, что стреляли без нужды, распутничали, пили и гуляли, чего не лишали себя и [осажденные]

Болотников
их атаман

в Калуге, и так без пользы прошла зима; и дарь мог думать о том [все], что ему было угодно.

Московиты согнали крестьян из окрестностей, и они были при-
нуждены каждый день рубить деревья в окрестных лесах, колоть
дрова и возить их в лагерь на саних, которых было несколько сот,
так что сложили целые горы дров вокруг Калуги, намереваясь при-
двигать примёт (houtbergen) с каждым днем все ближе и ближе
к Калуге, чтобы при благоприятном случае зажечь его, когда ветер
будет дуть на Калугу, и таким образом погубить осажденных. Но
осажденные, узнав об их умысле и намерении от перебежчиков, стали
подводить подкопы (tunen) под примёт, причем от взрывов погибали
частью и люди. Также было у них наготове много горючего (brandende materie), и когда ветер дул в сторону [московского] войска,
то они сами поджигали примёт и головни летели в лагерь [москови-
тов], а тем временем [осажденные] делали вылазки и наносили боль-
шой вред [московскому] войску; одним словом, они [осажденные]
всегда оставались победителями, почти так же, как и в Кромах¹⁹².

В это время в Новгороде было моровое поветрие, от которого
погибло в самом Новгороде и в окрестностях множество людей, меж
которыми было много священников¹⁹³.

Татары Казанского царства вели себя тихо и непричастно (neu-
tral), выжидая, кто возьмет верх. Все города по реке Волге еще
держали сторону Москвы, как-то: Кострома, Ярославль, Углич, Ниж-
ний-Новгород, Самара, Саратов и многие другие, исключая Астра-
хани, где мятеж был в самом разгаре, отчего и плавание по реке
стало небезопасным от воровских казаков.

На острове Бузане, в трех милях от Астрахани, все еще стоял
Петр Шереметьев со своим войском, и он построил на острове кре-
пость, и так стоял он против Астрахани и Астрахань против него;
и когда сходились, то убивали друг друга.

Ногаи, как мы выше сказали, поднялись и отложились от Москвы,
и они напали на черемис и их вождей (met haren coningen) и уби-
вали друг друга; и так продолжалось беспрерывно.

В Ярославле солдаты, которые стерегли и охраняли (bewaerden
en bewaecten) Сандомирского и его дочь, цариду, [жену] убитого
Димитрия, пытались поджечь весь город Ярославль, чтобы разграбить
его, также и в Костроме, где стерегли сына Сандомирского; и Сан-
домирский со своими людьми, а также его сын со своими людьми
намеревались соединиться вместе и перейти на сторону мятежников;
но эта измена была открыта, и большую часть изменников схватили,

Некоторые из-
менники вой-
ска в Яро-
славле

и [только] некоторые из них убежали. Жителям Ярославля велено было составить свою собственную стражу и самим охранять город, что они и исполнили.

Поляки и дворяне, содержавшиеся в Ростове, также намеревались освободиться силою и перейти на сторону мятежников, находившихся недалеко от них, но и это намерение также успели открыть, и они были разлучены и отосланы за добрых сто миль далее, в Вологду и Белозерск. Среди них были двое Бучинских, отправленных в Пу-стозерск (Pustozera), где их держали под стражею, а Дамарадкого отвезли в Тотму и там заточили в темницу; вельможа Казановский (Cosonoffsci), молодой польский вельможа и родственник царицы, был сослан в Устюг (Cotsinga) на Варе, но большая часть [поляков], среди коих были также и женщины, отправлены на Белоозеро, где они по-лучали скудное содержание.

И в это время в Москву пришло известие, что жена Сандомир-ского с тридцатью тысячами ратников подступила к границе, чтобы подать помощь мятежникам, и что Михаил Молчанов, бежавший во время убийства Димитрия, начальствует над этим войском. Это известие, снова возбуждавшее страх, было народом скоро позабыто.

Ложные изве-
стия, посылае-
мые из Москвы
во все города

Из Москвы каждодневно посылали гондов во все города с известием о победах московитов; и даже, когда московское войско терпело поражения, посылали по всем городам известия, что неприятель разбит, так что повсюду от радости звонили в колокола, и это делалось для того, чтобы народ не отпал, но постоянно соблюдал верность Москве, ибо [московиты] были научены примером Шуйского, изменившего во время вступления Димитрия в пределы Московии.

1607

В январе был обезглавлен в Москве один священник, повсюду распространявший подметные листы (pasquilles) о том, что Димитрий еще жив.

Также от [московского] войска получали письма, в которых было написано, что неприятель с большим проворством и отвагою день ото дня умножает свои войска и запасы, так что [московиты] со всеми своими силами ничего не могут предпринять, чтобы тому воспрепятствовать; поэтому из Москвы отправили сверх царских братьев и сверх всех, [что начальствовали над войском], еще Федора Ивановича Мстиславского вместе с молодым боярином Скопиным и многими молодыми боярами и дворянами, а также с большим войском, повелев им повсюду, куда они не придут, истреблять врагов, и, подступив к Калуге, они должны были соединиться с теми, что стояли лагерем, и они ни в чем не успели больше других.

В эти дни, [когда отправляли новое войско], окончили отставку царских палат, или покоев, и по обычаю московскому надлежало явиться к царю и пожелать ему всяческого счастья, что называют они новосельем (*Novi Zelia*)¹⁹⁴, ибо царь не пожелал остаться в том великодушном дворце, где жил Димитрий, страшась, что ему ночью явится дьявол, ибо Димитрия все еще считали чародеем и потому покои, в которых он жил, были нечисты (*онгеун*), и все, [пришедшие с поздравлением], поднесли царю подарки, также хлеб и соль по московскому обычаю, с пожеланием счастья; хлеб и соль были приняты, но подарки возвращены нам обратно, затем нам и всем другим [поздравителям] прислали кушанья на серебряных блюдах, также и напитки в золоченых сосудах.

В начале января московские воеводы пришли между собой в большое несогласие, однакож действовали с большим лукавством и держали это втайне от войска, хотя в Калуге все стало известно на другой же день и там смеялись над ними.

Меж тем в Москву привезли часть пленных из города Венева (*Venova*), где москвиты также потерпели поражение¹⁹⁵; и вместе с ними пришло известие, что двое знатных московских бояр, Мосальский и Телятевский, перешли на сторону мятежников и идут на помощь к Димитрию с тридцатью тысячами воинов, среди коих были поляки, казаки и русские, и это известие произвело такой страх в Москве, что они вызвали из Старицы низложенного Димитрием старого патриарха Иова, и он, слепой от старости, просил оставить его в покое, однако, [незвизрая на это], его привезли в Москву, но его совет вместе со всеми другими советами ничему не мог помочь¹⁹⁶.

И Мосальский отправился с отрядом войска на Тулу, выручать Петра Федоровича, которого в Москве называли Петрушкою (*Petrosca*), но был разбит москвитами¹⁹⁷, захвачен в плен и привезен в Москву, где и умер от ран; остальных же пленных утопили.

Московские войска, стоявшие под Калугою, кричали с горы, находящейся у реки Оки, [осажденным], что коль скоро Мосальский со всем своим войском разбит, то лучше во-время одуматься и просить пощады, но Болотников смелся над этим и в тот же день велел повесить на виду московского войска нескольких своих слуг, среди коих был и его повар, замысливший измену; сверх того Болотников вместе со своими [приверженцами] поклялся, что они стоят за истинного Димитрия.

[Известие] о битве под Тулою и поражении Мосальского произвело в Москве великие перемены и [вызвало] радость, так что на-

род уже не верил в Димитрия; и на Тулу послали Воротынского с некоторым войском, чтобы еще больше стеснить [неприятеля] и захватить в плен Петра.

В марте царь повелел каспиевскому царю выступить со своими татарами в поход и опустошить страну вокруг [его владений], чтобы мятежники нигде не могли найти ни припасов, ни провiantу. Но эта земля была почти разорена и разорить ее больше было невозможно и сверх того во всех городах, занятых мятежниками, был сильный гарнизон. [Мятежникам] на татарской или рязанской стороне принадлежали следующие города: Рязань, Карачев (Caratou), Ливны (Nalifna), Орел (Oroel), Венев (Venova), Михайлов (Michalof), Болехов (Bolgou), Рязск (Reesci), Серебряные пруды (Serebrini Proed), Новосиль (Nova Zeel); на северской стороне: Путивль, глава и зачинщик всех мятежных городов, в нем [мятежники] также держали совет, потом Чернигов, Брянск (Brenetz), Елец, Козельск (Coselsco), Рылск, Почеп (Potzeep), Сосница (Satzca), Рославль (Roslovla), Монастырище (Monasterisa), Новгород-Северский и многие другие; также были у них: Коломна, Кашира (Casira), Алексин (Alexin), Епифань (Jeriphan), Перемышль (Peremisli), Льгов (Ligou), Дедилов (Dedelof), также Калуга и Тула, где осаждали Петра, сверх того они завладели всей Волгой и опустошали все местности [по ее течению], где только ни проходили. Одним словом, у них была большая сила и они владели прекрасными землями, и кроме того еще многие города колебались и склонялись то к одной, то к другой стороне, так что царь по усердной просьбе московских бояр решил самолично выступить в поход с началом лета и повелел отписать во все города, чтобы все дети боярские (diti boiaersci) или дворяне, жившие спокойно в своих поместьях и не приехавшие гостить службу, были высланы, а петчиков велено было переписать и лишить поместий¹⁹⁸; отчего многие отовсюду стали приезжать на службу, так что множество ратников выступило в поход, и так шли дела до весны; также привозили в Москву пленных, и некоторые из них уверяли, что видели Димитрия, а другие, напротив, не знали, ради чего они воюют, однако всех, виновных и невинных, топили.

Бегство из Москвы
восьми поляков

В том же месяце [марте] восемь поляков, [переводимых] в крестьянское платье, бежали ночью из дома польского посла в Москве и, нет сомнения, они привезли в Польшу много известий о положении дел в Москве, ибо им удалось бежать, за что некоторые из караульных были подвергнуты жестоким пыткам и наказаниям, и вокруг Москвы расставили сильную стражу и некоторые ворота заперли,

и царь также повелел распродать из казны старое имущество, как-то платья и другие вещи, чтобы получить деньги, а также занял много денег у монастырей и московских купцов, чтобы уплатить жалованье несшим службу, и [ни монахи, ни купцы] не посмели отказать в этих деньгах, ибо также были виновниками этих войн.

Также страшились мятежа в Ярославле, опасаясь, что у Сандомирского [в свите] слишком много людей, поэтому взяли от него семьдесят дворян с твердым обещанием отправить их в Польшу, и это для того, чтобы уменьшить свиту Сандомирского, но поляки не послушались, а также не поверили [обещанию], тогда поднялся весь народ и окружил их двор. И поляки, полагая, что их хотят лишить жизни, отважно вооружились и в полном вооружении хотели храбро сражаться до самой смерти, и москвиты, страшась, что из этого могут воспоследовать великие бедствия, приписали самые страшные клятвы в том, что они [давали обещание] чистосердечно, и поляки, наконец поверив им, выдали семьдесят человек, полагая, что их отправят в Польшу, но их задержали на полпути и [не довели] до Москвы и полагают, что они были убиты¹⁹⁹.

Меж тем Петр Федорович со всеми своими силами выступил из Тулы и обратил в бегство все московское войско, стоявшее под Тулой, так что предводители его, Воротынский, Симеон Романович и Истома-Пашков, бежали вместе с прочими, и Петр меж тем занял еще некоторые укрепленные места неподалеку и поспешил возвратиться в Тулу, где снова утвердился²⁰⁰.

Вскрытие реки
под Калугою

В конце этого месяца ночью отвалился язык у большого колокола в Москве, что было принято за худое предзнаменование.

Река Ока вскрылась и лед сильно пошел в Волгу, и весь московский лагерь стал на ноги, и тотчас по обеим сторонам реки сбили крепкие плоты (*stercke vlotten*) и поставили на них пушки и людей, опасаясь, что Болотников выйдет из Калуги и устремится к Волге, что было бы весьма худо, и Болотников мог это легко сделать, ибо в Калуге было много лодок с солью и барок (*scuyten*), на которых он мог бы спустить по течению все свое войско, но ему в том воспрепятствовали.

В начале апреля, когда вскрываются все реки, крымский посол просил об отпуске, чтобы отъехать в свою страну, но его не отпустили и стали строго стеречь, давая ему довольствие.

Также был в Москве некий польский дворянин, служивший при дворе (*camerlinck*) убитого Димитрия, этот [поляк] присягнул на верную службу [новому] царю и был принят в ротмистры, и он набрал

Царь принимает на службу
польского дворянина

в Москве двести человек как ливонцев, так и поляков, давно уже служивших в Москве, и он [этот ротмистр] храбро сражался, хотя и не имел особого успеха, и он переписывался с некоторыми [мятежниками], находившимися в городе Алексине, и надеялся взять этот город, но ему не повезло.

Также отряд, посланный от Калуги по реке Оке с намерением напасть на некоторые города, [занятые мятежниками], потерпел во всем неудачу и везде был разбит, и войско, стоявшее под Калугой, весьма роптало, и [тогда] те, что сидели в Калуге, со всеми силами напали на московское войско и побили его в прах (gantsch en gaer) и обратили в бегство и подожгли лагерь со всех концов. И это произошло от измены и несогласия среди [московских] воевод, и бегство было такое же, как за два года до того под Кромами, ибо воеводы едва успели выбежать из своих палаток, как уже калужане овладели всеми пушками; беглецы, проходившие через Москву, не умели ответить, чего ради обратились они в бегство, но дерзко говорили: «Выступите в поход вместе с царем и попытайте сами», но Мстиславский не посмел возвратиться в Москву, а оставался с частью войска у небольшой речки в шести милях от Москвы, и стало известно, откуда произошла эта измена, именно от московского боярина, князя Бориса Татеева²⁰¹, и запорожских (Schorse) казаков, которые, проведая о том, что москвиты два раза потерпели поражение, подумали, что истинный Димитрий должно быть жив, и заколебались, дав знать о своей измене Болотникову, чтобы им обещали милость, что им и было обещано, и они были причиной бегства своего войска и сами перешли на сторону неприятеля.

И Болотников, как говорили, отправился затем в Путивль к Димитрию, где был принят с большими почестями и щедро награжден за свою верную службу, ибо он держался около полугода в Калуге, и он оставил в Калуге двух начальников, которые охраняли ее, Долгорукова и Беззубцева (Bessoebthof)²⁰².

Вскоре Мстиславский двинулся со своим войском на городок Боровск, находящийся неподалеку отсюда, и взял его и все истребил в нем мечом. Точно так же Воротынский поступил в Серпухове, но царский брат Иван Иванович Шуйский тихо и тайно въехал в Москву, так что никто о том не узнал.

Поистине, когда бы у мятежников было под рукой войско и они двинули бы его на Москву, то овладели бы ею без сопротивления. Но так как они действовали медленно, то в Москве снова собрались с духом и укрепились, отлично зная, как с ними поступят и что они

Новая измена
в московском
войске

все с женами и детьми будут умерщвлены, или им это наговорили, так что они все поклялись защищать Москву и своего царя до последней капли крови; и снова снарядили в поход большое войско, и царь отправился вместе с ним.

И главным воеводою был избран Иван Федорович Колычов-Крюк (Cuius Saltzoof), которого народ весьма уважал, и он выступил в поход из Москвы в мае месяце.

Этот Колычов-Крюк, выступив в поход, остановился на некоторое время под Серпуховом, где с ним соединились все [отряды] из окрестностей, также каждодневно подходили [к нему] новые отряды, так что опять собралось большое войско. Царь, собираясь в поход, повелел по всем церквам совершать службы и молебствия, а также посетил дьявольскую пророчицу, о которой мы упоминали, рассказывая о прежних царях, но она непустила его к себе и не хотела ни видеть, ни выслушать его. Когда он во второй раз пришел к ней, она приняла его вместе с несколькими боярами, и он вышел от нее через час, однако неизвестно, что она сказала ему, ибо речи ее держали втайне; и перед тем как он [царь] отъехал [к войску], прибыл в Москву гонец с двумя слугами и привез с собою письма из Польши, и хотя он был одет по-польски, но в народе ходил слух, что он прибыл из Швеции, и никто ничего больше не знал о нем, и он был допрошен в тайности, и затем его ночью тайно отправили в Новгород и стерегли, как пленного.

Также привезли в Москву двух гонимов, которые были схвачены на Волге, близ Царицына, при них были письма от имени Димитрия, и они намеревались возбудить к восстанию тамошние города. И из Москвы отправили много ратников на остров Бузан, где все еще сидел Петр Шереметьев.

Тем временем воеводы стояли со всем войском под Серпуховым, в восемнадцать миль от Москвы; также один отряд (een menichte) находился в Боровске, неподалеку от Москвы, и так [они], ожидая прибытия царя из Москвы, полагали, что это всего больше устршит врагов.

Царь, помолившись во многих церквах в Москве, сел на лошадь перед Успенским собором, взял свой колчан и лук и выехал со всем двором в полдень 21 мая, оставив в Москве вместо себя брата своего Димитрия²⁰³.

Как только царь выступил из Москвы, к нему стали стекаться со всех сторон ратники, ибо они, слыша, что царь одерживает победы, стремились попасть под великую опалу, когда не явятся [к войску];

Московиты после поражения снова восстанавливают свои силы, но не могут сделать что-либо важное, и царь сам выступает в поход

также и монастыри были обложены повинностями, каждый сообразно своим силам (*macht*), и каждый [монастырь] должен был выставить ратников сообразно своему достоянию (*vermogen*). И так снова составилось большое войско, а земля мало-помалу оскудевала и лишалась самых лучших людей.

**Многие купцы
уезжают из
Москвы**

Меж тем отъехали все купцы, каждый своею дорогою, ибо наступило [для этого] время, и английские и голландские купцы отправились в Архангельск к Белому морю, чтобы вести торговые дела, погрузать и разгрузать свои корабли по своему старому обыкновению. Польские, а также армянские и татарские купцы охотно пустились бы в путь, но им было это запрещено и велено оставаться в Москве, чтобы они, выехав из Московии, не разнесли [дурных] вестей, ибо они [эти купцы] были из вражеских стран.

Царь, будучи в походе, все время, страшась измены, не решался выступить со всем войском и не удалялся от Москвы, но посылал всюду отдельные отряды (*partjen volcx*), чтобы то здесь, то там нападать на неприятеля врасплох, но, увы, на них самих печально нападали неприятели, которые во всех схватках оставались победителями.

Неизвестно, какой совет держали мятежники, что они так дурно распорядились и не воспользовались своей победой, ибо им все так благоприятствовало, как только они сами могли пожелать, и казалось, что время еще не было назначено всемогущим богом. Но впоследствии стало известно, что они [мятежники] собиравшись в Путивле и держали великий совет, но никто не знал, что было решено, и ничего не было слышно о Дмитрии; и в Польше, видя, что Московию легко завоевать, и желая [ей] отомстить, отослали московское посольство, которое они так долго удерживали и дозволили всем панам, кто пожелает, пасть на Московию, что и случилось. И Польша впервые объявила себя [открытым] врагом [Москвы]. И мятежники с большим войском, капитанами и полковниками выступили в поход и распростирались по всей земле известие о Дмитрии, что он еще жив, и приводили тому неоспоримые доказательства (*sterck bewysende*); и среди них были многие, которые вели войну с великим ожесточением (*uueg*), ибо почти каждый из них потерял родственника во время избиения [поляков] на свадьбе [Дмитрия] и [кроме того] должны были выслушивать от своих врагов в Польше [советы] снова поехать на свадьбу в Москву, так что это их задело за живое.

Также великий канцлер польский Лев Сапега получил от короны польской повеление приготовиться к войне.

Меж тем москвиты приобрели многое, ибо с [помощью] измены они взяли Тулу²⁰⁴ и захватили Петра Федоровича, который выдавал себя за незаконного сына Федора Ивановича, прежнего царя Московии; и этого Петра повесили в Москве²⁰⁵; также завоевали много маленьких городов, по большей части с помощью измены; и чтобы воспрепятствовать дальнейшим успехам москвитов, [мятежники] отправили против них отважного витязя (cloccken helt) Болотникова с войском. В то время как [мятежники] совещались с поляками и казаками, они [москвиты] схватили также и отважного витязя Болотникова и убили его; одни говорили, что он сам себя выдал, другие говорят, что его предали²⁰⁶; одним словом, погибли два отважных воина и предводителя восстания (oproeigse hoofden). И царь, видя, что они снова стали побеждать, а между тем приближалась осень, удовольствовавшись малой победой, возвратился в Москву, оставив воевод и войско [действовать] против неприятеля, и в Москве и тех городах, что стояли за нее, полагали, что то была [окончательная] победа, но им не посчастливилось.

Москвиты берут Тулу и Петра Федоровича, предводителя мятежников

И обе стороны целую зиму воевали между собой. Сверх того множество поляков наводило землю, снова пришедшую в чрезвычайное бедственное состояние, подобное тому, которое было, когда Димитрий вступил в страну, да точно такое же, так что не надо о том снова говорить подробно. И так шли дела до лета 1608 года.

Меж тем в Москве вельможи, настойчиво советовали царю избрать себе супругу. Они полагали, что народ будет больше бояться [царя] и вернее служить ему, если он женится и будет иметь наследников. И уступая их просьбам сочетался браком с дочерью большого московского боярина, князя Петра Буйносова (Boynosoff), знатного рода, и венчал ее царичею²⁰⁷, однакож все [дела] шли весьма худо.

Свадьба происходила 27 января 1608 г., и она была ознаменована только великими бедствиями и скорбями людей, которых, как это видели, каждый день топили [в Москве].

Эта водяная казнь (waterslaen) столь ужасная, что ее нельзя представить и в мыслях, совершалась в Москве уже два года кряду, и все еще не было конца, и когда весною наступило половодье, то вместе со льдом выносило на равнину трупы людей, наполовину съеденные щуками и [другими] рыбами, которые объели с них мясо, и эти мертвые тела лежали там [по берегам] и гнили тысячами, покрытые раками и червями, точившими их до костей; все это я сам видел в Москве.

И в Москву каждодневно приходили известия о том, что из Польши идет большое войско (groote macht), а также известия о том,

что московиты повсюду терпят поражения, так что велено было снова привезти в Москву Сандомпрского с дочерью-царицею, также всех знатнейших дворян и польских панов (grootste edelen en poolse heeren), ибо страшились их освобождения, так как враги были повсюду, и их [поляков] держали в Москве под стражею, рассчитывая получить за них большой выкуп (rantsoen).

Сверх того в Москву еще прибыл посол из Польши²⁰⁸, который вел себя заносчиво и надменно, и когда он въезжал в Москву, трубили в трубы весьма громко (seer lustig) и также громко ответствовали трубы [во дворе] посла, которого все еще стерегли в Москве, и во дворе [посла] была великая радость, также и у всех пленных поляков.

Посол привез в Москву заносчивые письма (trotsige brieven), также весьма укорял их [московитов] за великое бесчестие, нанесенное [прежнему] королевскому послу, также жаловался на разбой (moord), учиненный над королевскими слугами, и того ради король польский принужден по настоянию своих подданных и чинов (ondersaten en staeten) за это отомстить. Однако московиты оправдывали себя, насколько это было возможно, и задержали послов в Москве.

И [в это время] пришло в Москву известие о том, что московиты, потерпели большие поражения и повсюду обращены в бегство²⁰⁹, и страх снова обуял [всех] в Москве, но царь многими увещаниями (met veel vermaningen) утешил народ, ибо он клялся, что их [всех] перебьют вместе с женами и детьми, если передадутся неприятелю и страшась этого, ибо они и были по большей части виновны [в смерти Димитрия], они (жители Москвы) держались с отвагой (cloesk).

И неприятель, приближаясь к Москве, наконец, 2 июня подступил [к городу]²¹⁰ вместе со своим царем Димитрием, как его называли, и [с ним] были многие вельможи из Литвы и Польши, также Вишневские, Тышкевичи (Kithivitz) и все родственники Сандомпрского, также великий канцлер Лев Сапега; и обложили кругом Москву и занял все монастыри и деревеньки (gehuchten) в окрестностях, также осадил Симонов монастырь. Меж тем Сапега повел войско к Троице, большому укрепленному монастырю, в двенадцати милях от Москвы, по Ярославской дороге; и этот монастырь был весьма сильной [крепостью].

Прежде чем [неприятель] подступил к Москве, московиты послали молодого боярина Скопина с войском в Новгород для защиты его, а также для того, чтобы дорога из Швеции была свободна [от неприятелей], ибо ожидали шведское войско, которое обещал прислать король Карл; и эти шведские и немецкие войска должны были под

Новгородом соединиться со Скопным. Также был отозван с острова Бузана, пз-под Астрахани, Петр Шереметьев, чтобы также соединиться со Скопным и всем вместе освободить Москву. Но это длилось так долго, что едва не пришел конец [всему], пбо против всякого чаяния Москва больше года выдерживала осаду, пока эти освободители подходили к ней и соединялись вместе; неприятель тем временем опустошал всю окрестную страну и занял большую часть укрепленных мест (*stercke plaetsen*).

В Москве, едва только началась осада, настала великая нужда, и [осажденные] могли держаться благодаря большим запасам монастырей, также многие купцы и другие [жители] заблаговременно бежали из [Москвы], и царь грозил казнию Сандомирскому и всем его людям, обвиняя его в том, что все это произошло по его вине, что и справедливо; так что Сандомирский, страшась смерти, давал диковинные обещания (*wonderlycke dingen beloofd heeft*), что он, если его отпустят со всеми людьми, а также [обоих] послов, мирными переговорами положит конец войне, и обещал заключить мир между Польшею и Московиею с тем, что Польше будет дано то, что ей издавна следовало, и его [Сандомирского] вместе со свитою заставил и в том принести клятву, но из этого ничего не вышло, только Сандомирского вместе с его людьми отпустили и дали ему благополучно выехать из Москвы.

Так обстояли дела, как мы поведали, когда Петр Шереметьев со своим войском, двинувшись с острова Бузана, по Волге, подошел к Саратову, городу на Волге, и зимою пошел в Нижний-Новгород, где и расположился зимовать.

Скопин стоял с войском у Новгорода Великого и строго охранял этот город и дороги [к нему], посылая к королю Карлу Шведскому за помощью, и [король] отправил в Новгород через Ливонию войско из шотландцев, французов и шведов, чтобы они соединились со Скопным.

Димитрий, стоявший под Москвою с большим войском мятежников, как говорили, принялся строить хижины и дома, повелев свозить из окрестных деревень лес, и построил почти [целое] большое предместье (*hyne een groote buytenstadt*), также и Сасага под Троицким монастырем; а некоторые польские паны двинулись на Ярославль и с помощью измены захватили его врасплох, подожгли со всех сторон и вконец разграбили вместе с прекрасным тамошним монастырем, также перебили множество людей, а остальных покорили.

[Ярославль] предал сам воевода, князь Федор Бяратинский (*Bratinsco*), и вместе с ним пекший монастырский служка (*cloosterknecht*).

и они дали знать неприятелю, и по взятии города все [жители] присягнули Дмитрию и [в Ярославле] был поставлен другой воевода, а при нем был также и помянутый Барятинский.

И там, примерно в шести мнях от Ярославля, по дороге на Вологду, лежало село Романовское, здесь стояли вологодские ратники, оставшиеся верными Москве, против них из главного стана [мятежников] отправили польского пана с отрядом, чтобы разбить их и тотчас же пойти на Вологду и привести ее на сторону Дмитрия, но Тышкевича (Kittkivits) самого так побили вологжане (Vologsinen), что он едва спасся, и бедственным образом (armelyc) пешком добрался до Ярославля, но отсюда три раза посылали гонцов в Вологду, склоняя [жителей] перейти на сторону Дмитрия, а не то будут истреблены все вместе с женами и детьми, так что и в Вологде присягнули Дмитрию, и так пошло бы по всей стране, когда бы вологжане зимою следующего года снова не перешли [на сторону] Москвы.

Псков также был разорен до основания и совсем выжжен, и вся земля кругом была разграблена и опустошена, и многие богатые люди перебиты, то же постигло и Ивангород, или русскую Нарву, и Нарва так и осталась [разоренной].

Земли Север-
ская и Кома-
рицкая благо-
денствуют

Земли Северская и Комарицкая, что на польской стороне, жили в мире и спокойствии; и там пахали и засекали поля, ни о чем не печалась, предоставив Московию самой себе, также хлеб был дешев во всей земле, исключая осажженные города, где он был весьма дорог; в Москве одна четверть, что составляет менее одного мальтера (mudde), стоила двадцать восемь гульденов, а то и более и редко немного меньше; в Вологде за мальтер той же меры платили один гульден; так велика была разнища.

1609
Мятеж в Яро-
славле и Во-
логде

Еще во время осады Москвы, в 1609 году, Вологда, как мы о том уже сказали, впервые перешла на сторону [Дмитрия], и там были воевода Никита Михайлович Пушкин (Poescin) и дьяк Роман Макарович Воронов; их отрешили от должности и бесчеловечно, и немилосердно обращались с ними, без всякой [с их стороны] вины, и заточили их в темницу [по воле] народа, который всегда злобен и неразумен, держит нос по ветру, невзирая на клятвы, которые они приносили, приносят и будут еще приносить, и ведет жизнь, подобно скотам; и из главного лагеря [мятежников] был прислан туда в Вологду правителем Федор Ильич Нащокин²¹², большой негодяй и низкого происхождения; три дня спустя прибыл на место дьяка Иван Веригин Ковернин (Jvan Verigin Cofrasin), и он намеревался запечатать все купеческие товары, но владельцы не допустили его до этого, и его отстранили

так как ему не хотели повиноваться, ибо он запечатывал товары с намерением конфисковать (*in sin te confisqueeren*).

И новый воевода призвал всех [жителей], чтобы они приняли царем Димитрия и принесли ему присягу, также этот новый воевода велел привести прежнего воеводу, хотел связать его и грозил отослать в лагерь, бесчестил его и поносил бранными словами, а также некоторых богатых купцов, принесших ему подарки для снискания милости.

В ту же ночь несколько поляков, давно находившихся под стражею в окрестностях Вологды, были освобождены и напали на окрестных крестьян, жестоко поступали с ними (*deerlyck getracteert*) и совсем донага ограбили, и явились в Вологду с саями, награбленным добром, и намеревались на другой день отправиться к войску, но крестьяне в ту же ночь пришли в прежалостном виде в Вологду жаловаться на учиненные над ними злодейства и насилия, и, найдя их жалобы справедливыми, [вологжане] весьма раскаивались в том, что перешли к Димитрию и присягнули ему, и начали размышлять о своем непостоянстве, и дьяка Воронова, которого они перед тем отрешили от должности, человека старого и доброго, вернули на свое место, и держали все вместе совет, как бы снова перейти [на сторону Москвы] и истребить всех димитриевцев и поляков. Сверх того они освободили воеводу Пушкина, который находился в заточении, и посадили его на прежнее место ²¹³, поведав ему о своем намерении, за которое он их похвалил, и обратился к народу с прекрасною речью (*oratie*) на пользу (*profyte*) себе и москвитам, укоряя их [вологжан] за легкомыслие, говоря, что бог наказывает их и еще более накажет, ежели они не обратятся на путь истинный; одним словом, преисполненные раскаяния, они [жители] с великим ожесточением устремились из крепости к дому Булгаковых (*Bolgascoven*), где пребывал новый воевода, и приставили к нему стражу и захватили силой Нащокина, Веригина и всех поляков и пленных, бывших в Вологде, снесли им головы и вместе с трупами бросили с горы в реку Золотицу (*Solotitsa*), куда сбежались свиньи и собаки и пожирали трупы людей, на что нельзя было смотреть без отвращения. И так они [вологжане] снова перешли на сторону Москвы и поклялись между собою оставаться верными Москве и Московскому дарю и стоять за него до последней капли крови.

Когда это известие [о случившемся в Вологде] дошло до Москвы, то это было для москвитов радость, что есть еще люди, готовые стоять с ними заодно, и царь отправил в Вологду дружественную грамоту ²¹⁴, в которой благодарил жителей за все, а также особую грамоту воеводе Пушкину, и эти грамоты запекли в хлебе, на тот случай,

Вологда снова
переходит на
сторону
Москвы

если гонцы, переодетые бродягами и нищими, будут схвачены, то грамоты не должны достаться [неприятелю]; в грамоте к воеводе было написано, чтобы он выбрал несколько человек нидерландских и английских купцов, находящихся там [в Вологде], и послал их в Новгород к военачальнику Скопину, чтобы они помогли ему делом и советом, причем велено было слушать их наравне с вельможами и боярами, ибо московиты почитают немцев и англичан [как людей] изрядного ума, то царь и полагал, что наш совет может принести пользу. Но мы думали иначе и, не желая нести службы, склонили подарками воеводу к тому, что он задержал [полученную им] грамоту и не объявил о ней, и все иноземцы, бывшие в Вологде, купцы, ведущие в этой стране торговлю, находились все вместе с английскими купцами в тамошнем Английском доме, столь обширном, как крепость (casteel), и вокруг была поставлена сильная стража, [однако] всю зиму они прожили в великом страхе и опасении (угese en bangicheyt). И так как [жители] Вологды страшились неприятеля, каждодневно ожидая, что он явится для отмщения, то они держали храбрую (lustige) стражу; и однажды из засады отважно напали на неприятеля и обратили его в бегство и воротились домой с добычею; и [тогда] велено было английским и нидерландским купцам переселиться в Кремль, где отвели им большой покой, в коем, как в крепости, были двойные железные двери и окна, чему они [эти купцы] были весьма рады, и содержали там также днем и ночью крепкую стражу, и они стали менее опасаться. Но потом до нас дошли слухи, что в польском войске говорили, что надобно разорить до основания Вологду за то, что она так постыдно отложила от Димитрия, и повинны в том не кто иные, как английские и нидерландские купцы, бывшие им [вологжанам] советчиками, и что до них доберутся, отчего страх вновь обуял нас, и мы каждый день ожидали смерти. Однако, [находясь] в такой крайней нужде, [мы] написали письма в доказательство нашей невинности, одно по-латыни, другое по-немецки и третье по-русски, чтобы в случае прихода поляков или димитриевцев послать им наперед эти письма, чтобы таким образом оправдать себя и сохранить жизнь.

Но до этого не дошло, ибо около пасхи также и Ярославль отложился от Димитрия, и весь путь от Ярославля до Белого моря совершенно очистился, так что все купцы тотчас же по вскрытии рек с великой радостью отправились к морю и в Архангельск и здесь нашли свои корабли, [прибывшие] из Англии и Голландии, которых они уже не чаяли больше видеть; невзирая на великие убытки, которые мы понесли, так как не могли вести [надлежащим образом]

торговли и не имели возможности дожидаться купцов из глубины страны, так что корабли по большей части возвращались порожними, мы благодарили бога за сохранение своей жизни.

Таковы обстоятельства, по которым я мог правдиво описать то, что здесь изложено. Итак, когда мы отправились морем на нашу родину, мы оставили страну полную войн и бедствий, также Москва была в осаде, а Ярославль снова стал [на сторону] московитов, и в нем были поставлены правителями князь Сила Иванович Гагарин (Zila Ivanovitz Gagarin) и Никита Васильевич Буслаев (Buysoslaioff).

И молодой Скопин стоял еще под Новгородом, ожидая [прихода войска] на помощь из Швеции, и оно подошло по весне, также ожидая Петра Шереметева, выступившего зимою в поход с острова Бузана и пришедшего после поражения черемисских татар в Нижний-Новгород. Оттуда Скопин со всеми силами [по соединении с шведами и Шереметевым] намеревался освободить Москву; и, соединившись с ним летом, он мало-по-малу стал подступать к Москве.

Казанские татары оставались непричастными.

Астрахань у Каспийского моря, защищавшаяся от вольных казаков, грабивших окрестности, тоже оставалась непричастной.

Ногайские и черемисские татары вместе с мордвою (Mordirizt) появились зимою около Чебоксар и Свияжска (Swiasco), на реке Волге, и сражались против Шереметева, а когда он ушел, воевали между собою.

Приверженцам Димитрия принадлежала вся страна от польской и татарской границ до Москвы, также Псков и Ивангород.

Смоленск с окрестностями был на стороне Москвы.

Также все земли от Москвы до Белого моря были московскими и стояли за Москву, каждодневно посылали московитам в помощь деньги и людей, и в таком состоянии оставили мы [Московию], как о том сказано. Но когда мы возвращались морем домой, то мы получили известие, что Москва освобождена Скопиным и Петром Шереметевым с помощью шведов и что шведы сильно преследовали неприятеля, и пока шведы преследовали, то московиты, бывшие под начальством Скопина, так прельстились добычею, что дочиста разграбили лагерь димитриевцев, и преследовавшие неприятеля [шведы], увидев это, прекратив преследование, напали на московских ратников и между ними произошла жестокая сеча, однако полагают, что все окончилось благополучно и Москву освободили. Дай бог, чтобы это было справедливо, ибо по многим причинам, которые понятны разумным людям, было бы худо, когда бы поляки завоевали эту страну; ибо, завладев

1610
Скопин, сражающийся за
московитов,
находится с
войском близ
Новгорода

этой страной, они снова посадили бы на престол какого-нибудь царя Димитрия и не продержались бы там и одного года, ибо московиты и русские еще более своевольны и упрямы, чем евреи, и снова перебили бы всех [поляков], а Московия лишилась бы людей и была бы совершенно разорена, от чего всемогущий бог да сохранит ее.

Впоследствии пришли еще известия, что [неприятели] снова подступили к Москве и опять осадили ее. Что за тем воспоследует, покажет время, и в письмах, полученных из Дандига, сообщают, что король польский осадил Смоленск и обещал жителям освободить их на сорок лет от податей, ежели они покорятся ему.

Одним словом, война эта может продолжаться еще долгое время.

Бог всемогущий, правящий всем по своей божественной воле, ниспосылающий на земли и царства различные кары, устроит все к лучшему, и придет мир [на Московию], но, кажется, гнев божий еще тяготеет над этою землею и [народ] еще будет губить друг друга в усобице за свои тяжкие грехи и поношения церкви господней, [претерпевающей] от обеих сторон, как глаголет господь устами пророка Иезекииля, 38, ст. 21:

«И по всем горам моим призову меч против него, говорит господь бог: меч каждого человека будет против брата его».

Смиренно прошу благосклонно принять это не как бесполезный и незначительный дар, а как выражение моей искренней бескорыстной преданности, ибо это рассказ о том, что я видел во время пребывания моего там [в Московии], а также напоминание о том, что антихрист с помощью сатаны давно ищет и испытывает разные средства, чтобы стеснить святую церковь господню и, не будучи в состоянии напасть на нее с одной стороны, намеревается напасть с другой. Но я надеюсь, что скоро придет время, когда он угомонится, и раздастся глас: «Он пал, он пал, великий Вавилон, и сделался пристанищем диавола». Да придет же скорее время избранных, и возмолим всемогущего бога, дабы он за кровь, пролитую сыном его, Иисусом Христом, отпустил нам грехи наши и даровал нам и всем верующим царство небесное.

Аминь

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Свое сочинение о Московии Исаак Масса посвятил принцу Морицу Оранскому.

Мориц, принц Оранский (1567—1625), сын Вильгельма Оранского, штатгальтер Гельдерланда, Голландии, Зеландии, Утрехта и Офрейсселя — северных провинций Нидерландов, отделившихся от бельгийских провинций во время нидерландской революции. В русских документах — «Мавридиус князь».

² Яков ван Гемскерк, голландский мореплавец и адмирал. Принимал участие в северо-восточных экспедициях 1594 и 1595 гг. Участвовал в плавании Я. ван Некка и В. ван Варвейка в Индию (1598—1600 гг.) и в качестве адмирала в Ост-индской экспедиции 1601 г. Убит в 1607 г. в сражении с испанским флотом при Гибралтаре. См. Гамель, Англичане в России в XVI и XVII ст., стр. 20—22.

³ Исаак Масса родился в 1587 г.

⁴ См. письмо Массы от 2 августа 1614 г. из Архангельска к Генеральным штатам («Вестник Европы», 1868 г., кн. I, стр. 235).

⁵ Иоанн IV родился в 1530 г. (25 августа), Василий III умер в 1533 г. (3 декабря), Елена — в 1538 г. (3 апреля).

⁶ В подлиннике — Christelycke Monumentum der heyligen. Выражение употреблено в переводе, изданном Археогр. комисс., оно находится в Собр. госуд. грам. и догов., II, № 268 (1611, август).

⁷ Венчание происходило 16 января 1547 г. Бракосочетание состоялось 3 февраля 1547 г.

⁸ Ср. Временник дьяка Ивана Тимофеева — «вспять с Бела-озера от Лавры святого отца Кирила спутствующему, по неизследному божию совету случися внезапно отроку от рук дощипца на воду испастися» (Русск. ист. библ., т. XIII, столб. 232).

⁹ В издании Линде, стр. 3. — bijde 20 jaen; царевич Иоанн родился 28 марта 1554 г., был убит в 1581 г. То же самое говорит Флетчер о младшем сыне Иоанна, Димитрии: «Русские подтверждают, что он точно сын царя Ивана Васильевича, тем, что в молодых летах в нем начинают обнаруживаться все качества отца. Он (говорят) находил удовольствие в том, чтобы смотреть, как убивают овец и вообще домашний скот, видеть перерезанное горло, когда

течет из него кровь (тогда как дети обыкновенно боятся этого) и бить палкою гусей и кур до тех пор, пока они не издохнут» (Флетчер, О государстве русском, Спб., 1905, стр. 21).

¹⁰ Флетчер: «Другой старший брат из трех, и лучший из них, умер от головного ушиба, нанесенного ему отцом его в припадке бешенства палкою или (как некоторые говорят) от удара острым кондом ее, глубоко вонзившимся в голову. Неумышленность его убийства доказывается скорбью и мучениями по смерти сына, которые никогда не покидали его до самой могилы» (стр. 20).

Гейденштейн, на книгу которого ниже ссылается Масса, сообщает о смерти старшего сына Ивана: «Другие передают, что царевич слишком настойчиво стал требовать от отца войска, чтобы сразиться с королевскими войсками» «Записки о московской войне», Спб., 1889, стр. 242).

¹¹ Масса, вероятно, говорит о построении каменной стены вокруг Китай-города в 1535 г.

¹² Перемирие с Польшей было заключено после взятия Казани в 1554 г.

¹³ Иоанн IV выехал из Москвы не в 1551 г., а в 1552 г.

¹⁴ Царь Казанский, взятый в плен русскими, назывался Едигером.

¹⁵ Ср. ниже — *Othphirse roort* (Тверские ворота).

¹⁶ Этот Симеон был не казанский царь Едигер, а, вероятно, касимовский. Едигер умер в 1565 г. Также у Маржерета, Сказания современников о Дмитрии Самозванце, изд. 2-е, ч. IV, Спб., 1837, стр. 10.

¹⁷ Можно предположить, что это — испорченное Тмутаракань, с которой автор смешал Астрахань.

¹⁸ Абдыл-Рахман был изгнан из Астрахани в 1537 г. Едигер приехал на службу в Россию в 1542 г. Дайбула выехал из Астрахани в 1552 г.

¹⁹ Библия, вторая книга царств, гл. X, стр. 4: «И взял Аннон слуг Давидовы, и обрил каждому из них половину бороды, и обрезал одежды их до чресла, до чресл, и отпустил их».

²⁰ Посольство Севастьяна относится к 1551 г. Астрахань была взята 2 июля 1554 года.

²¹ О жестокостях Иоанна иностранцы писали много, охотно и подробно, не жалея красок. См. «Послание Таубе и Крузе» («Русский исторический журнал», кн. 8, П., 1922, стр. 42); «Новое известие о России времени Ивана Грозного»; «Сказание Альберта Шлихтинга», перевод А. И. Малеина, изд. 3-е, Л., 1934; Флетчер, О государстве русском, и др.; см. также свидетельство кн. Курбского, История о великом князе Московском, и его письма Ивану Грозному.

²² Словами *cancelier* и *secretarist* Масса означает дьяка и подьячего.

²³ Первая жена Иоанна IV, Анастасия, скончалась 7 августа 1560 г. 21 августа 1561 г. царь женился на Марии, скончавшейся в 1569 г.

²⁴ Темирайсах — испорченное Аксак-Тимур-Ленк; Аксак-Тимур — хромой Тимур, по-персидски — Тимур-Ленк, откуда Тамерлан. Нельзя смешивать с Тимур-Кутлум.

²⁵ Гейденштейн, Рейнгольд (1536—1620) — польский историк. Был секретарем Стефана Батория, потом Сигизмунда III, принимал участие в войнах с Москвой за обладание Ливонией. Его «Записки о московской войне» (1577—1582) изданы впервые в Кракове в 1584 г., потом в Базеле (1585 г.), в Кельне (1589 г.) в приложении к сочинению Кромера, *Polonia*, во Франкфурте (1600 г.) и др. Были переизданы Старчевским в собрании «*Historiae ruthenicae scriptores*»

(1841 г.). Переводы: немецкий — Rätel'я (1590 г.), польский — Глишинского (1837 г.), русский — И. И. Виноградова (Спб., 1889, изд. Археогр. комисс.) и Сапунова («Витебская старина», т. IV, 1885 г., отрывок). См. также В. Васильевский, Польская и немецкая печать о войне Батория с Иоанном Грозным («Журнал мин. нар. просв.», 1889 г., I, стр. 127—167; II, стр. 350—390).

²⁶ Иоанн Эйлоф — нидерландский врач при дворе Иоанна IV, анабаптист, действовавший против папы во время посольства Поссевина. В Московии Эйлоф занимался не только медициной, но и торговлей (Ю. Щербачев, Русские акты, стр. 203, и Сборники русск. ист. общ., т. 38, стр. 17 и т. 116, стр. ССXXXVII и сл.).

²⁷ Иоанн умер в марте 1584 г., по одним данным — 18-го, по другим — 19-го.

²⁸ О волнениях в Москве говорит также Петрей. Однако главным виновником их он называет Богдана Бельского. П. Петрей, История о Великом княжестве Московском, пер. с нем. А. Н. Шемякина, М., 1871, стр. 167). Также об этом говорят и русские источники.

²⁹ Масса, очевидно, говорит здесь о причитаниях.

³⁰ Петрей: «Некоторые думают, что его похоронили с большою пышностью в церкви св. Михаила, возле его предков. В самом же деле было не так: в тот самый день, когда он скончался, тело его пропало, и никто с тех пор не видал и не находил его» (стр. 161).

³¹ Венчание происходило 31 мая 1584 г.

³² В монастыре жена царя Федора, Ирина, приняла имя Александры.

³³ Этот поход относится к 1590 г. Разр. кн., Симб. сборн., 109. В Псковской I летописи П. С. Р. Л., т. IV, 7096: «Того же лета, по зиме, ходил государь царь и великий князь Федор Иванович всяя Руси с нарядом ратню, под Немецкий город под Ругодив, и взял Ивань-город, и Яму, и Копорье, а Ругодива не могли взять».

³⁴ Петрей говорит, что Борис «снес свою должность с таким усердием и благоразумием, что многие дивились тому и говорили, что не было ему равного во всей стране по смыслености, разуму и совету» (стр. 168). См. также Изборник слав. и русс. соч. и ст., внесенных в хронографы русск. ред. собр., А. Попов, 186 (Хрон. II ред.), 284 (Хронограф Сергея Кубасова). Временник Ивана Тимофеева, Русск. ист. библ., т. XIII, ст. 339—341).

³⁵ Разр. кн., Симб. сборн., 114; 26 июня 1591 г. «велел государь из всех полков, з берегу, из крайних городов, воеводам итти в Серпухов».

³⁶ Ср. «Новый летописец»: «Царь же Крымской со всеми людьми прииде нескоро под Москву и ста в Коломенском и воеваша около Москвы, села жгоша и людей имаша: люди ж государевы бяху с ним из обозу и не можаху их одолети» (П. С. Р. Л., т. XIV, ч. I, Спб., 1910, стр. 42). Ср. Разр. кн., Симб. сборн., 115.

³⁷ «Новый летописец»: «Тое же ноши в полках у воевод бысть всполох велий: царь же Крымской се слышав и веле привести перед себя полонников и вопроша их: «что есть тако на Москве великой шум?». Они же рекоша царю, что «приидоша к Москве многая сила Новгородская и иных государств Московских, прити сее ноши на тебе». Царь же, слышав от них такое слово той же час побегоша ж от Москвы и коши пометав. Татарова ж видяху царев побег, бежаху и друг другу топтаху» (стр. 43). Ср. Разр. кн., Симб. сборн., 116.

³⁸ В издании Линде — 28 миль.

³⁹ О награждении золотой монетой также говорит Флетчер (гл. XVII).

⁴⁰ Буссов: «Вскоре заметили в сем Царевиче отцовское жестокосердие: однажды он велел своим товарищам, молодым дворянам, сделать из снега несколько изображений, назвал их именами известных бояр, поставил рядом и начал рубить: одному отсек голову, другому отбил руку, ногу, иного проколол насквозь, приговаривая: «Это такой то боярин, такой то князь; так им будет в мое царствование» («Сказание современников о Димитрии Самозванце», изд. 2-е, ч. 1, Спб., 1837, стр. 3). Также Петрей: «По словам и детским играм Димитрия было заметно, что в нем крылась жестокая натура, влияние отца, особливо, когда он чем-нибудь занимался и играл со своими мальчиками. Однажды, забавляясь в зимнюю пору на льду с дворянскими детьми, он велел наделать из снега и льда несколько человеческих статуй, потом каждой фигуре дал имя какого-нибудь московского князя и большого боярина и сказал: «Вот это князь, это наместник, это думный боярин, это канцлер, это казначей, это Борис, и так далее, до двадцати человек. После того велел принести саблю и молила: «Когда буду великим князем, тогда вот что сделаю с большими боярами», и сперва срубил голову у фигуры, представлявшей Бориса Годунова, потом у другой руку, у третьей бедро, четвертую заколол, и так далее, одну за другой, пока ни одной не осталось» (стр. 170). Об этих слухах говорит и Авраамий Палицын: Димитрий «часто в детских глумлениях глаголет и действует неслепая о ближнейших брата си, паче же о сем Борисе» («Сказание Авраамия Палицына», Русск. ист. библ., т. XIII, ст. 970).

⁴¹ Известие Массы сходно с некоторыми русскими источниками. См., например, Собр. госуд. грам. и догов., II, № 60, и В. Клейн, Угличское следственное дело о смерти царевича Димитрия 15 мая 1591 г. («Записки Моск. археол. инстит.», т. XXV, 1913). По следственному делу Димитрий погиб от несчастного случая. Иностранцы и русские источники, вышедшие из лагеря Шуйских, дают версию о убийстве Димитрия. Петрей утверждает, что Димитрий был убит ночью: «Однажды ночью подожгли дворец, когда же он начал гореть и все были в испуге и смятении, изменники бегом бежали ко дворцу, разбудили Димитрия, зная его привычку вставать с постели и смотреть, как горело и как народ тушил огонь. Когда он встал с постели и сошел из дворца по лестнице, четыре вероломные дворянина напали на него, закололи его длинными, отравленными ножами и побежали в Москву к Борису, думая получить от него большие милости и подарки за свою верную службу» (стр. 171).

⁴² Клепкин был сокольничим, а не боярином, Собр. госуд. грам. и догов., II, № 60, стр. 108.

⁴³ «Между тем Годунов через своих клеветников поджег Москву во многих местах и обратил в пепел несколько тысяч домов по обеим сторонам Неглинной, в том предположении, что одна скорбь прогонит другую и что каждый будет заботиться более о собственном несчастье, нежели о смерти юного Димитрия» (Буссов, стр. 4). Маржерет: «Весть о смерти Димитрия породила в Москве разные толки: народ роптал. Борис, зная все, что ни говорили, приказал зажечь в ночное время гостинный ряд, купеческие дома и другие здания; собственное горе, думал он, заставит граждан забыть царевича: ропот утихнет и умы успокоятся. Он сам присутствовал на пожаре, давал повеления тушить огонь; причем столько хлопотал, что, повидимому, несчастье города весьма его печалило. Потом, созвав потерпевших убытки, старался утешить их ласковыми

речами, горевал о бедствии, дал слово исходатайствовать у государя вспоможение каждому из них для постройки домов и обещал воздвигнуть каменные лавки вместо прежних деревянных; все это было исполнено» (Сказ. совр. о Димитрии Самозванце, изд. 2-е, ч. III, стр. 21). Также Петрей (стр. 171). Ср. Хроника Кубасова (Изборник слав. и русск. соч. и ст., внесенных в хронографы русск. ред., собр. А. Пбпов, М. 1869, стр. 285 и 286), «Новый летописец», стр. 42, Сказание Палидина (Русск. ист. библ., т. XIII, стр. 971—972).

⁴⁴ «Новый летописец»: «Александра Никитича с Левонтьем Лодыженским сосла к Студеному морю, к Усолью рекомая Луда, там его затвориша в темницу, и по повелению его Левонтей тамо его удушил, и погребен бысть на Луде» (стр. 53—54).

⁴⁵ «В лето 7094-е государь царь и великий князь Федор Иванович всея Руси самодержец повеле на Москве делати град каменной около большого посаду, подле земляные осыпи, и делали его 7 лет, и нарекоша имя ему Царев град», Изборник, изд. А. Поповым, 187 (хрон. II ред.).

⁴⁶ Подробнее говорит о доходах и владениях Бориса Годунова Флетчер: «Ежегодный доход его с поместьев, вместе с жалованьем, простирается до 93 700 рублей и более, как можно видеть из следующих подробностей. С наследственного имения в Вязьме и Дорогобуже (увеличенного им самим) он получает 6 000 рублей в год; за должность конюшего—13 000 рублей или марок, взимаемых с конюшенных слобод или по особым преимуществам, присвоенным этой должности, которые заключаются во владении некоторыми землями и городами близ Москвы. Кроме того он берет в свою пользу доход со всех пчельников и лугов по обеим сторонам берегов Москва-реки на тридцать верст вверх и на сорок вниз по течению. Сверх жалованья по должности ему дается еще по 15 000 рублей в виде пенсии от Царя. С области Важской ему предоставлено получать по особому преимуществу 32 000 рублей из Польской четверти, кроме дохода от меховой промышленности, с Рязани и Северска (по другой особой статье) 30 000 рублей, с Твери и Торжка, другого привилегированного места, 8 000 рублей, от бань и купален в Москве—1 500 рублей, не говоря уже о поместьях или землях, коими он владеет по воле царя и которые далеко превосходят количество земли, предоставленное прочему дворянству» (стр. 52—53).

⁴⁷ Маржерет говорит, что Шуйские находились под подозрением даже и тогда, когда Борис их жаловал (стр. 68). Шуйские были сосланы в начале царствования Федора. О деле Шуйских и московских волнениях 1587 г. см. «Новый летописец», стр. 36—37; хронограф второй редакц. (Изборник А. Попова, стр. 187), «Сказание о Гришке Отрепьеве» (Русск. ист. библ., XIII, ст. 716), «Иное сказание» (там же, стр. 4).

Флетчер при описании опричнины и действий Иоанна Грозного говорит: «Столь низкая политика и варварские поступки (хотя и прекратившиеся теперь) так потрясли все государство и до того возбудили всеобщий ропот и непримиримую ненависть, что (повидимому) это должно окончиться не иначе, как всеобщим восстанием» и далее: «Как эти, так и другие подобные им средства, придуманные царем Иваном Васильевичем, доселе еще употребляются Годуновыми, которые, возвысившись чрез брак царицы, родственницы их, правят и царем и царством (в особенности Борис Федорович Годунов, брат царицы), стараясь всеми мерами истребить или унижить все знатнейшее

и древнейшее дворянство» (стр. 51). Ср. во Временнике дьяка Ивана Тимофеева о возвышении Борисом худородных людей (Русск. ист. библ., т. XIII, ст. 355—356).

⁴⁸ «Бысть же той Борис образом своим и дела множество людей превозшед, никто бе у ему от царских синклит подобен во благолепии лица его и в рассуждение ума его» (Изборник, изд. А. Поповым, стр. 285, хроника Кубасова).

⁴⁹ О дружбе Бориса с Андреем Щелкаловым см. «Сказание о Гришке Отрепьеве» (Русск. ист. библ., т. XIII, ст. 715) и Временник Ивана Тимофеева (там же, ст. 352—354). О Щелкаловых см. Н. П. Лихачев, Разрядные дьяки XVI века, Спб., 1888, стр. 191—203.

⁵⁰ Федор умер 7 января 1598 г. Житие, стр. 16—17 и «Новый летописец», стр. 49 (П. С. Р. Л., т. VIII).

Паерле говорит, что «Борис при помощи сестры своей, супруги Федора, тайно отравил сего государя» («Сказ. совр. о Димитрии Самозванце», изд. 2-е, стр. 4). Ср. так называемый «Дневник Марины» (там же, ч. IV) и П. С. Р. Л., т. V, стр. 47—59). Также Жолковский: «Он отравил и самого царя Федора, своего зятя» («Записки гетмана Жолковского о московской войне», изд. 2-е 1871 г., стр. 5).

⁵¹ То же известие у Буссова: «Царица Ирина, сестра правителя, убеждала супруга вручить скипетр ее брату, давно уже и счастливо правившему государством. Но умирающий царь предложил оный старшему из Никитичей, Федору, имевшему на престол ближайшее право; Федор Никитич отказался от царского скипетра и уступал его брату своему Александру; Александр предлагал сию честь другому брату, Ивану; Иван — третьему брату, Михаилу, а Михаил — какому-то знатному князю, так, что никто не брал скипетра, хотя каждому хотелось взять оный, как после увидим. Умирающий царь долго передавал свой жезл из рук в руки, лишился наконец терпения и сказал: «Возьми же его, кто хочет; я не в силах более держать». Тут сквозь толпу важных особ, заставлявших так долго упрашивать себя, протянул руку Борис и схватил скипетр» (стр. 5). Его повторяет Петрей (172). См. также Изборник А. Попова, 188 (хрон. 2 ред.), 188 «Статьи о Смуте, извлеченные из хронографа 1617», (Русск. ист. библ., т. XIII, ст. 1282).

⁵² Ср. «Новый летописец», стр. 49—50. Иначе рассказывает Буссов: «Царица, призвав к себе тайно многих сотников и пятидесятников, склонила их деньгами и лестными обещаниями к убеждению воинов и граждан не избирать на царство, если потребуются их голос, никого, кроме Бориса» (стр. 6—7). См. также Петрей (стр. 170) и «Известие о кончине князя и царя Московского Федора Ивановича» в «Донесении о поездке в Москву придворного римского императора Михаила Шля», пер. А. Н. Шемякина, «Чтения в Моск. общ. ист. и др.», 1875 г., кн. II, стр. 11—18.

⁵³ «Он же Борис срамляшеся и бояшеся сестры своей иноки Александры, занеже не допускаше сему быти тако, ведаяше бо яко издавана желание его на се... «Иное сказание» (Русск. ист. библ., т. XIII, ст. 131). Ср. также Буссов (стр. 10) и Петрей (стр. 174—176). Иное в донесении Михаила Шля: «В продолжении целого месяца каждый день весь народ, большие и малые, ходил в монастырь к вдове великого князя; все с жалобным плачем и причитаниями просили и умоляли великую княгиню, что если уже она пошла в монашество

и сложила мирское правление, то хоть бы упросила и склонила своего брата Бориса Федоровича, принять скипетр государства и царствовать, а то они не знают и не хотят никого другого, кроме его. Сколько раз ни отсылала их великая княгиня к князьям и боярам, однакож не могла добиться от них никакого послушания: они беспрестанно все умоляли о помощи ее и Бориса Федоровича... Великая княгиня пошла потом в монастырь к брату и уговаривала его тронуться и подумать об опасности всей страны... смириться на крайнюю нужду, жалобы и плач всего народа, продолжающиеся уже несколько недель, и принять скипетр русского царства... На это напоминание великой княгини он сказал ей, чтобы она сообразила, на какой труд, заботу и тягость он идет, если примет правление, приводил в предлог и свое недо-стоинство, так как есть много других господ, которым первым следует царство, и она лучше его умеет править. Напоследок на дальнейшие просьбы и настояния великой княгини он согласился». «Чтения Моск. общ. ист. и др.», 1875 г., кн. II, стр. 13—14.

Борис был избран на земском соборе 17 февраля. Официальный рассказ об его избрании см. «Памятники дипл. снош.», II, стр. 663 и «Памятники Н. И. Веселовского.

⁵⁴ В донесении Михаила Шия: «В мае месяце, за 8 дней до тропицына дня, пришло в Москву одно известие, будто бы крымский татарин (Tartter), иначе называемый татарским ханом (Tartarchan), узнав что, страна без главы и государя, вышел в поле с большими силами попытать своего счастья. Его державность пошел ему навстречу сам с 300 000 к Серпухову (Zirbach), городку в 36 милях от Москвы на реке Каре (Atka), где и поджидал неприятеля; но лишь только татарин узнал об его больших силах, особливо же о множестве с ним больших пушек, как тотчас же отправил его державности знатное посольство, и сам опять ушел в свою землю со всем войском» (там же, стр. 16). У Буссова — 800 000 чел.; Петрея — более 200 000; Маржерета — до 500 000 чел.

⁵⁵ Борис венчался 1 сентября 1598 г. «Новый летописец»: «В лето 7107 году, на сам Семен день, венчался царь Борис царским вендом в соборной церкви Успения пречистые богородицы, а венчал его патриарх Иов и все власти московские, а золотыми в дверях его осыпал боярин князь Федор Иванович Мстиславский» (стр. 51). Ср. Петрей (стр. 177), Буссов (стр. 11).

⁵⁶ Буссов: «Лифляндским купцам из Дерпта, Нарвы и Феллина, плененным за несколько пред тем лет, Борис дозволил ездить внутри государства, отправляться за границу, промыслять и торговать, где хотели, чем угодно; дал им из царской казны в ссуду, без пошлин и процентов, иному 300, другому 400 рублей, на бессрочное время, доколе сам не потребует занятой ими суммы (чего однакож и доселе не случилось)» (стр. 13). В донесении Шия: «Великий князь воротился назад и освободил всех иностранцев, особливо немцев, сосланных несколько лет тому назад в пустынные места, и отдал на волю каждого из них либо вернуться в Москву и проживать там, либо же совсем выехать из страны, для кого это можно. Кто из них был недостаточного состояния или беден, но смыслил вести торговлю, тех ссужал из великокняжеской казны на 6 лет без процентов по 2, по 3, по 4, по 5 и даже по 10 тысяч рублей, т. е. 30 000 талеров, смотря по значению и состоянию лица, чтобы на эти деньги они могли нажить себе прибыль» («Чтения Моск. общ. ист. и др.».

1875 г., кн. II, стр. 18). Также «Новый летописец»: «Царь же Борис по три дни пирова... даяше... жалование велне» (стр. 51).

⁵⁷ Буссов: «Сверх того он обещал торжественно в течение 5 лет никого не казнить смертию, указав преступников ссылатъ в отдаленные области; велел строить дома для судилищ и приказов; издал мудрые законы и постановления» (стр. 12). Ср. Петрей (стр. 177).

⁵⁸ Буссов, напротив, считает, что обвинение Романовых в намерении отравить Бориса Годунова имело основание. Он ставит его в связь с делом Бельского: «По усмирению сего крамольника явились другие зложелатели Борису: то были четыре брата Никитичи, которые, как выше сказано, по смерти царя Федора могли бы взойти на престол, если бы не отказались от скипетра и не упустили его из рук своих. Они были раздражены поступками царя с Богданом Бельским, однако таили свою злобу и всегда казались покорными; между тем наученные неудачею Бельского замыслили средством избавиться от Бориса — отравою. Собственные их слуги открыли сей умысел; Никитичи лишлись всего, что имели, и были сосланы подобно первому изменнику» (стр. 30). См. также Акты Историч. II, № 38; «Новый Летописец» (стр. 52—54). Флетчер, перечисляя знатнейшие русские роды, заметил: «Князь Мстиславский. Он также заключен в монастырь, а единственному сыну его не дозволено вступать в брак для пресечения их рода». Маржерет: «Одна из сестер сего боярина была в замужестве за царем Симеоном, другая же осталась девицею. Борис приказал ее против воли постричь в монахини, а Мстиславскому запретил жениться» (стр. 68).

⁵⁹ Казначеем в царствование Бориса был Игнатий Петрович Татишев, «Древняя Вивлиофика», кн. XX, стр. 70, 73.

⁶⁰ В издании Линде, 48: *им*; в издании Археогр. комисс., стр. 33, столб. 2: *als*.

⁶¹ О пребывании Густава в Москве см. также Буссов (стр. 13—14) и Петрей (стр. 178—180).

⁶² Держава, или яблоко, царского чина употреблялось при торжественных приемах послов. См. П. И. Саввантов, Описание старинных царских утварей, СПб., 1896, стр. 321 и 325.

⁶³ В 1600 г. 6 октября «пришел к Москве литовский посол, канцлер Сапега...», Разр. кн., Симб. сборн., 143, «Новый летописец»: «Придоша ко царю Борису из Литвы великие послы, Лев Сапега с товарищи, о мирном поставлении. Царь же Борис им воздаде велию честь, и ездиха в ответ многое время и едва поставиша на мирном договоре и взяша перемирия на двадцать лет. После же мирных записей были у государя у стола, и государь их пожаловал своим государевым великим жалованием и отпусти их к Жижиманту, к королю польскому» (стр. 54).

⁶⁴ 17 ноября, Разр. кн., Симб. сборн., 143.

⁶⁵ Так и в Разр. кн., Симб. сборн., 144.

⁶⁶ Послу Ричарду Ли благодаря поддержке, оказанной английским купцам думным дьяком Афанасием Власовым, удалось добиться повторения указа, направленного против соперничества голландцев, однако он не добился полного устранения их конкуренции. О приезде Ричарда Ли см. Сборник русск. ист. общ., т. 38, стр. 364 и сл.

⁶⁷ Альберт Штаденский — приор и с 1232 г. аббат в Штаде. В 1240 г. приступил к составлению большой хроники, доведенной им до 1256 г. См. W. A.

Potthast, Wegweiser durch die Geschichtswerke des Europäischen Mittelalters bis 1506, В. 1895, s. 52.

⁶⁸ Буссов: «Свидетельствуюсь истинною и богом, что в Москве я видел собственными глазами людей, которые, валяясь на улицах, летом щипали траву, подобно скотам, а зимою ели сено; у мертвых находили во рту, вместе с навозом, человеческий кал. Везде отцы и матери душили, резали и варили своих детей, дети своих родителей, хозяева гостей, мясо человеческое, мелко изрубленное, продавалось на рынках за говяжье в пирогах; путешественники страшились останавливаться в гостиницах» (стр. 38). Также Петрей: «Я видел в Москве, как одна бедная, изнуренная женщина шла по улице со своим ребенком на руках, схватила его на ходу кулаками и от сильного голода со злобой откусила два куска от руки младенца и ела их, сидя на улице. Так бы она и умертвила ребенка, если бы другие не отняли его у нее силой и не спасли его жизнь. Никто не смел открыто носить на рынке хлеб и продавать его, потому что нищие и бедняки отнимали его силой, а иногда и убивали до смерти разносчиков и продавцов хлеба. Бочка ржи стоила 19 талеров, тогда как прежде не стоила больше 12 грошей» (стр. 192). Ср. «Новый летописец»: «Бысть же в земле глад велий, яко и купити не добыть. Такая же бысть беда, что отцы детей своих меташу, а мужие жен своих меташу же, и мроша людие, яко и в прогневание божие так не мроша, в поветрие моровое. Бысть же глад три годы» (стр. 55). Ср. «Сказание Авраамия Палицына» в Русск. ист. библи., т. XIII, ст. 479—482 и 977—980; Сборник Русск. ист. общ., т. 32, стр. 437—441).

⁶⁹ «Новый летописец»: «Царь же Борис, видя такое прогневание божие, повеле мертвых людей погребати в убогих домах и учреди к тому людей, кому те трупы сбирати» (стр. 55). Буссов: «По воле государя назначены были особенные люди, которые подбирали на улицах мертвые тела, обмывали их, завертывали в белое полотно, обували в красные башмаки, вывозили в божий дом для погребения» (стр. 39). Петрей (стр. 192).

⁷⁰ Арендт Классен ван Стелингсверф, или, как его звали русские, Захарий Николаев, нидерландский аптекарь, приехал в Москву в 1576 г. Буссов говорит о лично знакомом ему аптекаре, служившем «лет сорок сперва старому тирану, потом сыну его, после того Годунову и наконец Димитрию». Петрей, передавая это известие Буссова, называет этого аптекаря Арендтом Кляуссеном (см. «Сказ. совр. о Димитрии Самозванце», II, стр. 103; Петрей, стр. 243). Кордт полагает, что Буссов считает сорокалетнюю службу Арендта Классена от его приезда до 1616 г., когда Буссов составлял свою хронику. См. Сборник Русск. ист. общ., т. 116, стр. ССХСIV.

⁷¹ Маржерет: «Голод свирепствовал с такою силою, что кроме умерших в других городах в одной Москве погибло от него более 120 000 людей; их похоронили за городом на трех кладбищах, иждивением государя, повелевшего выдавать даже саваны для погребения. Столь великая смертность в Москве произошла от того, что царь Борис приказал раздавать ежедневно милостыню всем бедным обитателям столицы, каждому по московке, т. е. около 7 динариев. Услышав о таковой щедрости государя, жители окрестные устремились в Москву, хотя некоторые из них еще имели средства кормиться; прибыв же в столицу с пустыми руками, не могли содержать себя означенною милостынею, несмотря на то, что в каждый большой праздник и воскресенье получали

по деньге, т. е. вдвое; посему, терзаемые голодом, одни умирали на улицах, другие дорогою на возвратном пути» (стр. 75). См. также Буссов (стр. 39), Петрей (стр. 192), ср. в «Сказании Авраамия Палидына»: «Мнози же тогда от ближних градов приищуше к царствующему граду, пропитатися хотяще от милостыни царевы; славе бо велице проходящи о милостыни. И тии убо приходящеи такожде погибашу скудости ради пища» (Русск. ист. библ., т. XIII, ст. 978).

⁷² Указ 1601 г. о хлебной спекуляции в «Сборнике князя Хилкова», Спб., 1879, № 62. См. также «Историко-юридич. акты XVI и XVII вв.» М. П. Семеvского, Спб., 1892, стр. 55—60.

⁷³ Маржерет говорит, что молва о Лжедмитрии разнеслась уже с 1600 г. «С 1600 года, когда разнеслась молва о Димитрии Поанновиче, Борис занимался ежедневно только истязаниями и пытками; раб, клеветавший на своего господина в надежде сделаться свободным, получал от царя награждение, а господина его, или главного из служителей дома, подвергали пытке, дабы исторгнуть признание в том, чего они никогда не делали, не слышали и не видали» (стр. 77—78). См. там же П. Пирлинг, Из Смутного времени, Спб., 1902, стр. 2—3.

⁷⁴ В Данию были отправлены думный дворянин П. С. Ржевский и дьяк Посник Дмитриев. См. «Наказная речь царских послов П. С. Ржевского и дьяка Дмитриева к датскому королю Христиану IV, с извещением о вступлении царя Бориса Федоровича на престол, с предложением королю царской дружбы и с приглашением к царю великих послов» (Рукописные акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю. Н. Щербачевым, Спб., 1897, стр. 329—334). См. также грамоты и крестоделовальные записи послов и царя, заключающие условия брака герцога Иоанна с Ксенией Годуновой, № 79—83, там же, стр. 333—362.

⁷⁵ Это указание Массы в русских источниках находит подтверждение только во Временнике Тимофеева: «Первое убо и верховнейшее дело его: основание в уме своем положи и промчесь всюду, еже о здании святая святых храма сего весь подвиг бе; яко же во Иерусалиме, во царствии его хотяще устроити, подражая мяся по всему Соломону самому, яве, яко уничижив толик древнего здания святителя Петра храм Успения божия матери» (Русск. ист. библ., т. XIII, ст. 342).

⁷⁶ В 1601 г. через Москву в Персию проехали два представителя папы — дон Эприкес Миранда и Франдиск Коста. Папа Климент VIII посылал их к шаху Аббасу I, чтобы условиться о союзе против турок и об учреждении католической миссии в Персии. См. P. Pierling, La Russie et le Saint-Siège, II, p. 378.

⁷⁷ В издании Археогр. комисс., стр. 41, столб. 2: Wasof, в издании Линде, 63: Blasof. В 1602 г. 26 июня «посылал царь и великий князь в Ывань город боярина Михайла Глебовича Салтыкова да дьяка Афанасия Власьева», Разр. кн., Симб. сборн., 146; «Новый летописец», стр. 56.

⁷⁸ «Когда мы подъехали к Москве на расстояние четырех миль, нас встретил царский ясельничий, по имени Михаил Игнатьевич Татищев, имевший при себе прекрасную серую лошадь со сплошной серебряной сбруей из кованого серебра, шириною в три пальца, и с позолоченным, усаженным драгоценными камнями оплечьем на шее. Поводья были в виде позолоченных через звено цепей в три пальца шириною из кованого серебра, на лошади было русское седло, обтянутое парчей и в прочих отношениях роскошно

убранное», «Дневник Акселя Гюльденстерна», в пер. Ю. Н. Щербачева («Чтения Моск. общ. ист. и др.», 1911 г., кн. 111, отд. II, стр. 14).

⁷⁸ Аксель Гюльденстерн говорит, что во встрече участвовало «10 или 11 тысяч всадников русских и немцев: впрочем, русские говорили, будто (всадников) 30 000, но на самом деле их было не больше, чем указано». Он отмечает интересную подробность этой торжественной встречи: «Когда мы въезжали в город, ни из крепости, ни из города не стреляли, но давка от пеших и конных была невообразимая, (русские) предполагали, что во время этого въезда множество бедного люда было задавлено до смерти» («Чтения в Моск. общ. ист. и др.», 1911, кн. III, стр. 15).

⁸⁰ Для того чтобы дарица, малолетние царевичи, старшие и младшие царевны и другие родственники дарицы могли смотреть на церемонии, происходившие в Грановитой палате, была устроена «смотрильная палатка» или «тайник». Более подробное описание этой палатки и смотрильной решетки см. И. Забелин., Домашний быт русских царей, ч. I, изд. 2-е, М., 1872, стр. 241.

⁸¹ «19 октября утром в 9 часов к герцогу Гансу (Хоанну) с Симеоном Микитичем явились пятеро царских докторов медицины, а именно: доктор Каспар Фидлер из Кенигсберга, доктор Иоганн Хилькен из Риги, доктор Генрих Шрейдер из Любека, доктор Давид Васмар из Любека и доктор Христофель Райтингер, уроженец страны Венгрии... В это самое утро царь приказал собрать у ворот Кремля по крайней мере с тысячу бедняков, каковые все получили милостыню, причем у ворот Кремля был такой шум и крик, что слышно было на нашем подворье, и мы могли предположить только, что это пожар» («Дневник Гюльденстерна», стр. 28—29).

⁸² Борис посетил больного герцога Иоанна два раза — 27 и 28 октября. «27 октября его царское величество сам был на подворье у моего господина, несмотря на то, что никто из побывавших у больного не смеет в течение трех дней являться пред очи дая — и даже (не смеет явиться перед царем) побывавший на подворье, где есть больной или покойник, если не прошло трех дней после его выноса, — так боятся русские болезней, — несмотря на это, в этот день царь сам приехал к моему господину посетить его в болезни, и как он нашел герцога очень больным и слабым, то стал горько плакать и жаловаться» («Дневник Гюльденстерна», стр. 32). Борис посетил герцога Иоанна также в день его смерти 28 апреля и несколько раз принимался горько плакать, «и все бывшие с ним бояре были и кричали так, что сами не могли друг друга понять; наш толмач тоже не мог ни расслышать, ни понять, что они говорят, так они были и кричали; и делали они это всякий раз, как начинал плакать царь» (там же, стр. 35).

⁸³ На недоброжелательство и даже злой умысел Семена Годунова по отношению к датскому «королевицу Егану» указывают и русские источники. Например «Новый летописец»: «Доиде же то до дая Бориса, что его любят всюю землею. Он же яростию наполнился и зависти и начаяше тово, что по смерти моей не посадят сына моего на царство, начат королевича не любить и не пощади дочери своей и повеле Семену Годунову, как бы над ним промыслити. Той же боярин Семен Годунов, не бояся праведного суда божия, начат он окаянный удумывать. Королевич же впаде в болезнь и присла по дохтуров. Дохтуры же быша у тово боярина Семена в приказе. Он же их

посылаше. Дохтуры ж его смотриша и, пришед, возвестиша Семену, яко можно ему пособити. Он же на них свирепым оком зряще и ничево к ним не проглаголаше. Они же то провидяху, яко негодно бысть. Королевич же и умре не крещен» (стр. 56—57).

⁸⁴ В издании Линде, стр. 68: Iurgen Bugan, в издании Археогр. комисс., стр. 44, столб. 2: Iurgen Bugow Ерген Буров—«Дневник Гюльденстерна» (стр. 41). См. грамоты Бориса Годунова к королю Христиану IV и вдовствующей королеве Софии с извещением о кончине герцога Иоанна (Рукоп. акты Копенг. гос. архива, Спб., 1897, № 85 и № 86, стр. 363—370).

⁸⁵ В издании Линде, стр. 68: Iairus в издании Археогр. комисс., стр. 44, столб. 2: Iawas.

⁸⁶ Путешествие Иоанна Датского в Москву описано в анонимной Реляции, вышедшей в 1603 г. в Магдебурге («*Warhafftige Relation der Reussischen und Muscowitischen Reuse*»), составление которой Аделунг приписывает придворному проповеднику герцога Иоанна М. Иоанну Лунду или его секретарю доктору И. Веберу. См. Ф. Аделунг, Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 г., пер. А. Клеванова, М., 1864, стр. 66—75. См. также дневник советника Акселя Гюльденстерна, сопровождавшего принца Иоанна, переведен Щербачевым и напечатан в «Чтениях Моск. общ. ист. и др.», 1911 г., кн. III, стр. 1—64. Другие документы, относящиеся к этому путешествию, см. Ю. Щербачева, Датский архив, стр. 159—173 и «Журнал мин. нар. просв.», 1887 г., июнь.

⁸⁷ Указание Массы на то, что герцог Иоанн умер в полном сознании и мог говорить до конца, неверно. Ср. в «Дневнике Гюльденстерна»: «И дарь сильно предавался горю. Тут герцог Ганс два или три раза весьма быстро и с силою поднялся в постели и повернул голову к царю, но ничего понятного сказать не мог» (стр. 34).

⁸⁸ См. царскую грамоту к королю Христиану IV об отпуске из Москвы посла Акселя Гюльденстерна со свитою и о похоронах герцога Иоанна (Рук. акты Копенг. гос. архива, Спб., 1897, № 91, стр. 387—392).

⁸⁹ Послы ганзейские явились в Москву 25 марта 1603 г., были представлены царю 3 апреля, были на отпуске 7 июня и выехали из Москвы 11 июня. См. отчет о поездке ганзейского посольства из Любека в Москву и Новгород в 1603 г. в книге «Сборник материалов по русской истории начала XVII в.». Перевод, введение и примечания И. М. Болдакова, Спб., 1896, стр. 2—45. Ср. Буссов (стр. 28), Петрей (стр. 185). «*Hist. Russ. Monum.*», II, № XXXII—XXXIV.

⁹⁰ Посол персидский Лачин-Бек въехал в Москву в 1603 г., 23 августа. В Разр. кн., сентября 4 «был у государя даря и великого князя казыбаской посол, в первой», Симб. сборн., 152.

⁹¹ Иван Федорович Басманов, отправленный против Хлопка, в битве с ним под Москвою был убит. См. «Новый летописец», стр. 58. Это событие относится к 1603—1604 гг.

⁹² Она умерла в 1603 г. 26 октября. П. С. Р. Л., т. IV, 321.

⁹³ В мае 1604 г.

⁹⁴ Масса, вероятно, говорит здесь о гибели в Дагестане («в Тарках») русского отряда. См. «Новый летописец»: «Всех же побиле на том бою болши 7000 окроме боярских людей» (стр. 57).

⁹⁵ Свидетельства иностранцев о личности первого Лжедмитрия весьма разнообразны: Масса согласен с официальной московской версией и отождествляет его с Григорием Отрепьевым. Петрей также согласен с этим, но добавляет, что Гришка «свел еще короткое знакомство с одним лукавым монахом», который им и руководил. «Заметив, что таилось в Гришке, монах познакомил его с русскими летописями и происшествиями и научил многим мошенническим проделкам, потому что он был чернокнижник, ловкий и способный на всякие дела, а Гришка имел большое понятие и расположение ко всему подобному. Монах думал, что из него выйдет что-нибудь необыкновенное, особливо потому, что у него на правой руке и на носу был такой же знак, как и у Дмитрия, убитого сына Ивана Васильевича, он имел такое же маленькое лицо, жесткие, черные волосы, был низкого роста и коренастого сложения» (стр. 186). «Научив Гришку всему, монах простился с ним, извернулся опять в Русь, в широкую степь к казакам, распустил между ними такую молву, что ему известно доподлинно, что законный, наследственный государь всех русских, Дмитрий Иванович, на самом деле жив и пользуется большим значением и почетом в Литве» (стр. 187). Буссов полагает, что Гришка Отрепьев, «зная хорошо все происшествия своего отчества», бежал из монастыря и «нашел в Белоруссии какого-то благородного юношу (то был побочный сын Стефана Батория, как мне открыли, по доверенности, польские вельможи) и дал ему нужные наставления для своего умысла: уговорил его сделаться слугою князя Адама Вишневецкого и потом, при удобном случае, открыть ему, вельможе, с притворною горестью, будто бы ему, еще младенцу, приготовлена была насильственная смерть» (стр. 32). Маржерет считает его истинным царевичем Дмитрием и передает рассказ о его спасении (стр. 20—21). Несомненно, это был польский ставленник и типичный авантюрист.

Вопрос о личности первого Лжедмитрия вызвал большую литературу. См. например Н. И. Костомаров, Кто был первый Дмитрий? М., 1864. (Ср. Соловьев, История России с древнейших времен, изд. 2-е, кн. 2, Спб., 1896, стр. 742—753), Н. Бицин (Н. М. Павлов), Правда о Лжедмитрии, «Русский архив», 1886 г., кн. II, В. С. Иконников, Новые исследования по истории Смутного времени, Киев, 1889, E. Š e r k i n, Wer war Pseudodemetrius I («Archiv für slavische Philologie», Bdd. XX—XXII, 1898—1900, A. Hirschberg, Dymitr. Samozwaniec, 1898, П. Пирлинг, Из Смутного времени, Спб., 1902 (в особенности стр. 1—38 и 221—235).

Большее значение для определения личности первого Лжедмитрия имеет открытое П. Пирлингом собственноручное письмо Лжедмитрия от 24 апреля 1604 г. к папе Клименту VIII и последующий анализ этого письма И. А. Бодуэном де Куртене и С. Д. Пташицким, установившими московское происхождение Самозванца. См. Л. Пташицкий, Письмо первого Самозванца к папе Клименту VIII, в «Известиях Отд. русск. яз. и слов. Академии наук», т. IV, кн. 2, Спб., 1899. P. Pierling, Lettre de Dmitri dit le Fausse à Clément VIII, Paris, 1898.

⁹⁶ «Цезарев гонец Балсарь пришел к Москве в 1604 г. мая 31», Памятники дипл. снош., т. II, стр. 818, «Цезарский посол Генрих Логау в 1604 г. 6 июля прибыл в Торжок, откуда направился в Москву» (там же, стр. 919). Буссов: «В июне 1604 года прибыл в Россию императорский посланник, барон фон Логау, из Праги, с значительною свитой: до приезда его отдано было царское повеление, чтобы ни один нищий не встречался ему на пути и чтобы все

рынки, которые мог он видеть, изобиловали жизненными припасами (стр. 41). Письмо дая Бориса к императору Рудольфу помечено ноябрем 1604 г. (См. сборник Болдакова, стр. 59—74).

⁹⁷ См. Бутурлин, История Смутного времени, т. I, Спб., 1839, прил. № 5 и 6; Собр. госуд. грам. и догов., т. II, № 76.

⁹⁸ Отвернида — или отвернидкое наречие — название условного или тайного (искусственного) языка. Засвидетельствовано в рукописи 1786 г. Андрея Мейера, Описание кричевского графства или бывшего староства. См. «Могилевская старина», вып. 2, Могилев—1901, стр. 80—137: «Сие наречие, подобно многим российским, а особенно суздальскому, введено в употребление праздношатавшимися и в распутстве жившими мастеровыми, которые, привыкнув уже к лени и пьянству, принужденными находились для прокормления своего оное выдумать и сплести, дабы посторонние их не разумели и они всех тем удобнее обкрадывать и мошенничать могли. Оно не основано ни на каких правилах и, кроме множества произвольно вымышленных, состоит из переломанных немедких и латышских слов. Употребляемая между ними таковая речь называется здесь отвернидкою или отвращенкою» (стр. 90). Повидимому, этот язык складывался не столько из чужеземных слов, сколько из слов своего языка, но с «отворачиванием» слогов, перестановкой их и заменой и вставкой различных частиц (Ку, Хер, Шаде и т. д.), см. П. Симоны, Искусственные языки, «Известия Отд. русск. яз. и слов. Академии наук», т. I, 1896 (библиография).

⁹⁹ «Новый летописец»: «И уведаша же про нево такие ж воры собаки донские казаки и послаше к нему з Дону атамана Корелу, с ним же послаша к нему казаков и дары: многие и биша ему челом, чтобы он не замешкал, шол в Московское государство, а они ему все рады» (стр. 61).

¹⁰⁰ Чернигов «подался» 25 октября (по новому стилю 4 ноября), Собр. госуд. грам. и догов., т. II, № 80; «Новый летописец»: «Той же окаянный Гришка, собрався с литовскими людьми и с Черкасы, прииде на Украину под град Чернигов и начал к Чернигову приступати. Воевода и бысть тут князь Иван Татев и начат с ними битися, не ведя тово, что в ратных людех измены, и приидоша ж вси ратные люди и ево поимаше и сами здалися к Ростриге и крест ему целовали» (стр. 61—62).

¹⁰¹ Буссов говорит, что весть о покорении Путивля «ужаснула Бориса». Он сказал князьям и боярам в глаза, что это было их дело (в чем и не ошибся), что они «изменою и крамолами стараются свергнуть его с престола» (стр. 45—46).

¹⁰² Масса ошибочно называет Ивана Годунова и Морозова князьями.

¹⁰³ Петрей: «Великий князь отправил послов к римскому императору и датскому королю; он сильно жаловался им на происки поляков с их Лжедмитрием и на неверность своих поданных, дружески прося при этом прислать ему на выручку иноземного войска, о чем уже гласно толковали в стране» («Чтения в Моск. общ. ист. и др.», 1866 г., кн. II, стр. 199).

¹⁰⁴ Буссов: «Московитяне же, после победы, занимались казнью своих единоверцев, присягнувших Димитрию в Комаринской волости: они повесили на деревьях за ноги несколько тысяч крестьян, с женами и детьми, и стреляли в них из ружей. Далеко были слышны вопли сих несчастных» (стр. 49). Об этом же говорит и Временник дьяка Ивана Тимофеева.

¹⁰⁵ Стейвер — медкая разменная монета в Голландии, равна $\frac{1}{20}$ гульдена.

¹⁰⁶ «Також и в Путиме окаянной князь Василий Рубец Масальский да дьяк Богдан Сутупов адумаше, также окольникчево Михаила Салтыкова поимаше, а к нему послаше с повинною, той же Гришка нача тово князь Василья жаловать», «Новый летописец» (стр. 62).

¹⁰⁷ Петрей: «Меж тем великий князь Борис послал в стан одного большого боярина, Василия Михайловича Мосальского, с 80 тысячами талеров в подарок войску, чтобы оно было верно; но боярин не нашел туда дороги, а зашел с деньгами в стан Димитрия, где принят был с большим уважением, с крестом и знаменами, с игрою на трубах и барабанным боем, и остался маршалком у Лжедимитрия. Деньги, принесенные им, Димитрий роздал своим казакам и ничего не дал полякам, отчего эти хотели выйти из службы, не желая продолжать ее без денег, почему оба воеводы, Сандомирский и Киевский, бывшие с Димитрием, должны были ехать в Польшу доставать денег и набирать людей, и взяли с собою 2 000 поляков» (стр. 196).

¹⁰⁸ Войско Лжедимитрия подступило к Новгороду-Северскому 21 ноября (по н. стилю), Собр. госуд. грам. и догов., II, № 169. Войско московское под начальством Мстиславского подступило к Новгороду-Северскому 18 декабря, Собр. госуд. грам. и догов., т. II, № 171. Сведения о численности войска, собранного Борисом против Самозванца, весьма разноречивы. Буссов утверждает, что войско «около Мартинова дня состояло уже почти из 200 000 человек» (стр. 46). Маржерет, служивший в царском войске, говорит, что число ратников в нем «простиралось от 40 до 50 000» (стр. 80). Паерле утверждает, что на помощь Новгороду-Северскому сперва подошло 60 000 воинов из Москвы, а потом это войско усилилось до 130 000 (стр. 13 и 17). Петрей вслед за Буссовым определяет численность московского войска в 200 000 (стр. 17). Об осаде Новгорода-Северского см. также Акты Моск. гос., I, № 42, «Новый Летописец», стр. 62.

¹⁰⁹ Эта битва происходила 21 декабря, Собр. госуд. грам. и догов., т. II, № 170—171. В разрядах 1605 г.: «Дек. в 21 у Новогородка Северского было дело с Ростригою... и к. Фед. Ив. по голове ранили во многих местах».

¹¹⁰ Это известие Массы неверно. После битвы с московской ратью Милославского и отхода от Лжедимитрия большинства поляков он снял осаду Новгорода-Северского и отошел к Севску.

¹¹¹ Blank — старая голландская монета, равна 12 феннингам.

¹¹² О различных чудесных предзнаменованиях и приметах говорят все иностранцы, отражая этим беспокойство, овладевшее Москвою. Масса, которого Пирлинг жестоко упрекает в легковерии (см. предисловие), проявляет в описании различных «знамений» гораздо больше умеренности, чем другие современники — иноземцы. У него даже замечен известный скептицизм и недоверие к подобным «рассказням» и «бредням», как он иногда их называет. Ср. Буссов: «Незадолго до этой войны, случились странные явления: видны были по ночам огненные столпы на небе, которые, сталкиваясь друг с другом, представляли сражение воинств. Они светили, подобно месяцу. Иногда восходили две или три луны, два и три солнца вместе, страшные бури низвергали городские ворота и колокольни. Женщины и животные производили на свет множество уродов; рыбы исчезали в воде, птицы — в воздухе, дичь — в лесах; мясо же, употребляемое в пищу, не имело вкуса, сколько его ни приправляли; волки и псы пожирали друг друга, страшно были в той стране, где после открылась война, и станицами рыскали по полям, так что опасно было выхо-

дять на дорогу без многих провожатых. В самой столице ловили руками людей разного рода, как бурых, так и черных: целый год такое было множество их, что никто не мог придумать, откуда они брались» (стр. 42—43). Петрей: «Видна была и комета в воздухе, очень яркая и светлая, это, без сомнения, означало бедственную погибель многих великих князей, опустошение и разорение земель, городов и деревень и великое невыразимое кровопролитие, что вскоре и последовало» (стр. 194).

¹¹³ По хронографу Карамзина битва при Добрыничах происходила 20 января, Изборник, изд. А. Поповым, 326. См. также об этой битве «Новый летописец», (стр. 62). (Черес побил 7 000; в хронографе Карамзина — 13 000). Рассказ Массы несколько подходит к наиболее достоверному описанию добрынической битвы у Маржерета (стр. 80—82). Ср. Буссов (стр. 47—48); Паерле (стр. 18—21); Петрей (стр. 197—192). Маржерет: «Между тем как главная рать царская стояла неподвижно в каком-то бесчувственном одеревенении, поляк повернул вправо к селу, где находилась большая часть русской пехоты с несколькими орудиями. Допустив неприятеля весьма близко, она дала залп из 10 000 или 12 000 ружей и так встретила поляков, что, объятые ужасом, они поворотили коней в совершенном расстройстве. Прочие поляки, пешие и конные, думая, что дело выиграно, понеслись во весь дух к деревне; увидев же своих в беспорядке бегущих, спешили удалиться, но уже поздно: их преследовали 5 или 6 000 всадников на пространстве 7 или 8 верст. Димитрий потерял почти всю свою пехоту, 15 знамен и штандартов, 13 орудий, оставив на месте 5 или 6 000 убитыми, кроме пленных. Из числа последних изменившие Борису были повешены среди войска» (стр. 84). Анекдот о пьяном поляке рассказывает также П. Петрей (стр. 197).

¹¹⁴ Буссов (стр. 47); Петрей (стр. 108). Ср. «Новый летописец» (стр. 63).

¹¹⁵ В изд. Арх. комм. *сanne*, в издании Линде *caner*.

¹¹⁶ Буссов: «Мстиславский и товарищи его осадили гнездо мятежников; иноземцы сожгли деревянные укрепления одного, так, что ни одного дома не уцелело; но казаки обвели город ровом, насыпали вал, а под валом вырыли землянки, где скрывались, как мыши, от пушечных выстрелов. Из главного рва они прокопали несколько небольших, откуда выползали на москвитян и отражали их приступы. Если же москвитяне устремлялись к городу всеми силами, казаки немедленно уходили в свои норы и там ожидали врагов, которые, однакож, не осмеливались нападать на них в сем убежище. Около трех месяцев войско борисово стояло под Кромами, истратило множество огнестрельных снарядов и ничего не сделало; измена бояр была очевидна; присланные Димитрием из Путивля 5 000 казаков среди белого дня провели в город съестные припасы на 100 подводах, пробравшись через один из русских лагерей, так, что в другом сего не заметили» (стр. 50—51). Об осаде Кром пишет Временник Ивана Тимофеева.

«Иное сказание»: «Во граде же Кромы сядише еретического же войска атаман казачей Гришка Корея с казаки и с кромляны. Царь же Борис посылает под град в Кромы воевод своих, боярина Федора Ивановича Шереметева, с великим войском. И пришед, град осади и приступы творя; из града же на приступех много войска побилша и крови христианския пролишася... Воеводы же ополчавашеся на град крепко налягаху, храбро и мужеством, и с наряду биюще по острогу и по граду и всякими стенобитными хитростями

налегая, и острог и град разбиша и до основания. Они же казаки, зломыслены и коварливы и бесстрашны к смерти и непокоривы и к нужам терпеливы, отсиживалися в норах земных, и бои с ними чиниша ис-под земли, тако же и на выласку вон из града битися выхожаху. И никако же града у них взяти не возмогоша. Московский же воеводы стояху и до весны», Русск. ист. библи., т. XIII, ст. 36. Хронограф Кубасова: «Царевы же воеводы стояли под городком три месяца и брани бесчисленны творяша, и из пушек из огненных непрестанно стреляху, и городок той запалиша; людие же городка того никако о сем ужасошася...» (Изборник А. Попова, стр. 290). Ср. «Новый летописец», стр. 63.

¹¹⁷ Михаила Борисовича Шеина. «Новый летописец», стр. 62.

¹¹⁸ Известие о смерти Бориса в сказаниях иностранцев, передающих легенду, распространившуюся тогда по Москве, и известия русских источников разноречивы. Буссов и Петрей утверждают, что Борис отравился: «Явная измена побудила воевод немедленно донести государю, что они в крайней опасности, что царская рать со дня на день уменьшается, а войско димитриево усиливается предательством бояр и толпами поляков, что наконец не останется и надежды одолеть Самозванца. Сраженный этою вестию, Борис принял яд. Утром 13 апреля он был еще здоров и свеж, а к вечеру скончался» (Буссов, стр. 51). Паерле говорит: «Весть о покорности всего войска Димитрию так перепугала Бориса, что он впал в болезнь и вскоре умер; по мнению многих, он сам себя отравил; по крайней мере достоверно, что смерть его была скоростипхная» (стр. 33).

Маржерет утверждает, что Борис умер от апоплексии (стр. 82). Ср. «Иное сказание»: «Борис же царь видел всех человек нерадение к нему, а радуют и ждут грядущего наридающегося царевича Дмитрея, и бысть о сем в великом сумлении, помышляя, егда будет и правду не рострига, но царевич Дмитрей. И конечно отчаявся живота своего, и скоро смертоносным зельем упоив себе, и пострижеса во иноческий чин, во инодех же наречен бысть Боголеп. И тако вскоре от лютого напоения скончася горкою и нужною смертью, як и образу его изменитися от изломания и всему телу во уголь почерневшу и виду его: но и сказати невозможно, таков бысть от лютоости зелейной» (ст. 39). По хронографу Кубасова: «В то же время, егда стояху людие царевы под Кромами, ополчахуся противу врага царева, случися царю Борису в царствующем граде сидети за столом в царском своем доме, обеднее кушанье творяше по обычаю царскому, и по отшествии стола того, мало времени минувши царь же в постельной своей храмине сидящу, и внезапно случися ему смерть» (Изборник А. Попова, стр. 290). Ср. хронографы Карамзина и Погодина (там же, ст. 327, 415), Сказание Авраамия Палидина (Русск. ист. библи., т. XIII, ст. 987), Сказание о Гришке Отрепьеве (там же, стр. 727).

¹¹⁹ Жолкевский говорит, что Борис страдал «водяною болезнью» (стр. 6).

¹²⁰ Борис «ко мздоиманию же zelo бысть ненавистен, разбойства и тяжбы и всякого корчемства много покусивая» (Статьи о Смуте из хронографа 1617 г., Русск. ист. библи., т. XIII, ст. 1282 — 1283).

¹²¹ По Маржерету: «Сей воевода, начальствовавший в Новгороде-Северском, во время осады этой крепости Димитрием, прибыл в армию с товарищем 27 апреля и привел воинов к присяге и верности и повиновению Федору Борисовичу» (стр. 84 — 85). Ср. Буссов (стр. 53), Петрей (стр. 200 — 201).

¹²² По Маржерету: «17 мая князь Василий Иванович Голицын и Петр Федорович Басманов, со многими иными, передались Димитрию Иоанновичу,

связав двух других воевод, Ивана Годунова и Михайла Салтыкова. Прочие воеводы и воины обратились в бегство к Москве, оставив все орудия и снаряды в окопах» (стр. 85). Ср. Петрей (стр. 201); «Новый летописец» (стр. 164); «Иное сказание» (Русск. ист. библи., т. XIII, ст. 40 — 41); «Сказание о Гришке Отрепьеве» (там же, стр. 728); Изборник А. Попова, стр. 229 (Хрон. 3 ред. I разр.), 267 и 268 (хрон. 3-й ред. 2-го разр.), 291 (хронограф Кубасова), 328 (хронограф Карамзина).

¹²³ «Новый летописец» говорит, что связать себя велел не Басманов, а Голыцын: «Для же своего лукавства князь Василий Голыцын и себя повеле связать, хотя у людей утаити» (стр. 64). О переходе Басманова к Лжедмитрию см. также в «Разрядных записях за Смутное время», пзд. С. А. Белокуровым, (Чтения в Моск. общ. ист. и др., 1907 г., кн. III, стр. 200 и XXI).

¹²⁴ О роспуске войска Маржерет говорит иначе: Дмитрий «приказал немедленно распустил недели на две или на три тех воинов, которые имели поместья под Москвою, других же отправил к столице с повелением пресечь подвоз съестных припасов; сам между тем подвигался к ней медленно с двухтысячных отрядом» (стр. 85). Ср. также у Борни (Русск. ист. библи., т. I, ст. 396) и «Акты Зап. России», т. IV, стр. 282, Сборн. Муханова, стр. 159.

¹²⁵ Петрей говорит о Лжедмитрии, что «куда [он] ни приходил, все делалось по его воле: в крепости Туле, в тридцати милях от Москвы, провел он несколько дней, разведывал о намерениях молодого принца и Годуновых, и писал к простому народу в Москве. Но Годуновы имели бдительный надзор, велели схватить и посадить в темницы гонцов, отобрали у них письма, замучили их, чтобы простой народ не имел никаких вестей о Дмитрии» (стр. 202). Ср. Буссов (стр. 53).

¹²⁶ В конце грамоты Лжедмитрия к московским жителям находится отметка: «привезли на Москву Гаврилу Пушкин да Наум Плещеев, июня в 1 день», Бутурлин, История Смутного времени, т. I, прилож., № VII, стр. 88. В хронографе 3 ред.: «Расстрига... на Тулу прииде, и первое к царствующему граду Москве гонцов своих с грамотою посылает, Гаврила Пушкина да Наума Плещеева, июня в 11 день» (Изборник А. Попова, стр. 229. См. там же, стр. 292, хронограф Кубасова и стр. 328, хронограф Карамзина). Ср. «Иное сказание» (Русск. ист. библи., т. XIII, ст. 47), «Сказ. о Гришке Отрепьеве» (там же, стр. 729), «Повесть Катырева Ростовского» (там же, стр. 547), «Новый летописец» (стр. 64 — 65).

¹²⁷ Буссов: «Схватили вдову его, дочь его, самого сына, коему недавно присягнули, и приставили к ним стражу; а прочих его родственников раздели донага, сковали цепями, посадили в навозные телеги, везли через пни и колоды, без покрова и тюфяков, в ненастное время, за несколько миль от Москвы, и бросили в темницы» (стр. 55 — 56). Ср. «Новый летописец»: «Царицу ж и царевича и царевну поимаша и сведоша их на старой двор царя Бориса и даша их за приставы» (стр. 65).

¹²⁸ Буссов указывает, что на иностранцев народ натравливал боярин Бельский.

¹²⁹ Легенда эта действительно была распространена. Гонсевский, будучи наедине у Лжедмитрия, представил ему, «что в Литве оказался некоторый иноземец, Алешка, бывший в Москве у Бориса Годунова в крестовых дячках, а потом поднячим в Стрелецком и в Казанском приказах, который везде рассказывает неподобные рассказы, будто бы царь Борис Годунов, следуя совету волхвов, подобного себе некоего человека зельем опонивши и предав его в Архангельском московском соборе земле, сам с множеством золота и дорогих вещей

под именем торгового человека ушел в Англию, где и ныне в живых находится, и вследствие сего польский король приказал нам в Англию о сем разведать, так и войскам своим всем быть в готовности, дабы в случае его (Отрепьева) требования могли они тотчас по письму его идти на помощь» («Переписка между Россиею и Польшею по 1700 год», составленная по дипломатическим бумагам Н. Н. Бантышем-Каменским, кн. II, 1584—1612 гг., «Чтения в Моск. общ. ист. и др.», 1861 г., т. I, стр. 60).

¹³⁰ «Всех же Годуновых и Сабуровых и Вельяминовых с Москвы послаши по тюрьмам в поизовые города и в сибирские. Единово жь от них Семена Годунова сослаша в Переславль Залесский со князь Юрьем Приемковым Ростовским, там ево удушиша», «Новый Летописец», стр. 66.

¹³¹ Ювенал, X, 112 и 113; фраза не окончена.

¹³² «Новый летописец»: Те же стрельцы убойцы их розведоша по храмины порознь. Царицу ж Марью те убойцы удавиша тово ж часа, царевича ж многие часы давиша, яко ж по младости в те поры дал бог ему мужество. Те же их злодеи убойцы ужасошася, яко един с четырьмя боряшеся, один же от них злодей убойца взят его за тайные уды и раздави» (стр. 66).

¹³³ Библия, кн. Премудрости Соломона, 1, 3.

¹³⁴ Эобанус Гессус—Гелнус Эобанус Гессус (1488—1540), гессенский поэт, писавший стихи на латинском языке. Есть указания, что его фамилия была Кох. Вел чрезвычайно беспорядочную жизнь. Был близок со многими гуманистами. Выступал на стороне Рейхлина в его борьбе с кельнскими обскурантами. Поддерживал дружеские отношения с Эразмом Роттердамским, сменившиеся впоследствии резкой враждой. Прославился и высоко ценится современниками как исключительный мастер латинского стиха, писавший с удивительной легкостью. Сочинил множество похвальных слов и стихотворений на случай, много переводил с греческого. В его латинских стихах нашли отражение и религиозные темы, разрабатываемые им в духе протестантизма.

¹³⁵ «Той же князь Василий с товарищи сказа миру, что царица и царевич со страстей испиша зелья и помроша, царевна ж едва оживе» («Новый летописец», стр. 66).

¹³⁶ «Тело же царя Бориса в Орханьиле выкопаша и положиша во гроб простый и несоша со царицею и со царевичем просто и погребоша на Устренской улице, в Варсунофьевском монастыре...» («Новый летописец», стр. 66).

¹³⁷ Лжедмитрий вступил в Москву 20 июня. Ср. Буссов (стр. 60—61); Паерле и Маржерет—30 июня (по н. стилю). «Сказ. совр. о Димитрии Самозванце», II, 34 и II, 86. Ср. «Иное сказание» (Русск. ист. библи., т. XIII, ст. 51), «Сказание о Гришке Отрепьеве» (там же, стр. 732).

¹³⁸ 18 июля, «Иное сказание» (Русск. ист. библи., т. XIII, ст. 54). Ср. «Новый летописец» (стр. 67); Буссов (стр. 61); Петрей (стр. 208); Маржерет (стр. 96—97).

¹³⁹ 8 июля «Сказание о Гришке Отрепьеве» (Русск. ист. библи., т. XIII, ст. 736), 29 июня в субботу (по ст. стилю)—Буссов (стр. 61) и Петрей (стр. 207) 31 июля (по н. стилю)—Маржерет (стр. 87) и Паерле (стр. 34).

¹⁴⁰ Иов был низложен перед венчанием Лжедмитрия. См. «Новый летописец», стр. 65.

¹⁴¹ Маржерет: «Чрез несколько времени в присутствии выборных чинов из всех сословий князя Василия Шуйского судили и признали виновным

в оскорблении величества. Царь повелез отрубить ему голову, а двух братьев его сослать в заточение. В четвертый день после приговора Шуйского вывели на площадь народную, и когда уже положили его на плаху, объявлено прощение по ходатайству царской матери, поляка Бучинского и других особ. Преступника наказали только вместе с братьями ссылкой; но он вскоре был призван ко двору. Никогда Димитрий не поступал так неблагоприятно, как в сем случае: помиловав Шуйского, он погубил самого себя» (стр. 87—88). В описании Борши сказано, что Шуйский был приговорен к казни до приезда матери Димитрия (Русск. ист. библи., т. I, ст. 398 и 399). В «Ином сказании»—25 июня (Русск. ист. библи., т. XIII, ст. 52), также в хронографе 3 ред. (Изборник А. Попова, стр. 235, 240). Ср. «Новый летописец» (ст. 67); «Сказание о Гришке Отрепьеве» (Русск. ист. библи., т. XIII, ст. 734—735); «Сказание Авраама Палидына» (там же, ст. 493 и 990); Буссов (стр. 68) и Петрей (стр. 211—212).

¹⁴² В издании Линде «восьмьюстами стрельцов», стр. 131; в издании Археогр. комисс. (стр. 78, столб. 2)—восемью тысячами.

¹⁴³ Об этом дворце см. Забелин, Домашний быт русских царей, т. I, изд. 2-е, М., 1872, стр. 53.

¹⁴⁴ Буссов: «Он ездил не в карете, а верхом на коне, и притом не на смирном; садился же на него не так, как прежние цари, которые становились на скамью, подставляемую двумя боярами, и влезали на лошадь. Димитрий, взяв одною рукою повод, другою едва прикасался к седлу, уже был на коне, и ни один ездок не мог сравниться с ним в искусстве и ловкости; нередко он забавлялся конским ристаньем, также охотою соколиною и псовой; однажды сам убил огромного медведя, которого спустили с цепи в селе Тайнинском, вопреки желанию князей и бояр. Для сего завел превосходных соколов, собак борзых и гончих, а для медвежьей травли английских догов» (стр. 64).

¹⁴⁵ Маржерет говорит, что Лжедмитрий «весьма был разумен и столь смешилен, что среди членов своего совета казался учителем среди школьников» (стр. 89). Также Буссов: «Не проходило дня, когда бы царь не присутствовал в совете, где сенаторы докладывали ему дела государственные и подавали об оных свои мнения. Иногда, слушая долговременные бесплодные прения их, он смеялся и говорил: «Сколько часов вы рассуждаете и все без толку. Так я вам скажу, дело вот в чем»—и в минуту ко всеобщему удивлению решал такие дела, над которыми сановитые бояре долго ломали свои головы. Он владел убедительным даром красноречия, любил приводить примеры из летописаний разных народов или рассказывать случаи собственной жизни; нередко, впрочем всегда ласково, упрекал господ сенаторов в невежестве, говоря, что они ничего не видали и ничему не учились; обещал дозволить им посещать чужие земли, где могли бы они хотя несколько образовать себя» (стр. 62—63).

¹⁴⁶ Буссов: «Димитрий, не доверяя князьям и боярам, учредил охранительную стражу из одних немцев, а в январе 1606 года назначил ей трех капитанов; старшим из них был Яков Маржерет, родом француз, человек весьма разумный, хорошо знавший язык немецкий. Дружина его состояла из сотни копейнощцев, вооруженных бердышами с золотым царским гербом; древки оных, обтянутые красным бархатом, прикрепленным вызолоченными и серебряными гвоздями, были увиты серебряною проволокою, украшены серебряными и золотыми кистями. Этой сотне через каждые три месяца производилось такое жалование, что войны большею частью могли носить плащи бархатные, обшитые золотым позументом».

том, и вообще одеваться весьма богато. Ливонец Кнутсен был капитаном второй сотни алебардщиков; они имели алебарды с царским гербом по обеим сторонам и носили кафтаны фиолетового цвета, обшитые красными бархатными шнурами; рукава же оных были из красной камки. Третьим капитаном был шотландец Алберт Вандоман, прежде называвшийся паном Ноттиндким, потому что он долго жил и между поляками. Его отряд также состоял из сотни алебардщиков, которые оружием не отличались от воинов второй сотни, но исподнее платье и кафтаны их имели зеленую бархатную обшивку, а рукава были из зеленой камки. Все они, получая хорошие оклады, немало гордились и поднимали нос» (стр. 65—66). Устрялов переводит нем. Hartschiéger—копыеносцы. В издании Археогр. комисс. голландское hartsiers переведено—«конные стрелки».

¹⁴⁷ «Иное сказание»: «И сотвори себе в маловремянней сей жизни потеху, а в будущий век знамение преевечного своего домовища, его же в Российском государстве, ни во иных, кроме подземного, никто его на земли виде: ад превелик зело, имеющ у себе три главы. И содела обоюду челюстей его от меди бряцало велие: сгда же разверзет челюсти своя, и извну его яко пламя престоющим ту является, и велие бряцание исходит из гортани его: зубы же ему имеюшу осклаблене, и ногты яко готовы на ухащенье, и изоутию его яко же пламень распалывшуся. И постави его проклятый он прямо себе на Москве-реде себе во обличенье, дабы ему ис превысочайших обиталищ своих зрети нань всегда и готову быти в нескончаемые веки вьонь на вселение и с прочим единомысленики своими». (Русск. ист. библ., т. XIII, ст. 55—56).

¹⁴⁸ «Новый летописец»: «Той же Рострига по обету своему посла в Литву свататца за себя у Сandomирского воеводы Офонася Власьева» (стр. 67).

¹⁴⁹ Перечень подарков см. ниже на стр. 206 и в прим. 179.

¹⁵⁰ Петрей: «Приняв венец по единодушному совету всех, он показал свое первое мужество и доблесть на дочери бывшего великого князя, Бориса Годунова, Аксинье: велел ее привести к себе, блудничал с нею несколько дней и, вдоволь натешившись ею, приказал остричь у ней волосы и прогнать ее в монастырь, где она и должна была оставаться до смерти» (стр. 208). «Царевну же Ксенню, дочь царя борисову, девицу сушу, срамотно счинниша над нею и девство ее блудом оскверниша, а потом пострижи ее повеле, и отослаша ее в дальнюю пустыню, в горы, на Белоозеро, близ пречестные обители Кирилова монастыря» (Повесть князя Катырева-Ростовского, первая редакция, Русск. ист. библ., т. XIII, ст. 577—579).

¹⁵¹ Гонсевский, посол, отправленный польским королем к Лжедмитрию с поздравлением, прибыл в Москву в августе 1605 г.

¹⁵² Этим послом был секретарь краковского нунция Алоизий Пратиссоли, прибывший в Москву с поздравлениями и подарками в октябре 1605 г. (П. Пирлинг, из Смутного времени, стр. 159—160).

¹⁵³ Петрей: «Когда же правление принял Гришка Отрепьев... принца отправили в город Ярославль, где содержали его не лучше пленника, за то только, что он больше расположен был к шведскому королю Карлу IX, нежели к польскому Сигизмунду III» (стр. 180).

¹⁵⁴ «Новый летописец»: «Нача же мысль быти в служивых людях в стрельцах, яко бы им х кому было пристать. Из них же бысть един стрелец, возвести Петру Басманову, Петр же Басманов возвести тому окаянному, он же повеле их, перемав, привести на дворец. Приведоша же их на дворец, той же Петр».

Басманов нача их росспрашивать. Они же не ужаснушася ничево, не похотеху суетного жития мира сего, начаша говорить встрепно. Голова же стрелецкой Григорей Миклуки, не убоясь суда праведного божия, дерзнул на смертное убойство, сам своими руками и побил их на дворде и секоша их аки части», стр. 68; Ср. Буссов: «Стрельцов Димитрий отдал на произвол их товарищей, объявив, что только тот будет признан не участвующим в заговоре, кто наложит руку на виновных. Все верные стрельцы бросились на изменников и, подобно псам, растерзали их зубами, в доказательство своей невинности» (стр. 68); Петрей (стр. 212).

¹⁵⁵ Масса повторяет приведенный им выше рассказ об Иване Грозном.

¹⁵⁶ Немтесский (Немоевский), Челари и Натан упоминаются также у Маржерета (стр. 160).

¹⁵⁷ Обручение происходило 12 ноября, Собр. госуд. грам. и догов., т. II, стр. 241; «Сказ. совр. о Димитрии Самозванце», т. IV, стр. 8; «Дневник Марины» — 22 ноября (по н. стилю).

¹⁵⁸ «В сих палатках... 9 мая ночевала царица, выехав из Вязьмы» («Дневник Марины», 27).

¹⁵⁹ Маржерет: «ее колесницу везли 10 погайских лошадей, все белые с черными пятнами, как тигры и леопарды, столь сходные одна с другою, что нельзя было различить их» (стр. 92). Описание въезда Марины в Москву сравни Буссов: (71—72), Петрей (214—216).

¹⁶⁰ При Турнгуте 22 января 1597 г. Мориц одержал победу над испанцами.

¹⁶¹ Польские послы были на аудиенции 3 мая 1606 г. («Сказ. совр. о Димитрии Самозванце», т. IV, стр. 127—140).

¹⁶² В дневнике польских послов: «Пан воевода Сандомирский и князь Масальский вели даря под руки»; «Сказ. совр. о Димитрии Самозванце», т. IV стр. 146. В отрывке брачного обряда: «а вести государя под правую руку воеводе Сандомирскому...» Собр. госуд. грам. и догов., т. II, стр. 291. Четыре человека — рынды, — носившие обычно белое платье на горностаях, белые шапки и сапоги.

¹⁶³ «Топ же окоянной Рострига женился на той Сердомирсково дочери и венчась в соборной апостольской церкви пречистые богородицы и церковь божию осквернил, введе в церковь некрещенных Латынь, ни кем же возбраняем, а женился майя в 8 день» («Новый летописец», стр. 68). Ср. «Сказание Авраамия Палицына» (Русск. ист. библ., т. XIII, ст. 993 и 495).

¹⁶⁴ Буссов: «Не обратил даже внимания на донесения своих капитанов, которые 13, 14 и 15 мая (четверг) уведомляли его о таившейся измене» (стр. 78). То же в «Дневнике Марины» (стр. 49—50); ср. «Записки Жолкевского» (стр. 170—171).

¹⁶⁵ Буссов: «Поляки при всем случае напились до пьяна и, возвращаясь домой, дозволяли себе весьма наглые поступки: рубили саблями встречавшихся москвитян и извлекали из карет знатных боярынь для удовлетворения гнусному сладострастию. Народ же все это брал на замечание» (стр. 70—77).

¹⁶⁶ В хронографе 3 редакции убийство Тимофея Осипова также отнесено ко дню убийства Самозванца (Изборник А. Попова, стр. 274—275). Ср. хронограф Погодина (там же, стр. 417); «Сказание Авраамия Палицына» (Русск. ист. библ., т. XIII, ст. 994); Сказание о Самозванце (там же, ст. 1423); Маржерет (стр. 89—99). Рассказ Массы отличается делым рядом подробностей от рассказа

других иностранцев и русских источников. См.: Буссов (стр. 79—84); Петрей (стр. 224—228); Паерле (стр. 60—62); Маржерет (стр. 93—94). Ср. «Иное сказание» (Русск. ист. библ., т. XIII, ст. 58). Изборник А. Попова (стр. 193, 238—239, 294, 329, 417); «Новый летописец» (стр. 68—89). См. известие о смерти Лжедмитрия I в письмах и допесениях иностранцев: «Материалы по Смутному времени на Руси XVII в., собранные В. Н. Александренко «Старина и новизна», кн. XIV, М. 1911, стр. 253—261.

¹⁶⁷ Петрей: «Русские раздели донага своего убитого Димитрия вместе с верным его камергером Петром Басмановым, привязали шнурком ногу Басманова к детородным частям Димитрия, вытащили их из ворот Кремля на площадь, принесли туда стол и скамейку, поперек к столу, так что ноги Димитрия лежали на груди Басманова, чтобы все видели и знали, что шатун монах, обманщик страны и осквернитель девиц в самом деле спроважен от жизни к смерти. Когда Гришка лежал в таком виде на столе, приехал из Кремля верхом один дворянин, привез с собой вольнку и маскарадное платье, бросил к нему на живот, в рот ему сунул дудку, а вольнку положил на грудь и сказал: «Ты блядской сын и обманщик страны, вдоволь прежде поиграл на дудке, поиграй теперь для нас» (ст. 229—230). Ср. в Повести князя Семена Шаховского (Русск. ист. библ., т. XIII, ст. 67). «Иное сказание»: «Лежа на торжище даже до трех дней, всякому на злоскверный его труп зряще, никем же не ни от кого покрываем, наг, яко же от чрева матери своея; и их же бо возлюбил идола да положены быша ему на персех» (Русск. ист. библ., т. XIII, ст. 59).

¹⁶⁸ Паерле: «Воеводу же Сандомирского они не тронули потому, что с ним было много людей вооруженных» (стр. 63).

¹⁶⁹ Ср. портрет Лжедмитрия I в «Повести князя Катырева-Ростовского» (первая редакция): «Рострига же возрастом мал, груди имея широки, мышцы толсты; лице же свое имел не дарсково достойна, препростое обличие имея, и все тело его велики помрачено. Остроумен же, паче и в научении книжном доволен, дерзостен и многоречив зело, конское рыстание любяще, на враги своя ополчитель смел, храбрость и силу имея, воинство же велики любяще», (Русск. ист. библ., т. XIII, ст. 621—622).

¹⁷⁰ Слух о том, что Лжедмитрий замышлял истребить всех вельмож, был распушен боярами. «Иное сказание»: «Да после смерти же того вора Гришки объявил поляк, который жил у него близко, что было тому вору ростриге вести снаряж пушечной большой из города и ис казны весь для стрельбы, и ехать было ему за посад; а бояром и дворяном и всяким людям быти было с ним же на стрельбы, а литовским людям всем, конным и пешим быти было с ним же всем вооруженным, с копий и с пищалями, будтося для потехи; и приехав было из снаряду всех бояр и думных людей и больших дворян побити; и расписав было имена у него всем, кому кого побити указано; а побив и приехав в город, роздавати ему было тестю своему, воеводе Сендомирскому, и его родству многие города и наша дарская казна, что осталася за его воровским расточением; и всех было православных христиан приводити в люторскую и в латынскую веру» (Русск. ист. библ., т. XIII, ст. 67, ср. также «Сказание Палидына», ст. 996); Буссов (стр. 73—74).

¹⁷¹ В издании Археогр. комисс., стр. 100, столб. I: Ullsum в издании Линде, стр. 172; Veesum.

¹⁷² Буссов: «С дозволения бояр Иван Голицын, сводный брат умершего

Басманова, взял с площади труп его и 18 мая похоронил подле его сына за английским подворьем» (стр. 100—101).

¹⁷³ После убийства Лжедмитрия I «паде мраз на всеплодие», «Иное сказание» (Русск. ист. библ., т. XIII, ст. 60).

¹⁷⁴ «По трех же днех везоша его на Котел и ево сожгоша», «Новый летописец» (стр. 69). Деревня Нижние Котлы при р. Москве и речке Котловке. Ср. «Сказание о Гришке Отрепьеве» (Русск. ист. библ., т. XIII, ст. 750), «Иное сказание» (там же, ст. 61).

¹⁷⁵ См. грамоту Василия Шуйского к датскому королю Христиану IV с подробным изложением событий (Рукоп. акты Копенг. гос. архива, Спб., 1897, № 95, стр. 397—418). Ср. Собр. госуд. грам. и догов., т. II, 3000; «Новый летописец» (стр. 69).

¹⁷⁶ Масса здесь путает Северскую землю, которую он сам обозначает как Siberia, и Сибирь.

¹⁷⁷ «Новый летописец»: «В таж времена еще Ростриге живу суду на Москве, град же, рекомый Терка, дальное расстояние имяше от Москвы, а именовашу и тот град по-руски Терку. На той же реке Терку живяху казаки. По умышлению и в них диявольскому заведеша в них воровство, назваша детину Пляшкку, Васильевского человека Елагина, даря Федоровым сыном, даревичем Петром, и о том писаху к Гришке к Ростриге. Он же повеле ему итти к Москве. Они же поидоша к Москве рекою Волгою, проидоша град Свияжской и встретоша с тою вестью, что тово окоянново Гришку Ростригу на Москве убили. Те же казаки с тем воров поворотилиша назад, многие города и места разориша и приидоша к городу к Царидыну» (стр. 71).

¹⁷⁸ Ср. перечень подарков в так называемой «Дневнике Маринны»: «После обручения немедленно поднесены были подарки: от дарской матери, Марини Федоровны, образ св. тройцы, в золотой ризе, осыпанной драгоценными камнями. От даря: корабль деною в 60 000; чарка гнадинтовая, немного меньшей цены; большие часы в футляре, удивительного устройства, с трубачами и барабанщиками, которые трубили и барабанили по пробитии каждого часа; перстень с большим алмазом; запона: большая птица с алмазами и рубинами; бокал червонного золота, с дорогими камнями; серебряный вызолоченный сосуд превосходной работы; крылатый зверь, оправленный золотом и дорогими камнями; драгоценное изображение богини Дианы, сидящей на золотом олене; серебряный пеликан, достающий свое сердце для птенцов своих; павлин с золотыми перьями; несколько жемчужин, величиною в мускатный орех; множество ниток не столь крупного жемчуга весом вообще 4 018 лотов; 18 кусков парчи и бархату» (стр. 8—9).

¹⁷⁹ Петрей: «Воевода с его дочерью, сыном и зятем, также и со всеми женщинами отвезены в Ярославль и охранялись крепкою стражей на большом дворе, а служители и другие поляки посажены в заключение; некоторые из них посланы и заключены и помещены в Костроме, Галиче, Вологде и Казани; им не давали ничего другого, кроме хлеба и воды. Все же бывшие там польские дворяне должны были продать за половинную цену свое платье, галантерейные и всякие другие вещи, сохранившиеся у них во время бунта, на свое содержание и на покупку съестного» (стр. 240—241).

¹⁸⁰ «Новый летописец»: «Первое ж зачало крови христианские в Путимле городе князь Григорей Шеховской измени дарю Василью со всем Путимлем

и сказа путимдам, что царь Дмитрей жив есть, а живет в приккрыте: бонтда изменников убивства» (стр. 70).

¹⁸¹ В издании Археогр. комисс. — здесь 30 000.

¹⁸² В издании Археогр. комисс., стр. 106, столб. I: en gingen over 500 na huys; в издании Линде, стр. 183: en gingen over see na huys.

¹⁸³ «Новый летописец»: «Царь же Василей и посла на Северу и в Украине города воевод своих со многою ратию. Они же изменники збирахуса все; бояре ж придоша под град Елец и стояху под градом, ничево не возмогоша сотворити граду» (стр. 71).

¹⁸⁴ В издании Археогр. комисс., стр. 107, столб. I: en soo voort meer andre svoesklude; в издании Линде, стр. 185: en soo voort meer andre sacken die...

¹⁸⁵ Их велено было отправить в 1606 г. 11 июня. Переписка между Рос-сийей и Польшею, составленная Бантышем-Каменским «Чтения Моск. общ. ист. и др.», 1861 г., кн. I, отд. II, стр. 83: «Послы вернулись в Москву в 1607 г. 13 февраля» (там же, стр. 84).

¹⁸⁶ «Новый летописец»: «Бысть в лето 7115 году собрахуса боярские люди и крестьяне, с ними же пристаху Украинские посадские люди и стрельцы и казаки и начаша по градом воеводы имати и сажати по темницам. Бояр же своих дома разоряху и животы грабаху, жеп же их и детей позоряху и за себя имаху. В них же бысть старейшим князь Андреев человек Андрея Телятевского Ивашка Болотников» (стр. 71).

¹⁸⁷ Ср. Буссов (стр. 108—109); Петрей (стр. 246—247).

¹⁸⁸ Войска Болотникова «пришли под Москву в Коломенское и в иные места в Заборское, стали блиско Москвы»... «а козаки в осаде в Заборье сидели...», Изборник, изд. А. Поповым, стр. 332 (хронограф. Карамзина), «Новый летописец»: «И собрашася вси и поставиша себе старейшину Совлоденина сына борясково Истому Пашкова и совокупишася с тем Ивашком Болотниковым за одно и поцдоша под Москву, град же Коломну взяша взятьем и разориша его и пришед стаха от Москвы за пятьдесят верст» (стр. 72), «Иное сказание» (ст. 99).

¹⁸⁹ Об отъезде Пашкова ср. «Новый Летописец»: Той же «Истому Пашков, узнав свое согрешение, со всеми дворяны и з детми боярскими отъеха ко царю Василю к Москве, а те воры боярские люди и казаки, бующися, отнюдь не обрацахуса» (стр. 73). См. также «Иное сказание» (Русск. ист. библ., т. XIII, ст. 114); хронограф. Карамзина (Изборник А. Попова, стр. 332); Буссов (стр. 108—109); Русск. ист. библ., т. I, стр. 121—122.

¹⁹⁰ В грамоте царя Василия в Верхотурье (1606 г. 5 декабря): «Воры многие, разбойники и казаки воровские... пришед под Москву, стояли в Коломенском... Декабря в 2 день... бояры наши и воеводы тех воров всех побили на голову...», Собр. госуд. грам. и догов., т. II, стр. 318 и 319; «Новый летописец»: «Тех воров многих пбиша и живых многих поимаша, яко убо на Москве ни в тюрьмы ни в полаты не вместяхуса, а назад той же вор Ивашко Болотников не с великими людьми ушел и сяде во граде в Колуге: а иные ссдоша в деревне в Заборье. Бояре же со всеми ратными людьми приступаху к Заборью. Они же воры, видя свое неизможение, здалися все. Царь же Василей повеле их взяти к Москве и поставить по дворам, повеле им давати кормы и не веле их ничем тронутти, тех же воров, кои поиманы в бою, повеле их посадити в воду» (стр. 73).

¹⁹¹ В издании Археогр. комисс., стр. 113, столб. 2: sout handel; в издании Линде, стр. 197: hout handel.

¹⁹² Воеводы «начаша под Колугою над ворами промышляти, поведоша гору деревянную к острогу и хотяху зажечь, приметаша же гору близ острогу. Той же Болотников, вышед со всеми людьми и тою гору зажгоша, и на приступе многих людей побивша и пораниша, а городу ничего не сделаша». «Новый летописец» (стр. 73).

¹⁹³ «В Новгороде Великом бысть мор великий», «Новый летописец», стр. 71

¹⁹⁴ «Царю Василью Ивановичу Шуйскому некогда было заниматься дворцом: он выстроил только для себя новые брусяные хоромы, потому что жить в опальном дворце Дмитрия было неприлично новому государю», Забелин, Домашний быт русских царей, т. I, стр. 54.

¹⁹⁵ «Под Веневою жь стоя воевода князь Андрей Хилков и над Веневою не здела ничего; с Веневы жь вышлиши воры от города отбили. Они же отоидоша на Коширу», «Новый летописец», стр. 73.

¹⁹⁶ Пов приехал в Москву 14 февраля 1607 г., Акты Арх. Эксп., II, стр. 149.

¹⁹⁷ «Новый летописец»: «Ис Путимля ж и из иных Сиверских городов воры приидоша на помочь к Колуге, приидоша на Вырку. Бояре жь под Колугою слышаху про них, что идоша многие люди, воевода ж с ними ворами князь Василий Массальской. Бояре ж послаша ис-под Колуги против их боярина Ивана Никитича Романова да князь Данила Ивановича Мезецкова со многими ратными людьми. Они же всретоша их на Вырке речке и начаша с ними битися и бились с ними день да ночь; и по милости божии побивша воров на голову и воеводу князь Василья убиша. Достаальные ж воры многие на зеленых бочках сами сидяху и под собою бочки з зельем зажгоша и злою смертию помроша» (стр. 73—74).

¹⁹⁸ Грамоты о сборе ратных людей в начале 1607 г. см. в А. А. Э., II, № 70, 72, 77.

¹⁹⁹ 23 марта 1607 г. боярин Салтыков объявил воеводе Сандомирскому о дозволении царя отправить в Польшу 70 человек служителей, «Дневник Марини» (стр. 83—84).

²⁰⁰ «Боярин же князь Иван Михайлович Воротынский из Олескина поиде под Тулу. На Туле же в те поры воров было много. Воевода ж у тех воров князь Андрей Телятевской и выде со всеми людьми, князя Ивана Михайловича разгона, едва ушел в Олескин», «Новый летописец» (стр. 73).

²⁰¹ В издании Археогр. комисс., стр. 117, столб. 2: Boris Fatof; в издании Линде, стр. 205: Boris Tatof. Последнее верно. Битва эта происходила на Пчельне. Ср. «Новый летописец» (стр. 74).

²⁰² Беззубцов, как замечает Буссов, был на стороне Болотникова сперва в Калуге, потом в Туле (стр. 131).

²⁰³ Шуйский выступил из Москвы 21 мая. (Рукопись Филарета. Сборн. Муханова, стр. 275).

²⁰⁴ «Новый летописец»: «Приде ко царю Василью Муромед сын боярской Фома Сумин сын Кравков и рече ко царю Василью: «Дай мне посохи: яз де потоплю Тулу». Царь же Василий и бояре посмеяхусь ему, како ему град Тулу потопить. Он же с прилежанием к нему: «Вели меня казнить, будет не потоплю Тулы». Царь же Василий даде ему на волю. Он же повеле всей рати со всякого человека привести по мешку з зельем и нача реку под Тулою прудити: вода учала прибывати. Царь же Василий, видя ево промышленне, наипаче ему повеле совершати и повеле ему дати на пособ мельников. Он же реку запрудил и

град Тулу потопил совсем. Воры же видя свое неизможение, царю Василию сдались и вора Петрушку взяша и угодника ево, всей крови заводчика, князя Григорья Шаховского, тут же взяша Ивана Болотникова и иных воров и отослаша их к Москве» (стр. 77). Ср. Изборник Попова, стр. 337—338 (хронографа Кубасова).

²⁰⁵ «Новый летописец»: «И пришел к Москве, велел того вора Петрушку повесити, а князь Григорья Шаховского посла на Каменое, а Ивашка Болотникова и Федьку Нагибу и иных товарищев сослал в Поморские города и там их повеле казнити» (стр. 77).

²⁰⁶ По одним источникам, Болотников был взят в плен, по другим — сам сдал крепость при условии помилования. (Ср. Буссов, стр. 129).

²⁰⁷ «Царь же Василей взя за себя боярина князь Петрову дочь Буниосова царицу Марью», «Новый летописец» (стр. 79). Свадьба происходила генв. 14 — по рукописи Филарета, Сборн. Муханова, стр. 276; генв. 17 — по чину венчания, Древняя Вивлиофика, т. XIII, стр. 122.

²⁰⁸ Послы польские прибыли в Москву 12 октября 1607 г. («Чтения в Моск. общ. ист. и древн.», 1861, кн. I, отд. II, стр. 85).

²⁰⁹ Масса говорит здесь о поражении русских под Болховым в апреле 1608 г. «Новый летописец»: «Царь же Василей посла бояр своих против вора и повеле им стояти в Болхове, брата своего боярина князя Дмитрия Ивановича Шуйсково с товарищи. Он же прииде и ста в Болхове и стоял в Болхове до весны. Весною же поиде к Орлу. Вор же и етман Ружинский с литовскими людьми поиде против ево, и соидошася с ним в субботный день и начаша битися. Грех ради наших воевода в передовом полку князь Василей Голицын исторопися, яко же убо и большому полку наченше мятися: многие же и побегоша в сторожевой полк... В той же день побиха многих московских людей, рохмистра Петра Микулаева со всею ротою с немедкими людьми побихаша... На завтрее литовские же люди поидоша на московские полки и поидоша на них и соидошася с ними и начаша битися. Бояре же похотеши от них отойти к Болхову и начаша отпущкати наряд. В ту же пору измени Коширянин сын боярской Никита Лихарев и сказа, прииде, вору, что бояре отпущают наряд назад и сами хотят итти прочь. Вор же и гетман, слыша то, и всеми людьми напустиша на московских людей и московских людей розогнаша и наряд у них понимали. Бояре же и ратные люди побегоша к Москве... Бояре же приидоша к Москве, и бысть на Москве ужась и скорбь велия» (стр. 79).

²¹⁰ Буссов: «9 июня Димитрий со всеми силами подступил к Москве... 29 июня 1608 года... расположился лагерем в 12 верстах от Москвы, селе Тушино» (стр. 138—139). Ср. «Новый летописец»: «отшед став в Тушине и нача тут табары строить» (стр. 80).

²¹¹ О нем есть упоминание в отписке вологжан в Соль Тотемскую: «А которые государевы изменники, воевода Федор Нашекин и пап Янь Поляк...», Акты Арх. Эксп., т. II, стр. 186. «Иван Верин, сын Коверин, а у вора и был он дьяк...» (там же, стр. 191).

²¹² В начале декабря 1608 г. воеводою в Вологде был Никита Пушкин, а дьяком — Рахманин Воронов, А. А. Э., т. II, стр. 191.

²¹³ Грамоты к вологодскому воеводе и к вологжанам см. С. Г. Г. и Д., т. II, стр. 363—367, А. А. Э., т. II, стр. 223—224.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
От переводчика <i>А. А. Морозова</i>	3
<i>Ис. Масса</i> — Краткое известие	13
Примечания	181
Указатели	208

Перевод, примечания и вводная статья А. А. Морозова. Редактор Н. Рубинштейн. Технический редактор Л. Кошуткина. Корректор В. Малкина. Сдано в набор 8/1—1937 г. Подписано к печати 15/X—1937 г. Формат 72 × 110/16. Печ. л. 13. 3ш. в печ. л. 40 960. Огиз № 1826. Заказ № 1212. Тираж 10 000 экз. Цена книги 4 р. 25 к. Переплет 1 р. 75 к. Уполномоч. Главлита Б-12979. Типография «Печатный Двор», им. М. Горького, Ленинград, Гатчинская, 26.

